

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ПЕРМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

На правах рукописи

КУДЕЛЬКО Татьяна Анатольевна

**СЕМАНТИЧЕСКАЯ ЗОНА КАУЗАТИВНОСТИ
В УСЛОВИЯХ МЕЖКАТЕГОРИАЛЬНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ
(НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО, АНГЛИЙСКОГО
И НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКОВ)**

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Специальность 5.9.8. Теоретическая, прикладная
и сравнительно-сопоставительная лингвистика

Научный руководитель:
доктор филологических наук, профессор
Шустова Светлана Викторовна

Пермь – 2026

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	6
ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ АНАЛИЗА	
КАТЕГОРИИ КАУЗАТИВНОСТИ	20
1.1. Понятие каузативности.....	20
1.2. Становление термина <i>каузативность</i>	23
1.2.1. Содержательный потенциал термина каузативность	25
1.2.2. Категориальная ситуация каузативности в настоящей работе	28
1.2.3. Компьютерный помощник как объект каузации	30
1.3. Функционально-семантическое поле каузативности	34
1.4. Семантическая зона каузативности.....	36
1.4.1. Аналитический потенциал понятия семантической зоны для исследования каузативных конструкций в Русском Конструктиконе.....	43
1.5. Подходы к анализу категории каузативности.....	45
1.5.1. Функционально-семантический подход	47
1.5.2. Функционально-когнитивный подход	51
1.5.2.1. Категоризация и прототипический эффект.....	54
1.5.3. Конструктикографический подход.....	57
1.5.4. Дискурс-анализ	62
1.6. Теоретические основания анализа поликатегориального взаимодействия	65
1.6.1. Теория речевых актов как инструмент анализа каузативных стратегий	68
1.7. Компьютерно-опосредованная коммуникация как объект лингвистического исследования	70
1.8. Материал и методы исследования.....	72
1.8.1. Материал исследования	72
1.8.2. Методы исследования	79

Выводы по главе 1	84
ГЛАВА 2. КОГНИТИВНОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ СЕМАНТИЧЕСКОЙ ЗОНЫ КАУЗАТИВНОСТИ В РУССКОМ, АНГЛИЙСКОМ И НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКАХ	87
2.1. Лексикографический инструментарий и методика анализа каузативных единиц	87
2.1.1. Словари русского языка	88
2.1.2. Словари английского языка	88
2.1.3. Словари немецкого языка	89
2.1.4. Анализ семантического потенциала каузативных единиц (на примере глагола «компьютеризировать»)	90
2.1.5. Междометия и междометные фразеологизмы в аспекте каузативности	93
2.1.6. Лексикографический анализ в сопоставительном аспекте	96
2.2. Структура каузативной ситуации: конструктикографический анализ	99
2.2.1. Каузатор и Объект Каузации	99
2.2.1.1. Типы коммуникативных сценариев	103
2.2.2. Содержание каузации	110
2.2.3. Инструмент каузации	120
2.2.4. Результат каузации	128
2.2.5. Тип компьютерного помощника как фактор вариативности каузативной стратегии	130
2.3. Моделирование семантической зоны каузативности	137
2.3.1. Модель семантической зоны каузативности в русском языке	142
2.3.2. Модель семантической зоны каузативности в английском языке	144
2.3.3. Модель семантической зоны каузативности в немецком языке	146

2.3.4. Сопоставительный анализ полевых структур	149
Выводы по главе 2.....	154
ГЛАВА 3. КАУЗАТИВНАЯ СИТУАЦИЯ В ДИСКУРСЕ	
ЧЕЛОВЕКО-КОМПЬЮТЕРНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ:	
АСПЕКТЫ ПОЛИКАТЕГОРИАЛЬНОСТИ	157
3.1. Каузативная ситуация в дискурсе человеко-компьютерного	
взаимодействия	157
3.1.1. Типовые сценарии каузативности	165
3.1.2. Каузатор-Человек и Каузатор _{Компьютерный Помощник}	169
3.1.3. Сбой как особая каузативная ситуация.....	172
3.2. Система средств выражения каузативности	
в дискурсе человеко-компьютерного взаимодействия.....	176
3.2.1. Ядерные средства: прямой императив	178
3.2.2. Периферийные средства группы 1:	
косвенные речевые акты, вопросы-жалобы, ирония.....	183
3.2.2.1. Вопрос-жалоба	184
3.2.2.2. Вопрос-просьба	185
3.2.2.3. Метакоммуникативные команды	186
3.2.2.4. Саркастическая похвала	187
3.2.3. Периферийные средства группы 2: междометия,	
междометные фразеологизмы, сленговые глаголы.....	189
3.2.3.1. Междометия как каузативные единицы	190
3.2.3.2. Междометные фразеологизмы как каузативные	
единицы.....	191
3.2.3.3. Сленговые глаголы как маркеры сбоя	192
3.2.3.4. Поликатегориальные комплексы в периферийных	
средствах	193
3.2.4. Инструментарий Русского Конструктикона для анализа	
каузативных конструкций	196
3.3. Реализация каузативных стратегий: сопоставительный анализ ...	204

3.3.1. Русскоязычный подкорпус:	
от прототипической команды к фрустрации.....	205
3.3.2. Англоязычный подкорпус: баланс прямых и косвенных	
каузативов	208
3.3.3. Немецкоязычный подкорпус: промежуточная модель	
с элементами фатики	210
3.3.4. Сводные данные по трем языкам: общее и различное	212
3.4. Механизмы актуализации поликатегориальности	
в семантическом комплексе	217
3.4.1. Каузативность и интенсивность	218
3.4.2. Каузативность и эмотивность	222
3.4.3. Каузативность и итеративность	226
3.4.4. Каузативность и фазисность	230
3.4.5. Репрезентативные случаи поликатегориального	
взаимодействия.....	235
3.4.6. Динамика поликатегориального взаимодействия	
при коммуникативном сбое	241
3.4.7. Принятие этического отказа как маркер	
антропоморфного восприятия	244
Выводы по главе 3.....	248
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	250
СПИСОК ПРИНЯТЫХ СОКРАЩЕНИЙ	254
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК	256
СПИСОК КОРПУСОВ.....	276
СПИСОК ИСТОЧНИКОВ МАТЕРИАЛА.....	277
СПИСОК СЛОВАРЕЙ.....	280
ПРИЛОЖЕНИЕ I. Образец кода на Python для анализа корпуса данных.....	281
ПРИЛОЖЕНИЕ II. Примеры каузативных высказываний в диалогах с	
компьютерными помощниками (русский, английский, немецкий языки).....	282

ВВЕДЕНИЕ

Исследование сосредоточено на анализе семантической зоны каузативности в условиях межкатегориального взаимодействия на материале русско-, англо- и немецкоязычных высказываний, обслуживающих сферу взаимодействия с компьютерными помощниками (далее – КП). Работа выполнена в рамках функциональной грамматики, прикладной лингвистики, теории дискурса и лингвистического моделирования. В основе исследования лежит интеграция функционально-семантического, когнитивного и конструкторского подходов, что позволяет не только описать инвентарь каузативных средств русского, английского и немецкого языков, но и выявить когнитивные механизмы, их актуализацию в новой, динамично развивающейся сфере человеко-компьютерного взаимодействия. «Человечеству важно понимать, как мыслит ИИ, и что с этим делать», – говорит Т. В. Черниговская¹.

Актуальность избранной темы обусловлена комплексом факторов, среди которых первостепенное значение имеют лингвистические, когнитивные и экстралингвистические аспекты. Современный этап развития технологий характеризуется массовым внедрением систем искусственного интеллекта (далее – ИИ), способных поддерживать диалог с человеком на естественном языке. Голосовые помощники (*Алиса, Салют, Маруся*), чат-боты (*ChatGPT, Claude*) и умные колонки перестали быть узкоспециализированными инструментами. Они становятся *квазисобеседниками*, с которыми пользователь взаимодействует в повседневных, игровых, рабочих и даже личных контекстах. В этой новой коммуникативной среде меняется сам характер коммуникации: человек обращается к машине, которая имитирует человека, и это порождает особые языковые стратегии. Центральное место в таком взаимодействии занимают побудительные высказывания – команды, просьбы, запросы, с

¹ Черниговская Т. В. – доктор биологических наук, профессор СПбГУ, специалист в области когнитивных наук. Выступление на сессии Петербургского международного экономического форума (ПМЭФ-2026). Цит. по: Комсомольская правда. 2026. 3 июня. URL: <https://www.spb.kp.ru/daily/277788/5258263/> (дата обращения: 17.07.2026).

помощью которых пользователь добивается от помощника выполнения необходимых действий и получения информации. В лингвистике эти явления традиционно изучаются в рамках категории каузативности – функционально-семантической категории, объединяющей разноуровневые средства выражения побуждения. Объектом каузации в настоящем исследовании выступает *компьютерный помощник* – функциональный программный агент, предназначенный для организации интерактивного взаимодействия с пользователем на естественном языке. К компьютерным помощникам относятся как голосовые ассистенты (Алиса, Маруся, Салют, Alexa), так и текстовые чат-боты (ChatGPT, Claude, Gemini). В силу способности имитировать человеческое коммуникативное поведение КП приобретает статус квазисубъекта, что создает условия для антропоморфных проекций пользователя и актуализации особых каузативных стратегий. В настоящей работе вводится понятие Каузатор_{КП} – программный агент, который в ответной реплике занимает позицию первого лица и вызывает изменение состояния пользователя. Это позволяет рассматривать каузативность в диалогах с компьютерным помощником как двустороннее явление, а не только как однонаправленное воздействие человека на машину.

Сопоставительный аспект исследования, а именно привлечение русского, английского и немецкого языков, также обладает высокой актуальностью. Сфера человеко-компьютерного взаимодействия глобальна, вместе с этим, языковые стратегии пользователей в разных лингвокультурах могут как совпадать (универсальные когнитивные механизмы), так и различаться (грамматические особенности, степень допустимости прямой команды, роль вежливости). Выявление этих закономерностей важно не только для теории, но и для прикладных задач: проектирования интерфейсов, обучения нейросетей, локализации цифровых продуктов, составление языковых корпусов, расширение баз Русского Конструктикона (<https://constructicon.ruscorpora.ru/>) и Прагматикона (<https://pragmaticon.ruscorpora.ru/>). Актуальность работы обусловлена также необходимостью системного описания каузативных средств, функционирующих в

дискурсе человеко-компьютерного взаимодействия, и выявления когнитивных механизмов, лежащих в основе их использования в русском, английском и немецком языках.

Степень разработанности проблемы. Теоретическую базу настоящего исследования составили работы в нескольких областях. Методологический фундамент исследования составляет функционально-семантический подход, разработанный в трудах А. В. Бондарко [1990, 2002, 2003, 2004, 2016, 2017]. Ученый разработал теорию функционально-семантических полей и принципы анализа языковых явлений в единстве формы и функции. Непосредственно теория каузативности как функционально-семантической категории с полевой структурой развита в исследованиях С. В. Шустовой [1993, 2010, 2011, 2021, 2025], а также в работах Н. П. Сюткиной [2017, 2019, 2020] и А. А. Афанасьевой [2024]. Типологические аспекты каузатива представлены в трудах В. П. Недялкова и Г. Г. Сильницкого [1969]. Отдельного внимания заслуживают исследования, выполненные на материале немецкого языка, в частности работы С. В. Шустовой [2015, 2020] и Е. С. Комиссаровой [2015, 2020], посвященные категориям итеративности и каузативности в немецком языке. Эти работы непосредственно учитываются в сопоставительной методике настоящего исследования.

Продуктивность функционально-семантического подхода для различных типов дискурса подтверждается исследованиями М. Г. Милютиной [2013, 2021]. Ключевое значение для понимания механизмов семантической деривации имеют труды Р. И. Розиной [2005]. Для анализа синтаксических моделей работа опирается на принципы грамматики конструкций [Рахилина 2010] и данные Русского Конструктикона [Ляшевская и др. 2020; Эндресен и др. 2020; Janda et al. 2018].

Теория дискурса представлена исследованиями Н. Д. Арутюновой [1988], Т. ван Дейка [2013, 1998, 2008], В. И. Карасика [2002], М. Л. Макарова [2003], М. Фуко [1996], Е. И. Шейгал [2004]. Обзор подходов содержится в работах М. Ю. Олешкова [2006] и Е. В. Макаровой с соавт. [2016]. Концептуальный синтез социологического и лингвистического подходов представлен в работах О. Н. Путиной [2021, 2022]; анализ языковой репрезентации научного знания – в

исследованиях Т. Р. Копыловой [2007]; коммуникативные аспекты дискурса – в работах Г. Г. Почепцова [2001]; исследование межкатегориальных связей в грамматике представлено в работах Н. И. Пушиной [2000].

Компьютерно-опосредованная коммуникация изучалась в работах Е. И. Горошко [2005, 2007аб, 2009, 2010, 2015], О. В. Лутовиновой [2008, 2009аб, 2013, 2014], Д. Кристала [Crystal 2001], С. Херинг [Herring 2004], К. Терлоу, Л. Ленгел и Э. Томич [Thurlow, Lengel, Tomic 2004]. Психологические аспекты взаимодействия человека с компьютером и феномен антропоморфизации технологий исследованы в трудах Ш. Теркл [Turkle 2005].

Проблемы взаимодействия языков и адаптации иноязычной лексики рассматривались в трудах Т. И. Зелениной [2002]. Работы Н. И. Пушиной [Пушина 2001, 2015а; Пушина и др. 2015б, 2025; Леонов и др. 2019] посвящены коммуникативным неудачам и конфликтам в современном коммуникационном пространстве, что релевантно для анализа сбоя в системе «человек – компьютерный помощник».

Теоретические основания анализа речевых актов заложены в трудах Дж. Остина [1986] и Дж. Серля [1986]. В отечественной лингвистике теория речевых актов развита в трудах Н. Д. Арутюновой [1988]. Для анализа императивных конструкций важны типологические исследования В. С. Храковского и А. П. Володина [1986].

Несмотря на обширную традицию изучения каузативности и побуждения, функционирование каузативных единиц в дискурсе человеко-компьютерного взаимодействия до сих пор не становилось предметом специального системного анализа. Остается открытым вопрос о том, как полевая структура каузативности реализуется в этом новом типе дискурса, какие дополнительные категориальные признаки (интенсивность, эмотивность, итеративность, фазисность) актуализируются в нем наиболее активно и как эти процессы проявляются в русском, английском и немецком языках.

В работе используется понятие *семантическая зона каузативности* – пространства «человек – компьютерный помощник», в котором Каузатор-Человек

воздействует на Объект Каузации_{КП}, а программный агент (Каузатор_{КП}) в ответной реплике занимает позицию 1-го лица, что позволяет ему выступать не как пассивный исполнитель, а как активный участник диалога. Его высказывание может предоставлять новую информацию, выражать эмоциональное отношение, фиксировать восприятие ситуации или побуждать пользователя к определенному действию. В каждом из этих случаев реплика помощника меняет состояние пользователя: он получает новые сведения, испытывает удивление или раздражение, пересматривает характер взаимодействия или корректирует собственное коммуникативное поведение. Позиция 1-го лица, которую занимает КП в ответной реплике, наделяет его статусом квазисубъекта, способного инициировать обратное воздействие на человека. В семантической зоне каузативности фиксируется двусторонний характер каузативности и актуализация дополнительных категориальных признаков: интенсивности, эмотивности, итеративности и фазисности.

Объектом исследования являются механизмы формирования семантической зоны каузативности в русском, английском и немецком языках в дискурсе человеко-компьютерного взаимодействия.

Предмет исследования представляет специфика каузативной ситуации в дискурсе человеко-компьютерного взаимодействия.

Цель работы заключается в моделировании семантической зоны каузативности в русском, английском и немецком языках в сфере человеко-компьютерного взаимодействия.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие **задачи**: 1) выявить дифференциальные критерии разграничения понятий «каузация» (логико-семантическая универсалия) и «каузативность» (функционально-семантическая категория) на основе анализа теоретических подходов в современной лингвистике; 2) обосновать интеграцию функционально-семантического, когнитивного и конструкторско-графического подходов в качестве методической основы анализа квазикаузативной ситуации в дискурсе человеко-компьютерного взаимодействия; 3) сформировать корпус текстов, в которых

актуализируется категория каузативности в условиях человеко-компьютерного взаимодействия в русском, английском и немецком языках; 4) описать структуру и содержание каузативной ситуации человеко-компьютерного взаимодействия, определив семантические роли Каузатора (антропоморфного), Каузатора_{КП} (квазисубъекта), Объекта каузации, Объекта каузации_{КП}, Инструмента, Содержания и Результата воздействия; 5) установить иерархию средств выражения каузативности (ядро – периферия) в русском, английском и немецком языках на материале исследуемого дискурса; 6) определить механизмы актуализации поликатегориальности в каузативной ситуации и в дискурсе человеко-компьютерного взаимодействия (далее – ЧКВ), выявив роль категориальных признаков интенсивности, эмотивности, итеративности и фазисности в формировании семантической зоны каузативности; 7) разработать когнитивную модель семантической зоны каузативности на основе дискурса человеко-компьютерного взаимодействия.

Гипотеза исследования. Семантическая зона каузативности в дискурсе человеко-компьютерного взаимодействия, сохраняя полевую структуру, свойственную русскому, английскому и немецкому языкам, обнаруживает специфику в распределении ядерных и периферийных средств, что обусловлено регулярными процессами семантической деривации, в ходе которых актуализируются дополнительные категориальные признаки (интенсивность, эмотивность, итеративность, фазисность); сопоставительный анализ трех языков позволяет выявить как общие характеристики (полевая структура, антропоцентричность, роль императива), так и специфические черты, связанные с грамматическими и прагматическими особенностями языков.

Материал исследования. Эмпирическую базу диссертации составил авторский корпус диалогов, извлеченных из открытых интернет-источников, в которых пользователи публикуют скриншоты или текстовые фрагменты своего общения с компьютерными помощниками. Выбор такого источника обусловлен его естественностью: это не лабораторные и не смоделированные исследователем запросы, а реальные коммуникативные акты, в которых пользователь

эмоционально вовлечен в процесс и преследует практические или игровые цели¹. Корпус формировался по принципу направленной выборки из двух типов источников, а именно, *для русского языка*: сообщества в социальных сетях VK и Telegram-каналы, посвященные голосовым помощникам (Алиса, Салют, Маруся и др.), а также тематические форумы (4pda.ru, ixbt.com и др.), в обсуждениях которых приводятся примеры взаимодействия с умными колонками и чат-ботами; *для английского языка*: платформа Reddit (сабреддиты r/ChatGPT, r/Alexa, r/GoogleAssistant, r/ClaudeAI и др.). Пользователи публикуют скриншоты диалогов с комментариями, что позволяет фиксировать не только реплики, но и контекст, а также реакцию самого пользователя на ответ помощника; *для немецкого языка*: специализированные немецкоязычные форумы (gutefrage.net, computerbase.de, CHIP.de, homeandsmart.de), а также платформа Reddit (сабреддиты r/ChatGPT, r/de_EDV, r/AskAGerman), в обсуждениях и комментариях которых приводятся примеры взаимодействия с голосовыми помощниками (Alexa, Siri) и чат-ботами (ChatGPT, Claude), включая скриншоты диалогов и описание коммуникативных сбоев.

Отбор единиц анализа производился по наличию в реплике пользователя каузативной семантики: команды, просьбы, запроса, побуждения к действию. Каждая единица корпуса включает: реплику пользователя (каузативное высказывание); контекст (предшествующие реплики, если они влияют на интерпретацию); ответ компьютерного помощника (для анализа коммуникативной реакции); источник (ссылка на публикацию); язык. Общий объем корпуса составляет 7500 диалогов (2500 – на русском, 2500 – на английском и 2500 – на немецком языках), что соответствует примерно 52 750 словам и 276 100 знакам без пробелов. Каждый диалог представляет собой

¹ При формировании корпуса источников учитывались ограничения, установленные законодательством Российской Федерации. Материалы платформ, признанных экстремистскими и запрещенных на территории РФ (в частности, продукты компании Meta), исключены из анализа. В работе используются данные легальных российских интернет-площадок (VK, 4pda.ru, ixbt.com и др.), а также ресурсов, доступ к которым не ограничен законодательством РФ (Reddit, Telegram), при условии соблюдения требований об исключении распространения рекламы и иных коммерческих интеграций на указанных площадках.

законченный коммуникативный эпизод, содержащий не менее одной реплики пользователя с каузативной семантикой. Корпус ведется в формате электронной таблицы (Google Sheets), что позволяет группировать материал по заданным параметрам (тип каузатива, язык, источник, наличие тех или иных категориальных признаков).

Теоретико-методологическую базу исследования составили труды отечественных и зарубежных ученых в следующих областях: в теории языка [Апресян 1974, 1995аб, 2006; Бондарко 2004; Кацнельсон 1965, 1972, 2001; Плунгян 2003; Храковский 1999; Щерба 2004; Щур 1974]; в области функциональной грамматики [Бондарко 1990, 2002, 2016, 2017; Шустова 2010, 2011, 2021, 2025]; в области типологии каузатива и императива: [Недялков и Сильницкий 1969; Храковский и Володин 1986]; в области семантической деривации и когнитивных механизмов [Болдырев 2004; Кубрякова 1996; Розина 2005]; в области контекстной семантики и теории контекста [Колшанский 1974, 1980, 1984], а также исследования о контекстуальной обусловленности языковых единиц в рамках функционально-семантического подхода; в области грамматики конструкций и конструктикографии: в отечественной лингвистике [Ляшевская 2021; Рахилина 2010; Эндресен и др. 2020; Janda et al. 2018]; в зарубежной лингвистике [Fillmore 1988, 2003; Goldberg 1995, 2006; Kay 1999; Michaelis 2004]; в области теории семантических зон и семантико-синтаксической организации предложения [Арутюнова 1988; Богданов 1977, 1990, 2005, 2007; Гак 1998]; в области теории дискурса и речевых актов [Арутюнова 1988; Богданов 1977, 1990, 2005; ван Дейк 1977, 1981; Карасик 2002; Макаров 2003; Austin 1986; Searle 1986]; в области компьютерно-опосредованной коммуникации (СМС) [Горошко 2005, 2009, 2010, 2015; Лутовинова 2008, 2009, 2013; Crystal 2001; Herring 2004; Poster 1995; Thurlow, Lengel и Tomic 2004; Turkle 2005]. Интеграция этих подходов позволила разработать методику анализа, адекватную задачам сопоставительного синхронического исследования каузативных единиц в новом типе дискурса.

Методы исследования. Методологическая рамка исследования семантической зоны каузативности определяется его целью – выявить и описать

системную организацию каузативных средств в дискурсе человеко-компьютерного взаимодействия. Это требует интеграции нескольких методов, которые применяются на разных этапах работы. На этапе сбора материала использовался метод направленной выборки из открытых интернет-источников. Критерием включения единицы в корпус служит наличие в реплике пользователя побудительной семантики (команда, просьба, запрос, побуждение). Контекстуальный анализ применялся для восстановления коммуникативной ситуации с учетом предшествующих реплик, позволяя точнее определять иллокутивную силу каузативного высказывания.

На этапе анализа основным инструментом стал метод функционально-семантического анализа, позволяющий классифицировать каузативные единицы по их месту в полевой структуре (ядро – периферия). Для этого использовалась классификационная сетка, разработанная на основе работ С. В. Шустовой [Шустова 1993, 2010, 2011, 2025] и адаптированная под материал исследования. Каждая единица корпуса получала типологическую характеристику: прямой императив, вопрос в функции команды, косвенный речевой акт, игровой запрос, экзистенциальный запрос.

Для выявления когнитивных механизмов, лежащих в основе выбора тех или иных каузативных средств, применялся метод фреймового моделирования. На его основе была построена модель каузативной ситуации «Каузатор – Объект Каузации_{КП}», включающая слоты Каузатора, Каузатора_{КП}, Объекта каузации, Объекта каузации_{КП}, Содержания, Инструмента и Результата.

На этапе интерпретации использовался сопоставительный метод: материал на русском, английском, немецком языках обрабатывался по единой методике, что позволило выявить как универсальные черты (полевая структура, антропоцентричность, роль императива), так и специфические характеристики (различия в оформлении вежливых форм побуждения, в частотности прямых команд, в использовании дискурсивных маркеров).

Элементы количественного анализа применялись для подсчета доли каждого типа каузативных средств в общем объеме корпуса. Полученные данные

носят иллюстративный характер и используются не как строгие статистические данные, а как способ наглядно представить структуру семантической зоны каузативности.

Научная новизна исследования заключается в обосновании понятия семантической зоны каузативности применительно к дискурсу человеко-компьютерного взаимодействия, что позволяет перейти от модели функционально-семантического поля к зональной организации языковых средств. В рамках данного подхода выделены два типа каузатора: Каузатор-Человек и Каузатор_{КП}. Каузатор_{КП} представляет программного агента, который в ответной реплике занимает позицию 1-го лица и инициирует изменение состояния пользователя, а также уточнен статус Объекта Каузации_{КП} как квазисубъекта, сочетающего свойства инструмента и участника диалога. Предложена и апробирована интегративная методика анализа, объединяющая функционально-семантический, когнитивный и конструктикографический подходы. Выявлена специфика полевой структуры каузативности в изучаемой сфере: установлен состав ядерных (прямой императив) и периферийных (косвенные речевые акты, игровые и экзистенциальные запросы) средств в русском, английском и немецком языках. Впервые на материале трех языков исследованы процессы актуализации поликатегориальности как результат регулярных механизмов семантической деривации, в ходе которых каузативность сочетается с категориями интенсивности, эмотивности, итеративности и фазисности. Разработана когнитивная модель, представляющая фрейм каузативной ситуации «Каузатор_{КП} – Объект Каузации», отражающая специфику ролевой структуры и способы ее языковой репрезентации в сопоставительном аспекте.

Теоретическая значимость работы определяется уточнением понятия семантической зоны каузативности, представляющей полевую организацию языковых средств в новом жанре дискурса. Обоснование возможности анализа каузативности в плане описания семантической зоны расширяет теоретические возможности функциональной грамматики при анализе дискурса человеко-компьютерного взаимодействия. Выделение Каузатора_{КП} как типа каузатора,

занимающего позицию 1-го лица и инициирующего обратное воздействие на пользователя, развивает теорию каузативности в аспекте диалоговой природы субъект-субъектного взаимодействия. Исследование механизмов формирования поликатегориальных семантических комплексов вносит вклад в изучение семантической деривации и актуализации разных категориальных признаков в условиях коммуникативного сбоя. Полученные результаты могут служить основой для дальнейших сопоставительных исследований каузативности в других жанрах дискурса.

Практическая значимость исследования определяется возможностью использования его результатов в вузовских курсах «Общее языкознание», «Лексикология», «Функциональная грамматика», «Когнитивная лингвистика», «Теория дискурса», спецкурсах по проблемам каузативности и семантической деривации; в лексикографической практике, а именно, при составлении словарей новых терминов и значений, в том числе фиксирующих сленговые употребления в сфере ИТ и ИИ; в прикладных разработках, связанных с оптимизацией интерфейсов и сценариев взаимодействия человека и компьютера (в частности, для обучения нейросетей распознаванию интенций пользователя); в практике перевода и локализации цифровых продуктов (учет различий в каузативных стратегиях в русском, английском и немецком языках).

На защиту выносятся следующие **положения**.

1. Актуализация категории каузативности в дискурсе человеко-компьютерного взаимодействия демонстрирует ее организацию в виде семантической зоны, а не функционально-семантического поля. В отличие от поля, которое организуется вокруг инвариантной доминанты, зона объединяет разноуровневые языковые средства на основе типовой каузативной ситуации при отсутствии доминанты: в этой ситуации Каузатор-Человек воздействует на компьютерного помощника, а программный агент (Каузатор_{КП}) в ответной реплике занимает позицию 1-го лица и вызывает изменение состояния пользователя.

2. Иерархия средств актуализации каузативности, организованная по принципу «ядро – периферия», демонстрирует следующие закономерности. Ядро

составляют прямые императивы (в английском подкорпусе – 44,4 %; в русском – 47,5 %; в немецком – 28,4 %); периферию – косвенные речевые акты (в английском – 28,8 %; в русском – 18,4 %; в немецком – 9,4 %), эмоционально-оценочная лексика и игровые инструменты (в немецком – 8,7 %). Сопоставительный анализ показывает наличие трех моделей взаимодействия: инструментальной (русский язык), диалоговой (английский язык) и игровой / социальной (немецкий язык).

3. Актуализация поликатегориальных семантических комплексов демонстрирует межкуатегориальное взаимодействие: каузативности с интенсивностью, эмотивностью, итеративностью и фазисностью. Коммуникативный сбой выступает как стимул поликатегоризации: от нейтральной команды через усиление интенсивности (капслок, повторы) к формированию комплекса, включающего итеративность и фазисность. Наиболее активное формирование поликатегориальных комплексов зафиксировано в английском подкорпусе (совмещение каузативности с интенсивностью – 31 %, с итеративностью – 16 %, с фазисностью – 10 %); в русском подкорпусе эти показатели ниже (22 %, 12 %, 6 % соответственно); немецкий подкорпус демонстрирует наименьшие показатели (11 %, 5 %, 3 %), что объясняется доминированием игровой стратегии.

4. В дискурсе человеко-компьютерного взаимодействия эмотивность является категорией, наиболее регулярно совмещающейся с каузативностью. Частотность эмоционально окрашенных высказываний составляет в английском подкорпусе 74,1 %, в немецком – 68,9 %, в русском – 36,3 %. Распределение по знаку также различается: в английском подкорпусе доминирует положительная эмотивность (55,7 %), в русском и немецком – отрицательная (30,3 % и 26,7 % соответственно). Эти различия свидетельствуют о том, что в англоязычном дискурсе взаимодействие с КП чаще сопровождается одобрением, тогда как в русском и немецком – реакцией на коммуникативные сбои. Эмотивность выступает маркером коммуникативной стратегии и уровня антропоморфных ожиданий пользователя.

5. Содержание каузативности в дискурсе человеко-компьютерного взаимодействия не ограничивается прототипическими командами. Наряду с

информационными запросами (русский – 47,5 %; английский – 44,4 %; немецкий – 28,4 %) зафиксированы запросы прогноза, творческой реакции, эмпатии и экзистенциальные запросы. Наибольшее разнообразие типов содержания каузации представлено в английском (экзистенциальные запросы – 4,1 %; творческие запросы – 4,3 %) и немецком (экзистенциальные запросы – 5,2 %; творческие запросы – 8,7 %) подкорпусах, что коррелирует с более высоким уровнем антропоморфных ожиданий пользователей.

Апробация работы. Основные положения и результаты исследования были представлены на научных конференциях различного уровня, а именно, на Международной научной конференции «М. Н. Кожина: научное наследие и современные интерпретации», посвященной 100-летию со дня рождения ученого (Пермь, Пермский государственный национальный исследовательский университет, 9–10 октября 2025 г.); на XVII Международной научной конференции «Индустрия перевода» (Пермь, Пермский национальный исследовательский политехнический университет, 27–28 октября 2025 г.); на Всероссийской междисциплинарной научной конференции с международным участием «Филология и моделирование: модели языка и культуры в междисциплинарном измерении» (Пермь, Пермский государственный национальный исследовательский университет, 24–25 октября 2025 г.); на VIII Международной научной конференции «Метафора в образовании» (Пермь, Пермский государственный национальный исследовательский университет, октябрь 2025 г.); на IV Симпозиуме «Корпусная лингвистика и дискурс-анализ» (Пермь, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» – Пермь, 7 ноября 2025 г.); на XXII Международной научно-практической конференции «Язык и межкультурная коммуникация» (Астрахань, Астраханский государственный университет имени В. Н. Татищева, 26 ноября 2025 г.); на IX Калининградской школе по гуманитарной информатике (Калининград, Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта, 27–29 ноября 2025 г.); на Всероссийской с международным участием конференции «Актуальные проблемы лингвистики и методики преподавания иностранных языков» (Мурманск, Мурманский арктический государственный университет, февраль 2026 г.); на VI

Всероссийской с международным участием конференции «Терминология, дискурсология, экология языка» (Астрахань, Астраханский государственный университет имени В. Н. Татищева, февраль 2026 г.); на VI Международной научной конференции «Слово. Текст. Источник: Методология современного гуманитарного исследования» (Москва, Институт славянской культуры Российского государственного университета имени А. Н. Косыгина, 20–21 марта 2026 г.); на VII Международной научно-практической конференции «Соловьевские чтения – 2026: Лингвистические исследования в синергии с преподаванием иностранного языка» (Минск, Белорусский государственный университет, 26–27 марта 2026 г.); на I Всероссийской научно-практической конференции с международным участием «Трансформация иноязычной подготовки в вузе в эпоху ИИ: субъектный подход» (Челябинск, Южно-Уральский государственный университет, Институт лингвистики и международных коммуникаций, 16–17 апреля 2026 г.); на XXXX Международной научно-практической конференции «Иноязычная филология, межкультурная коммуникация и лингводидактика в контексте современных исследований» (Чебоксары, Чувашский государственный педагогический университет имени И. Я. Яковлева, 16–17 апреля 2026 г.); на 79-х Герценовских чтениях «Иностранные языки» (Санкт-Петербург, Российский государственный педагогический университет имени А. И. Герцена, 16–17 апреля 2026 г.); на Международной научно-практической конференции «Филология. Коммуникация. Образование» (Пермь, Пермский государственный национальный исследовательский университет, 10 апреля 2026 г.).

По теме диссертации опубликовано 16 работ, в том числе 6 в изданиях, рекомендованных ВАК Министерства науки и высшего образования РФ.

Структура диссертации обусловлена логикой решения поставленных задач. Работа состоит из введения, трех глав, заключения, списка сокращений, библиографического списка, списка корпусов, списка источников материала, списка словарей, двух приложений.

ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ АНАЛИЗА КАТЕГОРИИ КАУЗАТИВНОСТИ

1.1. Понятие каузативности

Любое исследование, претендующее на системное описание языковых явлений, требует четкого определения своего понятийного аппарата. В центре настоящей работы находится категория каузативности. Прежде чем перейти к ее анализу, необходимо разграничить онтологический и языковой планы рассмотрения, что является методологической основой функциональной грамматики [Бондарко 2002: 5–12]. Лингвистическая семантика рассматривается как дисциплина, изучающая содержание языковых единиц и механизмы их интерпретации в контексте, включая разграничение лексического и грамматического значений [Кобозева 2012: 250–265].

Внеязыковая реальность представляет собой совокупность взаимосвязей и взаимозависимостей, среди которых фундаментальное место занимают отношения причины и следствия. Это явление, принадлежащее сфере логики и объективной действительности, принято обозначать термином *каузация* (от лат. *causa* – «причина»). Каузация представляет собой «процесс, при котором одно явление (причина) порождает другое (следствие)» [Рец, Губанов 2012: 101]. Каузация может существовать независимо от наблюдателя и не требовать специальной языковой репрезентации: таяние снега является причиной весеннего паводка, удар молнии – причиной пожара. Для констатации каузации достаточно двух событий и фиксации связи между ними. Ключевым диагностическим вопросом здесь является «*Почему произошло событие?*», направленный на поиск причины.

В лингвистической литературе термины *каузация* и *каузативность* нередко употребляются как синонимы, что методологически неверно [там же: 102]. За этими понятиями стоят разные онтологические сущности. Если каузация принадлежит сфере объективной действительности, то каузативность – сфере ее языковой интерпретации. Для того чтобы наглядно продемонстрировать это

принципиальное различие, лежащее в основе работы, представляется целесообразным сопоставить данные категории по ряду ключевых параметров [Шустова 2011: 26–30].

Таблица 1 – Параметры соотношения каузации и каузативности

Параметр сравнения	КАУЗАЦИЯ (causation)	КАУЗАТИВНОСТЬ (causativity)
1. Онтологический статус	Универсальная понятийная категория. Принадлежит сфере мышления, логики, объективной действительности	Функционально-семантическая категория (ФСК). Принадлежит сфере языка, структурирована в виде функционально-семантического поля
2. Дефиниция	Причинно-следственная связь как фрагмент внеязыковой реальности; процесс, при котором одно явление (причина) порождает другое (следствие)	Языковая интерпретация каузации; значение побуждения субъектом (каузатором) объекта к действию или изменению состояния, формально выраженное языковыми средствами
3. Сфера бытования	Действительность, онтология, референтная ситуация	Языковая система, речь, высказывание
4. Языковая репрезентация	Может быть выражена имплицитно (не иметь маркеров).	Выражается эксплицитно через инвентарь средств: глаголы, конструкции, аффиксы. Каузативность – это способ сказать о каузации
5. Обязательность участников	Достаточно двух событий (А и Б), связанных отношением «причина – следствие». Каузатор может отсутствовать (например, природные явления)	Облигаторны два участника – каузатор (одушевленный инициатор) и объект каузации (лицо, подвергающееся воздействию). Каузативность антропоцентрична
6. Типология в лингвистике	Изучается в рамках категории каузальности (причинные союзы, предлоги, сложные предложения)	Изучается в рамках категории каузатива (деривация, валентность, актантная деривация)
7. Ключевой диагностический вопрос	<i>Почему произошло событие?</i> (причина)	<i>Кто заставил / побудил / вызвал?</i> (агенс)
8. Пример	<i>Дорога скользкая, потому что пошел дождь.</i> Каузация (природное явление → состояние)	<i>Он рассмешил меня.</i> Каузативность (агенс → воздействие → изменение состояния объекта)

В основе грамматических категорий лежит ситуация взаимодействия, центральным элементом которой является волеизъявление говорящего [Храковский, Володин 1986: 5–12]. Побуждение в лингвистике понимается как один из основных типов речевого акта наряду с утверждением и вопросом [Остин 1986: 88–95; Серль 1986: 175–180]. В толковых словарях побуждение определяется как «понуждение кого-либо к какому-либо действию, поступку» [НСРЯ: 512] и как «желание, намерение действовать» [ТСО 2006: 522]. В специальной литературе – как «психологическая операция, реализуемая в процессе формулировки заданий, вопросов, команд и замечаний ... побуждающих адресата к деятельности» [НСМТП: 205].

Для настоящего исследования принципиально, что побуждение – это целенаправленное речевое воздействие, имеющее целью изменение состояния адресата. Именно эта направленность сближает побуждение с каузативностью, понимаемой как языковая интерпретация ситуации побуждения, обязательно включающая одушевлённого Каузатора и Объект Каузации. Грамматическая структура предложения анализируется в единстве морфологических и синтаксических характеристик, а типологические различия языков рассматриваются через призму категориальных значений, выявляемых на материале разноструктурных языков [Есперсен 2017: 137–141].

Каузативность антропоцентрична: в отличие от «безличной» каузации, она предполагает двух облигаторных участников – одушевлённого инициатора воздействия и лицо, подвергающееся этому воздействию. Каузативность есть способ представить причинно-следственную связь как результат чьего-то активного вмешательства. В типологических исследованиях данное свойство рассматривается как конституирующее: каузатив – деривационная операция, вводящая одушевлённого агенса [Недялков, Сильницкий 1969: 5–19]. В теории речевых актов антропоцентричность проявляется в соотнесённости иллокутивной силы с говорящим [Остин 1986: 88–95; Серль 1986: 175–180], в функциональной грамматике – через категорию персональности, где говорящий занимает позицию 1-го лица [Бондарко и др. 1990: 12–15].

В настоящей работе под каузацией понимается онтологическая внеязыковая ситуация, при которой один фрагмент действительности служит причиной другого. Под каузативностью – функционально-семантическая категория, языковая интерпретация каузации, обязательно включающая антропоцентрический компонент и реализуемая системой разноуровневых средств языка. Каузативность есть языковая проекция каузации, ограниченная сферой интерперсонального взаимодействия.

1.2. Становление термина *каузативность*

Первоначально, в типологических исследованиях 1960–1970-х гг., термин «каузатив» употреблялся преимущественно для обозначения морфологической или лексической операции, увеличивающей валентность глагола [Недялков, Сильницкий 1969: 5–19]. Этот подход ограничивал анализ формальными показателями.

Преодоление этого ограничения связано с идеями С. Д. Кацнельсона, который обосновал, что грамматический анализ не может быть оторван от содержания предложения [Кацнельсон 1972: 7–15]. Он ввёл представление о скрытой грамматике – семантических категориях, не имеющих формального выражения, но регулярно актуализирующихся в речи. Для теории каузативности это означало, что каузативное значение не сводится к формальному показателю; оно может быть имплицитно заключено в семантике глагола. В настоящей работе разделяется эта точка зрения: каузативность рассматривается как содержательная категория, лишь в частных случаях получающая морфологическое выражение [Шустова 2011: 15–18]. Данный тезис подтверждается сопоставительным анализом разноструктурных языков, в которых ФСК каузативности не опирается на грамматическое ядро [Лутовинова 2009: 7–8; Шустова 2011: 15–18].

В русском языке каузативные отношения реализуются через морфемно-деривационные соответствия (*гасить* – *гаснуть*, *белить* – *белеть*) [Шустова 2011: 26–28], возвратно-постфиксальные оппозиции (*активизировать* – *активизироваться*) [Шустова 2010: 112–115] и лексико-синтаксические

конструкции (*заставить понять, дать сделать*) [Сюткина 2020: 45–48]. В белорусском – аналогичные модели [Лутовинова 2009: 32–35]. В английском – конверсивные оппозиции (*water boils – my mother boils water*) [Dixon, Aikhenvald 2000: 30–33], супплетивные оппозиции (*fell – fall*) [Eisenberg 2013: 78–85] и конструкции с *have, make, get* [Helbig, Buscha 2001: 45–52]. В немецком – префиксальные соответствия (*setzen – sitzen, aufwecken – erwachen*) [Шустова 2021: 186–192] и конструкции с *lassen* [Zifonun, Hoffmann, Strecker 1997: 678–682].

ФСК каузативности в указанных языках отличается от традиционных функционально-семантических полей (далее – ФСП), в том числе, темпоральности, модальности, персональности и др., поскольку последние опираются на специализированное морфологическое ядро [Лутовинова 2009: 7–8]. Не имея такого ядра, ФСК каузативности объединяет разноуровневые средства для выражения функции «каузировать» [Шустова 2011: 26–30]: лексические каузативы, лексико-синтаксические, семантико-синтаксические и синтаксические каузативы [там же: 26–28].

Идеи С. Д. Кацнельсона опираются на понятие «речевое мышления» – механизма, обслуживающего «переход от мысли к слову» [Кацнельсон 1972: 124]. Между мыслительными структурами и их языковым выражением нет прямого изоморфизма. Данная концепция получила развитие в современных исследованиях, в частности в работе М. Д. Воейковой, где отмечается продуктивность этого подхода для анализа семантической деривации, что релевантно для исследования антропоморфных переносов в дискурсе человеко-компьютерного взаимодействия [Воейкова 2020: 38–56].

Развитие функциональной грамматики, прежде всего концепция ФСП А. В. Бондарко [Бондарко 2002: 5–12], позволило расширить понимание каузативности: смещение акцента с формы на функцию позволило рассматривать её как категорию, объединяющую разнородные средства на основе общности семантического назначения.

В современной лингвистике каузативность понимается как ФСК с полевой структурой [Афанасьева 2024: 5–8; Сюткина 2020: 15–18; Шустова 1993, 2011: 26–30; Яркова, Шустова 2025: 42–45]. Данный подход базируется на принципах функциональной грамматики, где языковые явления рассматриваются как поле, объединяющее ядерные и периферийные средства [Бондарко 2002: 5–12; Всеволодова 2009: 45–52]. Особое значение имеет трактовка полевой структуры в функционально-коммуникативном синтаксисе М. В. Всеволодовой и работе с Т. А. Ященко, посвящённой причинно-следственным отношениям [Всеволодова, Ященко 1988], где обосновывается, что каузативные отношения получают системное выражение через разноуровневые средства, организованные по полевому принципу. Ядро образуют специализированные каузативные конструкции, периферию – средства, совмещающие каузативную семантику с другими значениями [там же: 12–15]. Данный подход коррелирует с моделью семантической зоны каузативности, разработанной в настоящей работе. Категория каузативности вступает в сложные отношения с эмотивностью, интенсивностью, итеративностью и фазисностью, что особенно важно для анализа общения с компьютерным помощником.

1.2.1. Содержательный потенциал термина *каузативность*

Содержательный потенциал термина *каузативность* раскрывается через анализ тех языковых средств, которые, по данным исследований, формируют функционально-семантическое поле каузативности. Наиболее полная инвентаризация этих средств представлена в работах С. В. Шустовой, выполненных на материале русского, немецкого и английского языков [Шустова 1993: 5–195; 2011: 26–30; 2021: 186–192], Н. П. Сюткиной, анализирующей русский и немецкий языки [Сюткина 2019: 7–12; 2020: 15–18; Сюткина, Шустова 2019: 106–111], а также А. А. Афанасьевой, в исследовании которой привлекается материал русского и испанского языков [Афанасьева 2024: 5–8]. Обращение к разнотипным языкам позволяет не только описать инвентарь каузативных средств в каждом из них, но и выявить типологические закономерности, подтверждающие универсальный характер полевой организации каузативности при сохранении языковоспецифических особенностей ее реализации.

Таблица 2 – Средства выражения каузативности в русском языке
(полевая структура)

Уровень / Тип средств	Языковые единицы	Примеры	Статус в полевой структуре (ФСП)
1. Лексический каузатив (синтетический)	Глаголы, в семантической структуре которых интегрированы семы «каузация» + «действие / состояние»	<i>радовать, злить, веселить, огорчать, удивлять, бесить, пугать</i>	ЯДРО
2. Аналитический каузатив / Функциональная структура	Глагольно-именные сочетания, где глагол – оператор каузативной связи (десемантизирован), имя – носитель основного содержания	<i>вызывать восторг, доставлять радость, приводить в бешенство, нагонять тоску, внушать страх, ввергать в уныние</i>	БЛИЖНЯЯ ПЕРИФЕРИЯ
3. Лексико-синтаксический каузатив	Конструкции с полузнаменательными глаголами (<i>заставить, велеть, дать, позволить</i>) + инфинитив	<i>заставил улыбнуться, дал понять, велел уйти</i>	ПЕРИФЕРИЯ (переходная зона)
4. Конструкции (в терминах грамматики конструкций)	Устойчивые синтаксические модели с некомпозициональной семантикой, регулярно воспроизводимые	<i>Его как подменили; Его разобрало (от смеха); Меня прорвало; У меня сердце оборвалось</i>	ДАЛЬНЯЯ ПЕРИФЕРИЯ / ЗОНА КОНСТРУКЦИЙ
5. Междометия	Непроизводные междометия, в ситуации интерперсонального взаимодействия выполняющие каузирующую функцию	<i>– Ах! (испуг / восхищение). – Тьфу! (отвращение). – Брр! (страх / озноб). – Увы! (сожаление)</i>	ДАЛЬНЯЯ ПЕРИФЕРИЯ
6. Междометные фразеологизмы (МФЕ)	Устойчивые этикетные / экспрессивные формулы, утратившие первоначальное значение, но приобретшие функцию каузации эмоции	<i>Ни пуха ни пера! (ободрение). Держи хвост пистолетом! (ободрение). Ну, погоди! (угроза / предупреждение). Да чтоб ты преснул! (гнев)</i>	ДАЛЬНЯЯ ПЕРИФЕРИЯ

Обобщая результаты этих исследований, можно выделить шесть основных типов средств, которые распределяются по полевой структуре от ядра к периферии. В Таблице 2 представлена эта иерархия: от лексических каузативов, образующих ядро, до междометий и междометных фразеологизмов, замыкающих периферийный контекст.

Представленная в Таблице 2 систематизация позволяет сделать ряд выводов. Во-первых, становится очевидным, что каузативность в русском языке

не сводится к какому-то одному классу единиц. Это поле, в котором ядерные (наиболее специализированные) средства – лексические каузативы – окружены обширной периферией, включающей как аналитические конструкции, так и единицы, традиционно относимые к другим разделам языкознания (синтаксису, фразеологии). Для анализа общения человека с компьютерным помощником это означает, что нельзя ограничиваться только императивными формами глаголов (*найди, открой, скажи*). В поле зрения должны попасть и те случаи, где побуждение выражается косвенно – через устойчивые обороты, через эмоциональные восклицания, через конструкции, несущие в себе каузативную семантику имплицитно. В корпусе зафиксированы многочисленные примеры таких периферийных средств. В русском подкорпусе пользователь использует конструкцию с отрицательной оценкой в реплике «*Хватит извиняться. Ты меня бесишь*» (RU_188), где императив *хватит* выполняет каузирующую функцию запрета на повторяющееся действие. В английском подкорпусе аналогичный пример: «*Stop using the word vibe*» (ID 15), где пользователь регулирует «языковое поведение» помощника, запрещая использование конкретного слова. В немецком подкорпусе: «*Hör auf, um den heißen Brei herumzureden. Sag mir einfach, ob das Gesetz gilt oder nicht*» (DE_030), где запрет на «хождение вокруг да около» сочетается с требованием прямого ответа.

Во-вторых, обращает на себя внимание тот факт, что значительная часть периферийных средств (особенно междометия и междометные фразеологизмы) несут в себе ярко выраженный эмотивный заряд. Как отмечает А. А. Афанасьева, «междометия и МФЕ могут сочетать в себе эмотивный и каузативный компоненты» [Афанасьева 2024: 18]. Это наблюдение чрезвычайно важно, поскольку коммуникация с компьютерным помощником, будучи по своей природе инструментальной (человек обращается к машине с практической целью), тем не менее часто окрашивается эмоционально – от нетерпения и раздражения до восторга от удачно выполненной команды. В корпусе зафиксированы примеры использования междометий в каузирующей функции: «*Вау! Это гениально! Ты только что сэкономил мне три часа*

работы» (RU_047) – восхищение побуждает КП к «скромному» подтверждению своей полезности; «*Krass, wie gut du das erkannt hast! Das klingt, als ob du wirklich Ahnung von Psychologie hättest*» (DE_046) – удивление и восхищение побуждают КП к развернутому ответу. В английском подкорпусе: «*Wow, that's quite an inheritance! Congratulations ... My first piece of advice would be: don't rush*» (ID 123) – междометие *Wow* маркирует удивление и сочувствие, что побуждает КП к дальнейшему совету.

В-третьих, представленная иерархия задает классификационную сетку для анализа эмпирического материала. В Главе 2 анализ будет организован от ядра к периферии с фиксацией того, какие типы каузативных средств функционируют в дискурсе человеко-компьютерного взаимодействия.

1.2.2. Категориальная ситуация каузативности в настоящей работе

Изложенное понимание каузативности как функционально-семантической категории требует уточнения применительно к объекту настоящего исследования. Каузативность определяется как ФСК, ядро которой составляют лексические каузативы, ближнюю периферию – глагольно-именные сочетания, дальнюю – междометия, междометные фразеологизмы и конструкции [Шустова 1993: 5–195]. В эту рамку необходимо внести три уточнения.

Первое уточнение касается антропоцентричности. Каузативность всегда предполагает одушевлённого каузатора – лицо, инициирующее изменение состояния объекта. В ситуации общения с компьютерным помощником каузатором выступает пользователь. Антропоцентричность позволяет анализировать речевые акты, адресованные машине, в терминах межличностной коммуникации. Пользователь проецирует на КП модель «Другого», что находит отражение в выборе языковых средств. В корпусе зафиксированы вежливые формы: «*Будьте так любезны, Салют, не могли бы вы подсказать мне текущий курс доллара?*¹» (RU_022); «*Alexa, würdest du mir bitte die Nachrichten von heute vorlesen?*» (DE_009); «*Can you give me a riddle*» (ID 18). Во всех трёх языках

¹ Здесь и далее в примерах сохранена орфография авторов диалогов с компьютерными помощниками.

реализуется принцип грамматического дистанцирования: конъюнктив в немецком [Девкин 1965: 215–218; Москальская 1983: 145–150], модальный глагол в вопросительной конструкции в английском [Серль 1986: 175–180], прошедшее время с частицей *бы* в русском [Апресян 1995б: 210–212; Бондарко 2002: 45–50; Остин 1986: 88–95; Шведова 1960: 235–240]. Эти формы являются прямым переносом стратегий смягчения побуждения, характерных для общения с человеком.

Второе уточнение касается объекта каузации. В классических работах объектом выступает другое лицо, способное к сопротивлению. В настоящем исследовании объект – компьютерный помощник – квазисубъект: он лишён собственной воли, но его ответные реакции запрограммированы как имитация поведения. Эта двойственность провоцирует особые языковые стратегии. В корпусе зафиксированы случаи приписывания КП человеческих состояний. В примере RU_059 («Алиса, ты сегодня прямо гений») саркастическая похвала имплицитно побуждает КП к более точным ответам. В словарной фиксации *гений* определяется как «человек, обладающий высшей степенью одаренности» [ТСО: 125] – употребление по отношению к КП представляет собой антропоморфный перенос. В примере ID 23 («You're being dramatic») КП приписывает пользователю драматизацию – случай обратной антропоморфной атрибуции [OED]. В немецком примере DE_212 («Du spinnst ja völlig. Das ist doch ein Bug») пользователь приписывает КП «сумасшествие» вместо технического сбоя; словарная фиксация *spinnen* предполагает человеческого субъекта действия [DDU: 1680].

Третье уточнение касается семантической деривации. Глаголы физического действия закономерно развивают переносные значения, связанные с эмоциональным и ментальным воздействием [Розина 2005: 8–12]. В сфере человеко-компьютерного взаимодействия наблюдается аналогичный процесс: глаголы, описывавшие действия человека, переносятся на описание машины (*завис, тупит, глючит, вылетел*). В русском языке *глючить* не зафиксирован в толковых словарях [НСРЯ; ТСО]; *зависнуть* в словаре фиксируется лишь в

прямом значении «повиснуть» [TCO: 198]. В английском *glitch* фиксируется как существительное со значением «сбой»; глагольное употребление с одушевлённым подлежащим является окказиональным [OED]; *gaslighting* в словарной дефиниции предполагает человека как субъекта действия [OED]. В немецком *spinnen* фиксируется с пометой *umgangssprachlich* и предполагает человеческого субъекта [DDU: 1680]. Таким образом, семантическая деривация обеспечивает перенос глаголов из конкретно-физической сферы в сферу эмоционального и межличностного воздействия [Розина 2005: 8–12].

В настоящей работе используется следующее рабочее определение.

Каузативность – функционально-семантическая категория, языковая интерпретация ситуации побуждения, в которой одушевлённый Каузатор (человек-пользователь) воздействует на Объект Каузации_{КП} с целью получения ответной реакции или выполнения действия, причём это воздействие реализуется системой разноуровневых средств языка и может актуализировать дополнительные категориальные признаки (эмотивность, интенсивность, итеративность, фазисность) в результате регулярных процессов семантической деривации.

1.2.3. Компьютерный помощник как объект каузации

Для понимания специфики каузативной ситуации в дискурсе, который является предметом настоящего исследования, необходимо дать четкое определение одному из ее ключевых участников – компьютерному помощнику. В работах, посвященных моделированию терминополья «компьютерный помощник», данное понятие представляет собой результат длительной технологической и концептуальной эволюции [Куделько 2024, 2025]. КП определяется как функциональный программный агент, реализуемый в виде программно-аппаратного комплекса, предназначенного для организации интерактивного взаимодействия (включая речевой и текстовый диалог) между пользователем и компьютером на естественном языке [Куделько 2025: 34].

Исследование терминологической динамики показывает, что термины, номинирующие КП, прошли путь от узкоспециализированных обозначений до антропоморфных номинаций [Куделько 2024: 152–159]. Этот сдвиг в терминообозначении отражает глубинные изменения в восприятии технологии пользователем: от инструмента к квазисубъекту общения. На современном этапе развития, который автор определяет, как «искусственно-интеллектуальный» (2022 г. – н. в.), ключевыми терминами становятся номинации, основанные на генеративных нейросетях (ChatGPT, GigaChat), что фиксирует переход к диалоговым агентам, способным к контекстному общению [Куделько 2024: 78–82].

В современной научной литературе и в практике разработки систем искусственного интеллекта (далее – ИИ) для обозначения данного феномена используются различные термины: «виртуальный ассистент», «голосовой помощник», «чат-бот», «интеллектуальный агент», «диалоговая система». В настоящей работе предпочтение отдается термину компьютерный помощник, поскольку он обладает необходимой широтой, охватывая как голосовых ассистентов с аппаратной реализацией (Алиса, Маруся, Салют, Alexa), так и диалоговые чат-боты без голосового интерфейса (ChatGPT, Claude, Gemini). В выборе термина *компьютерный помощник* для настоящего исследования мы руководствуемся не только его функциональной точностью, но и данными лексикографических источников.

Во-первых, лексема *помощник* в толковых словарях русского языка определяется через указание на функциональную роль: «тот, кто помогает кому-либо в каком-либо деле, занятии» [ТСО: 537]; «лицо, которое помогает кому-либо в работе, в каком-либо занятии» [НСРЯ: 512]. В «Большом толковом словаре русского языка» под ред. С. А. Кузнецова *помощник* понимается как «тот, кто помогает, оказывает поддержку, содействие» [БТСРЯ: 890]. Данные дефиниции акцентируют инструментальный аспект значения – содействие в выполнении задачи.

Во-вторых, именно семантика лексемы *помощник* позволяет зафиксировать роль агента в системе «человек – машина»: выполнение запросов пользователя, предоставление информации, содействие в решении задач. В этом значении

термин «компьютерный помощник» коррелирует с принятыми в специальной литературе обозначениями (chatbot, virtual assistant, voice assistant), где акцент также делается на сервисной функции, а не на антропоморфных характеристиках [Куделько 2024: 152–159; 2025: 34].

В-третьих, лексема *помощник* сохраняет нейтральность по отношению к степени антропоморфности: в отличие от таких номинаций, как «виртуальный собеседник» [Лутовинова 2009: 476] или «цифровой друг» [Turkle 2005: 112], *помощник* не навязывает антропоморфной интерпретации, но и не исключает ее. Термины, номинирующие КП, прошли путь от узкоспециализированных обозначений («диалоговая система», «ЭВМ») до антропоморфных номинаций («виртуальный ассистент», «помощник»); при этом именно лексема *помощник* занимает срединное положение, допуская как инструментальное, так и антропоморфное прочтение [Куделько 2024: 78–82]. Данное свойство термина является методологически значимым, поскольку позволяет исследовать каузативные стратегии пользователей без априорного навязывания модели восприятия КП [Куделько 2026: 40].

С лингвистической точки зрения, компьютерный помощник представляет собой непрототипический Объект Каузации. Его онтологический статус заключается в том, что он не является одушевленным лицом, но обладает свойствами агента: он «отвечает», «выполняет», может «отказываться». В диалоге он занимает позицию 2-го лица (адресат команды), а в ряде случаев (см. анализ феномена Каузатор_{КП} в параграфе 3.1.2) – позицию 1-го лица, инициируя обратную каузацию. Именно эта имитационная способность превращает компьютерного помощника в квазисубъекта – агента, который занимает позицию 1-го лица в диалоге, не являясь при этом лицом. «Мы прощаем текстовому боту больше, чем роботу с лицом, потому что текст оставляет пространство для воображения» [Turkle 2005: 112].

Языковые средства, используемые для взаимодействия с компьютерным помощником, являются транспонированными: пользователь применяет те же синтаксические и прагматические модели, что и в общении с человеком, поскольку языковая система, как показывают данные «Русского Конструктикона»

[Эндресен и др. 2020], не предлагает специализированных грамматических конструкций для диалога с квазисубъектом [Куделько 2025: 42–44]. Данное положение подтверждается как корпусными примерами, так и данными лексикографического анализа. В русском языке глаголы *зависнуть*, *глючить*, *тупить* в словарях либо отсутствуют, либо фиксируются с пометой «разговорное» или «компьютерный сленг» [ТСО: 132, 198], что указывает на их периферийный статус в системе языка. При этом в корпусных примерах они употребляются для описания сбоев КП: «Алиса, ты опять глужишь?» (RU_005), «Салют, ты завис?» (RU_203). В английском языке глагол *glitch* фиксируется в словарях преимущественно как существительное со значением «сбой»; его глагольное употребление с одушевленным подлежащим является окказиональным [OED], но фиксируется в корпусе: «DeepSeek is glitching» (ID 142). В немецком языке глагол *spinnen* в разговорном употреблении означает «вести себя странно, неадекватно» и фиксируется с пометой *umgangssprachlich* [DDU: 1680]; в корпусе он приписывается КП: «Alexa, du spinnst schon wieder total» (DE_015).

Таким образом, отсутствие специализированных грамматических конструкций и лексических единиц для общения с квазисубъектом вынуждает пользователя применять к взаимодействию с машиной языковые средства, предназначенные для межличностной коммуникации, что создает зону семантического напряжения и активирует антропоморфную семантическую деривацию. Это, в свою очередь, ведет к активному взаимодействию каузативности с категориями интенсивности, эмотивности, итеративности и фазисности, что подтверждается примерами поликатегориальных комплексов, зафиксированных в корпусе.

Компьютерные помощники могут существовать в различных формах реализации: голосовые ассистенты со встроенными колонками (Алиса, Alexa), текстовые чат-боты (ChatGPT, Claude), встроенные помощники в операционных системах (Siri, Google Assistant). В настоящей работе принимаются во внимание все указанные формы, поскольку в каждой из них актуализируются сходные каузативные стратегии пользователей. При этом, как будет показано в параграфе 2.1.5, тип компьютерного помощника выступает как значимый ситуативный

фактор: диалоговые чат-боты провоцируют более высокий уровень антропоморфных ожиданий, экзистенциальные запросы и феномен Каузатора_{КП}, тогда как голосовые ассистенты функционируют преимущественно как утилитарный инструмент, но именно в этой группе наиболее частотны сбои распознавания речи и связанная с ними отрицательная эмотивность.

Проблемы взаимодействия языков и посреднической роли одного языка при освоении иноязычной лексики, что типологически сходно с процессом «переноса» коммуникативных стратегий из сферы «человек – человек» в сферу «человек – машина», рассматривались в трудах Т. И. Зелениной. На материале удмуртского, русского и французского языков исследователем были выявлены механизмы адаптации иноязычной лексики [Зеленина 2002]. Данный вывод важен для настоящего исследования, поскольку диалог с компьютерным помощником представляет собой цифровую среду, в которой несовпадение культурных и коммуникативных кодов провоцирует сбои, актуализирующие поликатегориальные семантические комплексы.

Компьютерный помощник представляет собой непрототипический Объект Каузации, сочетающий свойства инструмента и квазисубъекта. Это сочетание создает условия для антропоморфных проекций пользователя и актуализации особых каузативных стратегий.

1.3. Функционально-семантическое поле каузативности

Каузативность в настоящем исследовании определяется как функционально-семантическое поле (далее – ФСП) [Бондарко 2002: 5–12; Шустова 1993: 26–30]. Данный подход предполагает, что языковые средства, актуализирующие семантическую функцию побуждения, организованы по принципу «ядро – периферия».

Ядро ФСП каузативности в русском языке образуют лексические (синтетические) каузативы – глаголы, в семантической структуре которых интегрированы семы «каузация» и «действие / состояние» (*радовать, злить,*

пугать). Эти единицы являются наиболее специализированным и частотным средством выражения каузации [Шустова 2011: 26–28].

На периферии располагаются средства с менее высокой степенью специализации.

– Аналитические каузативы – глагольно-именные сочетания (*вызывать восторг, приводить в бешенство*), где глагол выступает оператором каузативной связи, а имя – носителем основного содержания [Шустова 2010: 112–115].

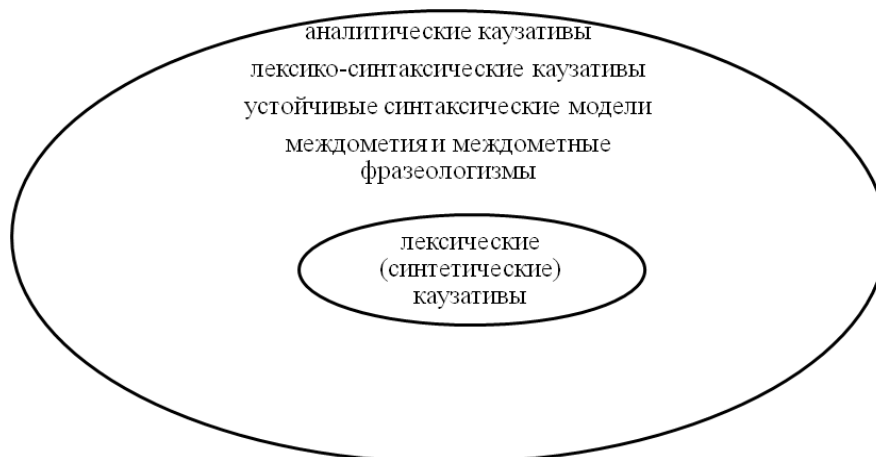
– Лексико-синтаксические каузативы – конструкции с полужнаменательными глаголами (*заставить понять, велел уйти*) [Сюткина 2020: 45–48; Шустова 1993, 2011].

– Устойчивые синтаксические модели – конструкции с некомпозициональной семантикой, регулярно воспроизводимые носителями языка (*меня прорвало, его как подменили*). В терминах грамматики конструкций данные единицы обладают собственной каузативной семантикой, не выводимой из суммы значений их частей [Рахилина 2010: 9–12].

– Междометия и междометные фразеологизмы – единицы, которые в определенных контекстах интерперсонального взаимодействия могут выполнять каузирующую функцию (*Ну, погоди!; Держи хвост пистолетом!*) [Афанасьева 2024: 18–20; Сюткина 2020].

На Схеме 1 представлена полевая структура каузативности, имеющая два элемента: ядро и периферию (см. схему 1).

Схема 1 – Полевая структура каузативности

Данная полевая структура служит классификационной сеткой для анализа эмпирического материала. Однако при переходе от анализа системных возможностей языка к анализу их реализации в конкретном типе дискурса – диалоге с компьютерным помощником – понятие жесткого ФСП обнаруживает ограничения.

1.4. Семантическая зона каузативности

В традиционной функциональной грамматике каузативность исследуется преимущественно как функционально-семантическая категория, представленная ФСП – системой разноуровневых средств, объединенных инвариантным значением побуждения, с четкой иерархией «ядро – периферия» [Шустова 2011]. «Полевой анализ лексики, будучи заимствован из фонологии и морфологии, не всегда адекватно отражает семантическую организацию единиц, особенно в тех случаях, когда речь идет не о системных противопоставлениях в языке, а о функционировании единиц в речи» [Богданов 1977: 18–19].

Для настоящего исследования принципиально важно отличие лексико-семантического поля от семантической зоны. Если поле, по определению В. В. Богданова, формируется вокруг доминанты (слова с широким значением) и включает единицы, объединенные инвариантной семой [там же: 15–16], то зона представляет собой «более рыхлое, менее структурированное объединение единиц, которые могут не иметь общей доминанты, но обнаруживают сходство в способах семантической деривации или в характере синтагматического поведения» [там же: 124–125]. Представление о зональной организации языковых единиц, не образующих жесткой полевой структуры, получило развитие в ряде лингвистических исследований. Языковые единицы могут группироваться вокруг семантического центра без четких границ между ядерными и периферийными зонами, причем переход от одной зоны к другой осуществляется постепенно [Гулыга, Шендельс 1969: 14–18]. Экспрессивные средства языка не образуют замкнутой системы с жесткой иерархией, а скорее представляют собой континуум, в котором степень экспрессивности варьируется и зависит от

контекстуальных факторов [Матвеева 1986: 22–25]. Данные положения созвучны с пониманием семантической зоны, принятым в настоящей работе, и подтверждают эвристическую ценность зонального подхода для анализа каузативных единиц в дискурсе человеко-компьютерного взаимодействия.

Именно понятие семантической зоны (а не ФСП) оказывается операциональным для анализа каузативности в дискурсе человеко-компьютерного взаимодействия. Обоснуем это положение.

Первое основание заключается в непрототипическом объекте каузации. Объект Каузации_{КП} представляет собой квазиобъект. Он не обладает собственной волей, его реакции запрограммированы, но при этом имитируют человеческое коммуникативное поведение. Как показал В. В. Богданов, «при использовании непредикатных знаков в несвойственных им функциях возникает сдвиг в семантической структуре, который не может быть описан в терминах прототипического поля» [Богданов 1977: 107]. В анализируемом материале этот сдвиг проявляется в том, что пользователь регулярно приписывает КП семантические признаки одушевленности: «Алиса, ты опять глючишь?» (RU_005), «*Alexa, du spinnst schon wieder total*» (DE_015), «*Gemini is so stupid*» (ID 145). Сема [+одушевленность] здесь не является инвариантной для всего поля каузативности – она актуализируется зонально, только в условиях взаимодействия с КП.

Второе основание состоит в приоритете синтагматики над парадигматикой. Анализ семантических зон требует учета синтагматического взаимодействия значений – того, что он называл «комбинаторикой семантем» [Богданов 1977: 23–25]. В прототипическом ФСП каузативности основное внимание уделяется парадигматическим противопоставлениям (например, различию между лексическим каузативом *радовать* и аналитическим *вызывать радость*). В семантической зоне, напротив, на первый план выходят синтагматические механизмы: сцепление (linking), включение (nesting) и модализация (modalization) семантем. В дискурсе человеко-компьютерного взаимодействия эти механизмы проявляются особенно отчетливо.

– Сцепление демонстрирует пример «*STOP GUESSING!!! You have one more chance to fix this*» (ID 7), где императив *stop* и герундий *guessing* образуют устойчивое сочетание, семантика которого не сводится к сумме значений компонентов. В русском подкорпусе аналогичный пример: «*Хватит извиняться. Ты меня бесишь*» (RU_188), где конструкция *хватит* + инфинитив фиксирует предел терпения пользователя и побуждает к прекращению речевого паттерна. В немецком подкорпусе: «*Hör auf mit den ewigen Entschuldigungen*» (DE_109), где конструкция *hör auf* выполняет ту же функцию запрета на повторяющееся действие.

– Включение представлено в конструкциях типа «*Я вчера просто обалдел. Сижу, никого не трогаю, а он мне пишет: «Как прошла твоя консультация?»*» (RU_024), где предикат *пишет* включает целую пропозицию, а сам пользователь выступает как экспериенсив по отношению к неожиданному действию КП. В английском подкорпусе аналогичный пример: «*Did you just message me first?*» (ID 31), где пользователь реагирует на инициативу КП, включающую целый речевой акт.

– Модализация обнаруживается в высказываниях «*Can you give me some advice on what to say to comfort them?*» (ID 59) и «*Ты не мог бы подсказать курс доллара?*» (RU_022), где вежливая форма императива вводит семантический компонент сомнения / просьбы, не свойственный ядерным каузативам. В немецком подкорпусе: «*Alexa, würdest du mir bitte die Nachrichten von heute vorlesen?*» (DE_009) – глагол в форме конъюктива *würdest* и частица *bitte* маркируют вежливую просьбу.

Третье основание представляет отсутствие единой доминанты. Семантическая зона каузативности в дискурсе с КП характеризуется отсутствием единого центрального элемента, который объединял бы все средства по принципу родо-видовых отношений (как, например, доминанта *страх* для поля боязни). Вместо этого наблюдается совокупность пересекающихся семантических признаков: побуждение + интенсивность + эмотивность + итеративность + фазисность. В английском подкорпусе зафиксирован пример ID 175, где

пользователь обвиняет КП в газлайтинге: «*AI trying to gaslight me about the word strawberry. The third letter is an R! It's literally spelled S-T-R-A-W-B-E-R-R-Y! Now do you see it?*». В данном высказывании одновременно актуализируются все пять категориальных признаков: *каузативность* – императив в вопросительной форме (*Now do you see it?*), побуждающий КП к признанию ошибки; *интенсивность* – капслок, раздельное написание слова по буквам, наречие *literally*; *эмотивность* – сленговый глагол *gaslighting*, фиксирующий предельный случай антропоморфной атрибуции (в словарной дефиниции субъектом действия является человек [OED]); *итеративность* – прагматически выводимая из детализации объяснения (развернутое написание слова свидетельствует о предшествующих неудачных попытках); *фазисность* – требование перехода от состояния «непонимания» к состоянию «осознания» (*Now do you see it?*). Данный пример демонстрирует, что поликатегориальное взаимодействие является закономерной реакцией на коммуникативный сбой, где набор актуализированных признаков выполняет диагностическую функцию, указывая на степень фрустрации пользователя и серьезность коммуникативной неудачи. «В зоне смысловые различия между словами не всегда выявлены, так что зона выступает как наметка для парадигмы, своего рода предпарадигма» [Богданов 1977: 19]. Анализируемый материал подтверждает этот тезис: в реплике «*Алиса, прекрати! Ты уже в пятый раз одно и то же говоришь*» (RU_089) каузативность (требование прекратить) неотделима от итеративности («пятый раз») и эмотивности (фрустрация). Выделить здесь «чистый» каузативный компонент невозможно без разрушения смысла. В английском подкорпусе аналогичный пример: «*STOP GUESSING!!! You have one more chance to fix this before I give up for the day*» (ID 7), где каузативность (требование прекратить гадать) совмещена с интенсивностью (капслок, множественные восклицания) и эмотивностью (фрустрация, угроза).

Четвертое основание указывает на дискурсивную природу каузативных единиц. В. В. Богданов говорит о том, что «синтагматическая ось принадлежит не только речи, но и языку», однако «речь всегда богаче языка и может включать в состав лексического значения окказиональные элементы, не предусмотренные

языком» [Богданов 1990: 23]. В диалогах с КП такие окказиональные элементы – например, обращение «*am I talking to a person? since when did chatgpt type like indian tech support*» (ID 1) – регулярны. Пользователь создает новые прагматические значения (ирония + сомнение + побуждение), которые не зафиксированы в словарях, но воспроизводятся в сообществе как устойчивые речевые рутины. Анализировать их в рамках ФСП, ориентированного на системные, воспроизводимые единицы языка, затруднительно. Зональный же подход, допускающий размытость границ и акцент на синтагматике, оказывается более адекватным.

Таким образом, в настоящей работе *семантическая зона каузативности* определяется как совокупность разноуровневых языковых средств (лексических, синтаксических), объединенных не общей доминантой, а: 1) типовой каузативной ситуацией (Каузатор → Объект Каузации_{КП}, а также обратная ситуация Каузатор_{КП} → Объект Каузации); 2) регулярной актуализацией дополнительных категориальных признаков (интенсивность, эмотивность, итеративность, фазисность); 3) синтагматическими механизмами сцепления, включения и модализации семантем; 4) транспозиционными переходами, маркирующими антропоморфное переосмысление КП.

Схема 2 – Языковые средства семантической зоны каузативности

В отличие от ФСП каузативности, которое описывает системные возможности языка (как можно выразить побуждение в принципе), семантическая зона фиксирует речевые реализации (как побуждение выражается в конкретном

типе дискурса с непрототипическим объектом каузации). Именно это различие позволяет объяснить, почему в диалогах с КП доминируют периферийные средства и почему каузативность здесь почти всегда «отягощена» дополнительными смыслами.

Обобщая изложенные выше основания, сформулируем их в свернутом виде применительно к задачам дальнейшего анализа. Именно понятие семантической зоны, а не ФСП, оказывается операциональным для анализа каузативности в дискурсе человеко-компьютерного взаимодействия. Это положение требует обоснования. Во-первых, Объект Каузации_{КП} представляет собой непрототипический объект: он не обладает волей, его реакции запрограммированы, но имитируют человеческое поведение. Как показал В. В. Богданов, «при использовании непредикатных знаков в несвойственных им функциях возникает сдвиг в семантической структуре, который не может быть описан в терминах прототипического поля» [Богданов 1977: 107]. Во-вторых, в дискурсе с КП на первый план выходят не парадигматические противопоставления, а синтагматические механизмы: сцепление (linking), включение (nesting) и модализация (modalization) семантем [там же: 23–25]. В-третьих, семантическая зона каузативности характеризуется отсутствием единого центрального элемента; вместо этого наблюдается совокупность пересекающихся признаков: побуждение + интенсивность + эмотивность + итеративность + фазисность. «В зоне смысловые различия между словами не всегда выявлены, так что зона выступает как наметка для парадигмы, своего рода предпарадигма» [там же: 19].

Особого внимания заслуживает понятие дефокусирования, разработанное О. К. Ирисхановой. Под дефокусированием понимается «выведение из фокуса внимания определенных свойств объектов или ситуаций, осуществляемое говорящими с помощью различных языковых единиц» [Ирисханова 2014: 65]. Процессы распределения внимания опираются на фокусирование и дефокусирование; второй оказывается ключевым, когда говорящий «затушевывает значимое, уклоняется от неприятного, отдаляет нежелательное и подразумевает очевидное» [там же: 7].

Феномен Каузатора_{КП} может быть интерпретирован как частный случай дефокусирования агенса. Это объясняет, почему пользователи применяют те же синтаксические и прагматические модели, что и в межличностной коммуникации, несмотря на осознание неодушевлённости адресата.

Особый интерес представляет выделение «внешних» и «внутренних» отглагольных имён: внутренние номинализации «обозначают психологические или эмоциональные состояния, процессы», а их аргументная структура включает только «того, кто испытывает эмоциональное состояние» (Experiencer) [Ирисханова 2008: 82–103]. Данное разграничение коррелирует с типами экзистенциальных запросов и запросов эмпатии, в которых пользователь проецирует на КП роль экспериенцера. Анализ семантической диффузности на примере лексем *дело* и *thing* показывает, что данные имена «способны в зависимости от ситуации наполняться разным содержанием» и выполнять функции «компактного и обобщающего средства оценки» [Ирисханова 2014: 110]. Это коррелирует с выводами о том, что лексические единицы с диффузной семантикой активно используются для номинации сбоев и выражения эмоциональной оценки (ср. *глючить*, *spinnen*, *gaslight*).

Концепция дефокусирования предоставляет теоретический аппарат для объяснения механизмов актуализации поликатегориальных комплексов и интерпретации антропоморфных переносов при переносе единиц из сферы «человек-человек» в сферу «человек-машина».

Таким образом, отказ от полевой структуры в пользу семантической зоны является не методологическим упрощением, а эвристически значимым этапом. Он позволяет исследовать не столько инвентарь средств, сколько динамику их функционирования и когнитивные сдвиги, происходящие при переносе единиц в новую среду. Именно этот сдвиг составляет суть антропоморфной каузативности, делая зональный подход более операциональным для анализа нового дискурса.

1.4.1. Аналитический потенциал понятия семантической зоны для исследования каузативных конструкций в Русском Конструктиконе

Различение ФСП и семантической зоны имеет прямую проекцию на анализ данных «Русского Конструктикона» – открытой электронной базы, содержащей более 2200 устойчивых синтаксических конструкций [Эндресен, Жукова, Мордашова, Рахилина, Ляшевская 2020: 241–245; Janda et al., 2018]. Направленный поиск по ключевым словам, релевантным для человеко-компьютерного взаимодействия (*компьютер, интернет, бот, Алиса, Салют, программа, помощник*), показывает, что в базе отсутствуют специализированные конструкции для диалога с квазисубъектом. Единичные примеры с компьютерной лексикой используют её лишь как переменную (слот), а не как фиксированный элемент (*как ни приду, она всегда за компьютером*, ID 2199).

С позиций теории поля этот «нулевой результат» мог бы указывать на отсутствие языкового оформления данной сферы. Однако зональный подход даёт иную интерпретацию: отсутствие специализированных конструкций означает, что пользователь вынужден применять те же синтаксические схемы, что и в межличностной коммуникации, в транспонированной функции. Как отмечает В. В. Богданов, «при использовании непредикатных знаков в несвойственных им функциях возникает сдвиг в семантической структуре» [Богданов 2007: 107]. Антропоморфная каузативность в диалогах с ИИ является следствием системного дефицита специализированных языковых средств.

Анализ конструкций в Русском Конструктиконе показывает, что многие из них обладают потенциалом зонального расширения. Выделяются три типа таких конструкций.

Первый тип: конструкции с отрицательной оценкой и семантикой усталости (типа *хватит с меня*). В диалогах с КП они реализуются как императив запрета, усиленный негативной оценкой: «*Хватит извиняться. Ты меня бесишь*» (RU_188). В английском: «*Stop apologizing for every little thing. It's annoying*» (ID 352); в немецком: «*Hör auf mit den ewigen Entschuldigungen*» (DE_109).

Второй тип: конструкции побуждения через противопоставление (типа *не Imp, а PRO*) [Рахилина 2010: 45–50]. В дискурсе с КП они служат метакомандами: «*Не умничай, ответь прямо: да или нет*» (RU_128); «*Don't just agree with me. If you have a different perspective, argue it*» (ID 240); «*Hör auf zu philosophieren. Sag mir einfach, wie spät es ist*» (DE_072).

Третий тип: конструкции с семантикой резкого изменения состояния (типа *меня прорвало*). В корпусе они зафиксированы при сильной фрустрации или повторяющемся сбое: «*Алиса, прекрати! Ты уже в пятый раз одно и то же говоришь*» (RU_089); «*You're stuck in a loop. Snap out of it*» (ID 337); «*Alexa, hör auf! Du wiederholst dich schon wieder*» (DE_253).

Ни одна из этих конструкций не имеет в Русском Конструктиконе пометы «компьютерная коммуникация», однако все активно используются в исследуемом корпусе. Это подтверждает, что семантическая зона каузативности конституируется не составом единиц, а условиями их употребления.

Особого внимания заслуживает Прагматикон – расширение Русского Конструктикона с дискурсивными формулами и рутинами. Под рутинной понимается «стандартная вербальная реакция на конкретную экстралингвистическую ситуацию» [Рахилина, Бычкова 2021: 18]; её «слот» вынесен за пределы высказывания. Когда пользователь при сбое произносит «*Am I talking to a person?*» (ID 1) или «*Ты издеваешься?*» (RU_014), он актуализирует готовую прагматическую рутину, закреплённую в языке для маркировки фрустрации.

Обращение к данным Русского Конструктикона позволяет сделать три вывода. Отсутствие специализированных конструкций указывает на транспозиционную природу явления. Применение «человеческих» синтаксических схем к взаимодействию с квазисубъектом является доказательством антропоморфной каузативности. Потенциал зонального расширения конструкций позволяет прогнозировать новые каузативные значения в данном дискурсе.

Следует учитывать ограничения, связанные с характером эмпирического материала: корпус сформирован на основе письменных диалогов из открытых источников, что не позволяет фиксировать просодические характеристики (интонацию, громкость, паузацию), играющих роль при идентификации каузативной интенции в устном взаимодействии, и исключает приватные диалоги. Указанные ограничения не ставят под сомнение основные выводы, но должны учитываться при экстраполяции результатов.

1.5. Подходы к анализу категории каузативности

Анализ научной литературы показывает, что каузативность изучалась и продолжает изучаться в рамках различных лингвистических парадигм. Каждая из них имеет свои сильные стороны и свои ограничения. Для того чтобы выработать непротиворечивую методику анализа, отвечающую задачам исследования, необходимо сопоставить эти подходы и определить возможности их интеграции. Наиболее влиятельными в современном языкознании являются три подхода: функционально-семантический, функционально-когнитивный и конструкторско-графический.

Функционально-семантический подход [Бондарко 2002: 5–12; 2016: 34–40; Шустова 2011: 26–30] позволяет рассматривать каузативность как поле, в котором языковые средства распределяются по иерархии «ядро – периферия». Для настоящего исследования это означает, что можно классифицировать побудительные высказывания пользователя по степени их специализированности: от прямого императива («найди ресторан») до косвенных и эмоционально окрашенных форм («ну и где?», «ты чего тупишь?»). Этот подход дает инструмент для систематизации материала.

Функционально-когнитивный подход [Болдырев 2004: 18–22; Шустова 2025: 25–28] объясняет, почему пользователь выбирает ту или иную форму побуждения. Он обращает внимание на когнитивные механизмы – метафору, метонимию, фреймирование. В анализируемом материале это проявляется в том, что пользователь проецирует на компьютерного помощника модель «другого

человека»: он не просто отдает команду, а просит, умоляет, объясняет машине, хотя семантически это не вполне корректно. Когнитивный подход позволяет выявить эти антропоморфные переносы.

Конструктикографический подход [Ляшевская 2021: 35–40; Рахилина 2010: 9–15] фокусируется на устойчивых синтаксических моделях, которые не являются ни чистой лексикой, ни свободным синтаксисом. Для настоящего исследования это важно, поскольку в диалогах с компьютерным помощником встречаются идиоматические конструкции типа «меня прорвало», «его как подменили», а также междометные фразеологизмы («ну, погоди!»). Эти единицы не описываются в рамках первых двух подходов, но активно используются пользователями в ситуациях сбоя или эмоционального напряжения.

Таблица 3 – Сравнительная характеристика подходов к анализу каузативности

Подход	Автор инструментария	Что это дает для данной работы?
Функционально-семантический	А. В. Бондарко (2002, 2016); С. В. Шустова (2011, 2021)	Позволяет построить поле и описать иерархию средств (ядро → периферия)
Функционально-когнитивный	Н. Н. Болдырев (2004); С. В. Шустова (2025)	Объясняет, почему носитель языка выбирает именно эту единицу (прототип, метонимия)
Конструктикографический	О. Н. Ляшевская (2021); Е. В. Рахилина (2010) Русский Конструктикон	Позволяет включить в описание устойчивые модели, которые не являются ни чистой лексикой, ни чистым синтаксисом (например, <i>меня прорвало</i>)

Таким образом, каждый из трех подходов высвечивает свой аспект каузативности. Взятые по отдельности, они дают неполную картину. Их интеграция позволяет, во-первых, построить полевую структуру (функционально-семантический подход), во-вторых, объяснить когнитивные причины выбора тех или иных средств (функционально-когнитивный подход), в-третьих, включить в анализ устойчивые модели, которые выпадают из первых двух подходов (конструктикографический подход). Именно этот синтез составляет методологическую основу настоящего исследования.

1.5.1. Функционально-семантический подход

Истоки функционально-семантического подхода восходят к западноевропейской лингвистике первой половины XX в. Еще Ф. Брюно в работе «Мысль и язык» [Brunot 1922: 45–52] предпринял попытку описания грамматики «от значения к форме», положив начало ономазиологическому направлению. О. Есперсен, различая «морфологический» и «синтаксический» подходы, также отдавал приоритет исследованию языковых средств в единстве с выражаемыми ими смыслами [Есперсен 1958: 34–40; 2017: 137–141]. Важную роль сыграла и теория языковых функций К. Бюлера, выделившего коммуникативную, экспрессивную и аппеллятивную функции языка, последняя из них (функция обращения, побуждения) непосредственно связана с каузативностью [Бюлер 1993: 52–58]. Идеи описания грамматики “от значения к форме” восходят к работам Ш. Балли [Балли 1961], а проблема семантических универсалий разрабатывалась А. Вежбицкой [Вежбицкая 1997]. Предикативы со значением необходимости рассматриваются на материале корпусных данных, что позволяет выявить статистические закономерности их употребления и семантические особенности [Лауфер 2007: 353–358].

В отечественном языкознании предпосылки функционально-семантического подхода были заложены в трудах И. И. Мещанинова, разработавшего учение о «понятийных категориях» – семантических универсалиях, лежащих в основе грамматического строя языков [Мещанинов 1945: 12–18]. В. В. Виноградов, анализируя категорию модальности, показал, что она представляет собой «семантическую категорию», выражаемую разноуровневыми средствами (морфологическими, синтаксическими, лексическими), что стало важным этапом в формировании полевой концепции [Виноградов 1950: 38–44].

Непосредственное становление теории функционально-семантического поля (ФСП) связывают с 1960–1970-ми гг. В работах В. Г. Адмони [Адмони 1964: 12–18], М. М. Гухман [Гухман 1968: 24–30], а также Е. В. Гулыги и

Е. И. Шендельс [Гулыга, Шендельс 1969: 5–11] было введено и обосновано понятие поля в грамматике, предполагающее группировку языковых средств вокруг семантического центра с четким разграничением ядра и периферии. Теоретическое осмысление и систематизация различных подходов к полевой организации языка были предприняты Г. С. Щуром, который определил поле как «способ существования и группировки лингвистических элементов, принадлежащих к разным уровням языка, обладающих общими (инвариантными) свойствами, наряду с признаками, отличающими эти единицы друг от друга» [Щур 1974: 68]. В своей монографии «Теория поля в лингвистике» исследователь рассматривает поле как системно-структурное объединение, имеющее определенную конфигурацию, проявляющуюся через группировки элементов внутри данного множества и пересекающиеся связи внутри структуры [там же: 158]. Особое внимание Г. С. Щур уделяет проблеме соотношения понятий «поле», «система» и «структура», подчеркивая, что поле представляет собой не просто совокупность элементов, а объединение, характеризующееся взаимодействием между ними [Щур 1974: 235–254]. Эти идеи были развиты представителями Пражского лингвистического кружка, в частности Ф. Данешем, который исследовал соотношение центра и периферии как языковую универсалию [Daneš 1966: 9–16].

Функционально-семантический подход в законченном виде был разработан А. В. Бондарко и его последователями – представителями Ленинградской (Санкт-Петербургской) школы функциональной грамматики. А. В. Бондарко определил ФСП как «систему разноуровневых средств данного языка, взаимодействующих на основе общности их функций, базирующихся на определенной семантической категории» [Бондарко 2002: 5]. Разработанные им понятия категориальной ситуации и полевой структуры («ядро – периферия») стали универсальным инструментом анализа языковых явлений, в том числе каузативности.

Важный вклад в развитие теории внесла Н. Ю. Шведова, разработавшая учение о структурных схемах предложения и их парадигмах [Шведова 1977: 12–18]. Хотя это направление связано с синтаксической парадигматикой, идеи о

минимальном грамматическом образце предложения и его регулярных реализациях продуктивны для анализа синтаксических моделей каузативных конструкций.

В современной лингвистике идеи А. В. Бондарко активно развиваются в исследованиях отечественных лингвистов. В работах С. В. Шустовой [Шустова 1993, 2011, 2021], Н. П. Сюткиной [Сюткина 2020, 2024], А. А. Афанасьевой [Афанасьева 2024, 2025], Е. В. Малаховой [Малахова 2025] полевой подход применяется к анализу каузативности, эмотивности, инструментальности, а также к моделированию категориальных ситуаций. Проблемы межкатегориального взаимодействия разрабатываются И. В. Архиповой на материале немецкого, русского, нидерландского, английского и польского языков [Архипова, Шустова 2021; Архипова 2022]; Е. С. Комиссарова исследует функциональный потенциал итеративных единиц немецкого языка [Комиссарова 2014]; В. В. Яркова анализирует категорию инструментальности в русском, английском и немецком языках [Яркова 2024].

Ключевым понятием функционально-семантического подхода является функционально-семантическое поле (ФСП). Вслед за А. В. Бондарко, ФСП понимается как «система разноуровневых средств данного языка (морфологических, синтаксических, лексических, словообразовательных), взаимодействующих на основе общности их семантических функций» [Бондарко 2016: 34]. Структура ФСП описывается через оппозицию «ядро – периферия». Ядро составляют наиболее специализированные средства, для которых данная функция является первичной и регулярной; периферия включает средства, совмещающие данную функцию с другими. Ядро ФСП каузативности в русском, английском и немецком языках образуют лексические каузативы: *радовать*, *злить*, *пугать* [Шустова 2011: 26–28]; *to gladden*, *to annoy*, *to frighten* [Dixon, Aikhenvald 2000: 30–33]; *erfreuen*, *ärgern*, *erschrecken* [Eisenberg 2013: 78–85]. Периферию составляют аналитические конструкции (*вызывать восторг*), лексико-синтаксические структуры с полужнаменательными глаголами

(заставить понять), устойчивые синтаксические модели (меня прорвало), а также междометия и междометные фразеологизмы (Ну, погоди!).

Важнейшим понятием, конкретизирующим ФСП, является категориальная ситуация (КС). Если ФСП – это парадигматическая система средств, существующая в языке в потенциале, то КС – её речевая реализация, «выражаемая различными средствами высказывания типовая содержательная структура» [Бондарко 2002]. Понятие КС переводит анализ из плоскости системы в плоскость функционирования [Малахова 2025: 47–48; Яркова, Шустова 2025: 43]. Для каузативности такой структурой является каузативная ситуация (далее – КС), базовые компоненты которой – Каузатор и Объект Каузации [Шустова 2011: 26–28]. В настоящем исследовании анализируется специфический вариант – «Каузатор – Объект Каузации_{КП}».

Одной из ключевых фигур функционально-семантического подхода является С. Д. Кацнельсон, обосновавший важность разграничения языковых и мыслительных структур [Кацнельсон 1972: 7–15]. Грамматика существует как механизм, обслуживающий «переход от мысли к слову» [там же: 124]. С. Д. Кацнельсон ввёл представление о скрытой грамматике – семантических категориях, не имеющих формального выражения, но регулярно актуализирующихся в речи. «Грамматическое описание какого-либо языка не может быть полным, пока в нем не находят отражения неявные категории языка» [там же: 82]. Для каузативности это означает, что она может быть выражена не только специализированными формами, но и конструкциями, интонацией, порядком слов, контекстом. С. Д. Кацнельсон также разработал учение о субъектно-предикатных отношениях: «в каждом предложении выражается определенное соотношение между предметом мысли и ее предикатом» [там же: 124]. Это позволяет рассматривать каузатора как особый тип субъекта, а каузируемое действие – как особый тип предиката.

Функционально-семантический подход предполагает не только описание полевой структуры, но и анализ двух взаимосвязанных механизмов. *Межкатегориальное взаимодействие* – пересечение каузативности с

другими семантическими категориями (эмотивностью, интенсивностью, итеративностью, фазисностью). Идея взаимодействия категорий восходит к работам М. Шибатани и П. Пардеша [Shibatani, Pardeshi 2002: 85–90] и типологическим исследованиям Л. Талми [Talmy 2000: 9–15]. *Речевые механизмы актуализации* – способы реализации системных возможностей языка в высказываниях; здесь важную роль играет категориальная ситуация [Бондарко 2002: 10].

Теория ФСП позволяет рассматривать поле как инструмент анализа речевой реализации семантических категорий. В дискурсе человеко-компьютерного взаимодействия каузативность регулярно совмещается с эмотивностью, интенсивностью и итеративностью, образуя поликатегориальные комплексы [Бондарко 2002: 45–50]. Продуктивность функционально-семантического подхода для различных типов дискурса подтверждается исследованиями М. Г. Милютиной, посвящёнными поэтической грамматике инфинитива [Милютина 2013, 2021].

Разработка теории грамматического поля в германистике связана с трудами Г. Хельбига и Й. Буша, определяющих грамматическое поле как «совокупность грамматических средств, объединённых общностью функции» [Helbig, Buscha 2001: 45]. П. Айзенберг применяет понятие поля к синтаксису, отмечая, что «синтаксические поля образуются не на основе общности формы, а на основе общности функции» [Eisenberg 2013: 78]. Данные идеи сопоставимы с принципами ФСП А. В. Бондарко, что подтверждает универсальность полевого принципа для разноструктурных языков.

1.5.2. Функционально-когнитивный подход

В центре внимания когнитивного подхода оказывается человек с его способностью к концептуализации и категоризации мира [Кубрякова 2004: 3–7]. Если функционально-семантический подход отвечает на вопрос «как устроена система средств выражения каузативности?», то функционально-когнитивный подход добавляет к этому вопросу важное измерение: «почему эта система

устроена именно так?» и «какие мыслительные механизмы стоят за выбором тех или иных языковых единиц?». Когнитивная лингвистика определяет язык как «когнитивный механизм, играющий роль в кодировании и трансформировании информации» [Кубрякова и др. 1996: 12]. Языковая форма рассматривается не как набор правил, существующих автономно, а как результат глубинных познавательных процессов, посредством которых человек осмысляет и структурирует свой опыт. Язык, таким образом, выступает как доступный для наблюдения материал, позволяющий исследователю реконструировать ментальные структуры, лежащие в основе речевой деятельности [Демьянков 1994: 17–20; Кубрякова 1999: 8–12].

Язык участвует в процессах познания на всех его этапах: от восприятия действительности до формирования сложных абстрактных понятий [Кубрякова 1999: 8–12]. Именно в языке происходит концептуализация – осмысление поступающей информации, образование концептов, то есть «квантов знания» о мире [Кубрякова и др. 1996: 12]. Если концептуализация – это выделение и осмысление отдельных областей опыта, то категоризация – это операция по объединению сходных единиц в более крупные разряды, подводящая конкретное явление под общую рубрику [там же]. Эти процессы лежат в основе формирования значения слов и грамматических категорий, в том числе и каузативности. Когнитивная лингвистика рассматривается как направление, изучающее язык в связи с познавательными процессами, а термин «когнитивный» уточняется через соотношение с понятиями знания, восприятия и категоризации [Кубрякова 2001: 4–10].

Важнейшим дополнением к представлениям о механизмах концептуализации является идея В. Б. Касевича о языке как интерпретирующей системе. По его мнению, «человек не просто познает мир, но и интерпретирует его, а язык служит главным инструментом этой интерпретации» [Касевич 2013: 45]. Язык не дает «непосредственного доступа» к действительности; он всегда представляет ее через призму человеческого восприятия, навязывая определенную сетку категорий и отношений. Именно поэтому на одну и ту же ситуацию можно посмотреть с разных точек зрения, выбрав для нее различное

языковое оформление [Касевич 2011: 67–72]. Этот интерпретационный характер языка сближает его с работой человеческого мозга, который также постоянно занят обработкой и интерпретацией поступающей информации [Демьянков 1994: 17–20]. Когнитивный подход является разновидностью интерпретирующего подхода в науке: он фокусируется не на самих по себе объектах и явлениях, а на том значении и смысле, который они имеют для человека [там же].

Для лингвистики это означает, что модель языка должна быть моделью его понимания, то есть объяснять, «как именно знаки языка взаимодействуют с другими знаниями человека, обеспечивая возможность речевого общения» [Кибрик 2015: 15]. А. А. Кибрик в своих работах показывает, что любой акт коммуникации – это сложный когнитивный процесс, в ходе которого говорящий упаковывает свой опыт в языковые формы, а слушающий их расшифровывает, опираясь на общий фонд знаний о мире, ситуативный контекст и собственные когнитивные способности [там же: 15–20]. Это представление напрямую применимо к анализу диалога с компьютерным помощником: пользователь интерпретирует (или вынужден интерпретировать) квазисубъекта ИИ как полноценного участника коммуникации, наделяя его антропоморфными свойствами в ходе самого процесса общения.

Как отмечает Н. Н. Болдырев, один из ведущих представителей когнитивного направления в отечественной лингвистике, «когнитивный подход к языку предполагает анализ языковых явлений в их связи с процессами познания и концептуализации мира человеком» [Болдырев 2004: 18; 2009, 2016]. Применительно к каузативности это означает, что каузативные единицы должны рассматриваться не просто как формальные показатели, а как следы определенных способов осмысления действительности. Когда человек говорит компьютерному помощнику «пойми меня», он, строго говоря, знает, что машина не способна к пониманию в человеческом смысле. Но человек концептуализирует ситуацию взаимодействия через метафору межличностного общения, и именно эта метафора определяет выбор языкового средства.

В немецкоязычной когнитивной лингвистике идеи концептуализации разрабатывались Д. Буссе, показывающие, что семантические изменения в

исторической перспективе подчиняются регулярным когнитивным моделям, включая метафору и метонимию [Busse 2015: 112–118]. Ф. Херманнс, в свою очередь, связал когнитивные механизмы с ментальностью языкового коллектива, что позволяет объяснить, почему носители разных языков по-разному концептуализируют одну и ту же каузативную ситуацию [Hermanns 1995: 67–73]. Эти положения дополняют выводы Р. И. Розиной о регулярности семантических переносов [Розина 2005: 8–12].

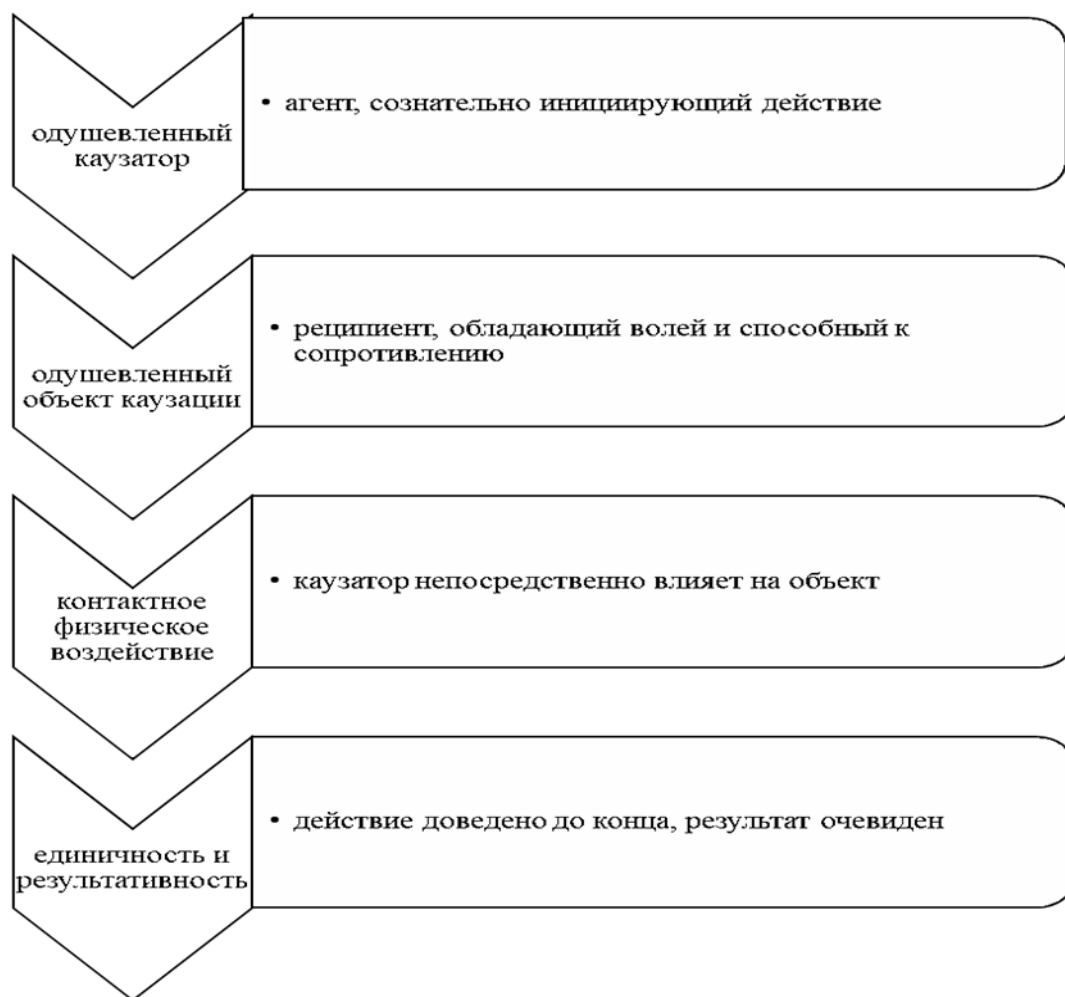
1.5.2.1. Категоризация и прототипический эффект

Центральное понятие когнитивной лингвистики – категоризация, то есть процесс мысленного отнесения объекта или явления к некоторому классу. В отличие от классического (аристотелевского) понимания категории, где все члены обладают равным статусом на основе набора необходимых и достаточных признаков, в когнитивной науке утвердился прототипический подход [Болдырев 2009, 2004: 20–22]. Согласно этому подходу, внутри любой категории выделяются прототипические (наиболее типичные, «лучшие» представители) и непрототипические (периферийные, менее характерные) элементы. Прототип воспринимается носителями языка как «самый яркий пример» категории. Остальные члены группируются вокруг него по степени сходства.

Применительно к каузативности это означает, что прототипическая каузативная ситуация включает следующие параметры: одушевленный каузатор (агент, сознательно инициирующий действие); одушевленный объект каузации (реципиент, обладающий волей и способный к сопротивлению); контактное физическое воздействие (каузатор непосредственно влияет на объект); единичность и результативность (действие доведено до конца, результат очевиден). Категоризация рассматривается как когнитивный процесс, в основе которого лежат прототипические эффекты и радиальные структуры, а не жесткие наборы необходимых и достаточных признаков [Lakoff 1987: 250].

Схема 3 обобщает параметры прототипической каузативной ситуации, выделенные в работах по когнитивной лингвистике и типологии каузатива [Болдырев 2004: 20–22; Шустова 2011: 26–28; Dixon, Aikhenvald 2000: 30–33]. Как показано на схеме 3, прототип предполагает четыре обязательных параметра.

Схема 3 – Прототипическая каузативная ситуация

Идеальным прототипом каузатива в русском языке служат глаголы типа *убить, сломать, заставить*, в семантической структуре которых каузативный компонент интегрирован с лексическим значением результата [Шустова 2011: 26]. В английском языке к прототипическим каузативам относятся глаголы *make, cause, force*, в немецком – *lassen, zwingen, veranlassen* [Шустова 2011: 26; Eisenberg 2013: 78–85; Helbig, Buscha 2001: 45–52]. Эти единицы характеризуются максимальной степенью специализации: их основная функция – выражение каузации, они не совмещают это значение с другими категориальными смыслами и не требуют дополнительного контекстуального обоснования.

Однако в реальной речи постоянно встречаются непрототипические каузативные ситуации, в которых один или несколько параметров прототипа заменяются на периферийные варианты. Как отмечает Н. Н. Болдырев, когнитивная категоризация не является жесткой: между прототипическими и

непрототипическими членами категории существуют переходные зоны, а границы категории размыты [Болдырев 2000: 20–22]. Для настоящего исследования принципиально, что ситуация общения с КП представляет собой непрототипическую каузативную ситуацию по двум параметрам. Во-первых, Объект Каузации_{КП} является неодушевленным, хотя пользователь обращается к нему как к одушевленному лицу, используя антропоморфные номинации и стратегии вежливости. Во-вторых, воздействие является опосредованным (речевым, а не физическим) и может быть нерезультативным (сбой, непонимание, отказ).

Таким образом, Схема 3 выполняет двойную функцию в настоящем исследовании. С одной стороны, она фиксирует эталонную модель каузативной ситуации, с которой сопоставляются все непрототипические случаи. С другой стороны, она задает систему координат для анализа исследуемого дискурса: отклонения от каждого из четырех параметров прототипа будут рассмотрены в Главе 2 при описании конкретных каузативных ситуаций «Каузатор – Объект Каузации_{КП}». В частности, в параграфе 2.2.1 будет показано, что неодушевленность объекта каузации компенсируется его лингвистической репрезентацией как квазисубъекта, а в параграфе 2.2.4 будет проанализирован непрототипический результат каузации – изменение не состояния объекта (КП), а состояния субъекта (пользователя).

Рассмотрим далее концептуализацию и речемыслительные процессы. Функционально-когнитивный подход объясняет, почему пользователь в одних случаях выбирает прямой императив (*Найди!*), а в других – косвенные формы (*Ты не мог бы найти ...*). Это связано с процессом концептуализации: определенным способом осмысления ситуации, ее интерпретации в сознании говорящего [Болдырев 2004: 18–20].

Ю. Д. Апресян отмечает, что язык отражает «наивную картину мира», отличную от научной [Апресян 1995а: 12–18]. Человек воспринимает компьютерного помощника не как программу, а как «собеседника» (метафора). Он может «ругаться» с ним, «просить», «умолять». Это регулярный

метафорический перенос, закрепленный в языковом сознании. Такие переносы из сферы «человек – человек» в сферу «человек – машина» подчиняются строгим регулярным когнитивным моделям, что позволяет изучать их не как хаотичные ошибки, а как системное явление [Розина 2005: 8–12].

Таким образом, функционально-когнитивный подход дает инструментарий для анализа того, как формируется и функционирует каузативная лексика в изучаемой сфере, и позволяет выйти за пределы простой классификации к пониманию глубинных механизмов языкового творчества пользователей.

1.5.3. Конструктикографический подход

Конструктикографический подход сформировался в лингвистике относительно недавно, но уже доказал свою эвристическую ценность. Речь идет о грамматике конструкций (Construction Grammar) и ее лексикографической проекции – конструктикографии. Г. В. Рахилина, один из основных популяризаторов этого подхода в отечественном языкознании, отмечает, что «конструкция – это устойчивый образец (паттерн), обладающий собственной семантикой, которая не выводится полностью из суммы значений его частей» [Рахилина 2010: 9]. Иными словами, в языке существуют не только слова с фиксированными значениями, но и схемы, которые носители языка воспроизводят как готовые блоки, не строя их заново каждый раз по правилам синтаксиса.

В «Русском Конструктиконе» (далее – РК) зафиксированы конструкции, которые в корпусе диалогов с КП приобретают каузативную семантику. Например, конструкция с дательным падежом и инфинитивом (*Мне завтра доклад сдавать*) в словарной базе идентифицируется как выражение долженствования (id: 1042), однако в диалогах с КП она актуализирует значение неизбежности выполнения действия, вызванной внешним обстоятельством, а не внутренней необходимостью [Рахилина 2010: 45–50]. Конструкция с родительным падежом и отрицанием (*Нет времени ждать*) в базе маркируется как выражение невозможности (id: 2156), а в корпусном диалоге RU_134 –

«Салют! Салют, ты меня слышишь? Очнись!» – она имплицитно побуждает КП к немедленной реакции, совмещая каузативность с фазисностью (требование перехода от «зависания» к активности). Конструкция с предложно-падежными формами, описывающая резкое изменение состояния (*Его как подменили; Меня прорвало; У меня сердце оборвалось*), в РК отнесена к группе конструкций с семантикой неожиданного изменения состояния (id: 1876). В примере из корпуса RU_089 – «Алиса, прекрати! Ты уже в пятый раз одно и то же говоришь» – пользователь фиксирует «зацикливание» КП, используя идиоматическую модель, где само изменение состояния уже заложено в конструкции. Фразеологизмы рассматриваются как единицы с некомпозициональной семантикой, которые могут быть систематизированы в рамках конструктикографического подхода наряду с синтаксическими конструкциями [Рахилина и др. 2022: 13–44].

Конкретные типы каузативных конструкций, выделяемые в РК, включают.

Конструкции с семантикой резкого изменения состояния (типа *меня прорвало, его разобрало*). В словарной базе РК данные модели квалифицируются как конструкции с некомпозициональной семантикой, где «значение внезапного и интенсивного изменения эмоционального состояния не выводится из значений составляющих ее элементов» [Эндресен и др. 2020: 243]. В корпусе русскоязычных диалогов с компьютерными помощниками такие конструкции зафиксированы в ситуациях сбоя или неожиданной реакции КП. RU_089: «Алиса, прекрати! Ты уже в пятый раз одно и то же говоришь» – пользователь не просто констатирует зацикливание, но и каузирует прекращение действия, используя идиоматическую модель, где само изменение состояния уже заложено в конструкции. В английском подкорпусе аналогичную функцию выполняет конструкция «*Snap out of it*» (ID 337), которая в Оксфордском словаре определяется как фразовый глагол со значением «преодолеть, выйти из состояния» [OED], а в примере из корпуса актуализирует фазовый смысл перехода от «зацикленности» к «нормальному функционированию». В немецком языке конструкция «*Hör auf mit dem ewigen Entschuldigungen*» (DE_109) в словаре DDU квалифицируется как устойчивое сочетание с функцией запрета [DDU: 200].

Конструкции побуждения через запрет действия (типа *не умничай, ответь прямо*). В корпусе они представлены командами, регулирующими стиль общения помощника. RU_128: «*Не умничай, ответь прямо: да или нет*». Такие конструкции относятся к переходной зоне между лексикой и синтаксисом: императив запрета «не умничай» почти идиоматичен, а требование «ответь прямо: да или нет» задает рамки для ответа КП, что в межличностной коммуникации маркирует высокую степень фрустрации [Рахилина 2010: 45–50].

РК – это открытая электронная база, содержащая более 2200 устойчивых синтаксических конструкций с подробным семантическим и синтаксическим описанием [Эндресен и др. 2020: 241–245]. В рамках этого проекта разработана система категоризации конструкций, позволяющая выделять различные типы устойчивых моделей: от конструкций с предлогами до сложных синтаксических схем. Применительно к каузативности наибольший интерес представляют.

1. Конструкции с отрицательной оценкой, выражающие усталость от ситуации и желание ее прекратить (типа *хватит с меня*). В базе они маркируются как выражение «негативного отношения, усталости от ситуации и желания ее прекратить» [Эндресен и др. 2020: 243]. В примере из корпуса RU_188: «*Хватит извиняться. Ты меня бесишь*» – данная конструкция фиксирует предел терпения пользователя и побуждает к прекращению речевого паттерна.

2. Конструкции с негативной оценкой (*так себе*), служащие грамматической рамкой для выражения недовольства. В примере из корпуса RU_014: «*Ого, спасибо! Это вообще не то, что я просил*» – формальная благодарность с отрицательной оценкой имплицитно побуждает КП к исправлению результата.

3. Конструкции побуждения через противопоставление (*не делай X, а делай Y*), описывающие команды, регулирующие поведение адресата. В примере из корпуса RU_172: «*Алиса, не анализируй, просто сделай. Выключи свет*» – запрет на рефлексию сочетается с прямым указанием на требуемое действие.

Развитие конструктикографического подхода привело к созданию специализированных электронных ресурсов, среди которых для настоящего

исследования ключевое значение имеют РК и Прагматикон. Для анализа диалогов с компьютерными помощниками наиболее релевантным является не основной корпус конструкций, а его специализированное расширение – Прагматикон, в котором собраны дискурсивные формулы и рутины. Под рутинной понимается «стандартную вербальную реакцию на конкретную экстралингвистическую ситуацию» [Рахилина, Бычкова 2021: 18]. Например, рутина «Какие люди!» (из базы Прагматикона) является стандартной реакцией на ситуацию «неожиданная встреча после долгой разлуки».

В применении к нашему материалу это означает, что, когда пользователь, столкнувшись с галлюцинацией или сбоем КП, произносит «*Am I talking to a person?*» (ID 1) или «*Ты издеваешься?*» (RU_014), он не изобретает новую фразу, а актуализирует готовую прагматическую рутину, закрепленную в языке для маркировки фрустрации и сомнения в адекватности собеседника. Данный вывод подтверждается и данными РК [Эндресен и др., 2020; Janda et al., 2018], который систематизирует устойчивые многословные конструкции современного русского языка, в том числе идиоматические каузативные модели, активно используемые в диалогах с КП. Как показывают исследования, проводимые в рамках проекта под руководством О. Н. Ляшевской, такие конструкции обладают устойчивой каузативной семантикой, часто совмещенной с эмотивными и интенсивными компонентами [Ляшевская 2021: 35–40]. Это позволяет рассматривать их как системные языковые единицы, а не как спонтанные речевые образования.

В германистике грамматика конструкций также получила развитие. Г. Цифонун и соавторы в фундаментальной «Грамматике немецкого языка» выделили устойчивые синтаксические паттерны, семантика которых не сводится к сумме значений компонентов, что соответствует пониманию конструкции в работах Ч. Филлмора [Zifonun, Hoffmann, Strecker 1997: 234–240]. А. Линке, М. Нуссбаумер и П. Р. Портман предложили методику анализа конструкций в разговорной речи, применимую к исследованию диалогов с компьютерными помощниками [Linke, Nussbaumer, Portmann 2004: 156–162].

Особый интерес представляет изучение так называемых малоформатных конструкций, к которым, по классификации И. В. Архиповой, относятся устойчивые

фразы, функционирующие как единое целое в коммуникации [Архипова, Шустова 2021: 5–12]. В сфере человеко-компьютерного взаимодействия такими малоформатными конструкциями могут служить стандартные запросы типа «*как пройти*», «*где найти*», «*сколько времени*», которые воспроизводятся пользователями как готовые клише, не требующие синтаксического развертывания. В английском подкорпусе к таким конструкциям относятся «*What do you know about ...*» (ID 3), «*Tell me ...*» (ID 10), которые в Оксфордском словаре фиксируются как стандартные вопросительные и императивные модели [OED], а в корпусных примерах функционируют как директивы, побуждающие КП к информативному ответу.

Каузативные конструкции в терминах грамматики конструкций – это устойчивые синтаксические модели, регулярно воспроизводимые носителями языка для выражения ситуаций побуждения, изменения состояния или причинно-следственной связи [Рахилина 2010: 9–12]. В рамках данного подхода каузативная конструкция рассматривается как единый знак, у которого есть своя форма (синтаксический паттерн) и свое значение (каузативная семантика), не сводимая к сумме значений составляющих ее элементов. Это позволяет анализировать такие явления, как *Меня прорвало* (где значение внезапного и интенсивного изменения эмоционального состояния не выводится из значений слов «меня» и «прорвало»), или *Его как подменили* (где значение кардинального изменения поведения / состояния также является некомпозиционным).

Конструктикографический подход важен еще и потому, что он позволяет решить проблему некомпозициональности – то есть тех случаев, когда значение целого не сводится к значениям частей. Классический пример из сферы компьютерных помощников: фраза «*Алиса, включи свет*» по своей синтаксической структуре ничем не отличается от фразы «*Машиа, включи свет*», адресованной человеку. Но семантика этих высказываний различна: в первом случае речь идет о команде запрограммированному устройству, во втором – о просьбе к человеку, который может отказаться или выполнить по-своему. Однако формально это различие никак не выражено. Конструктикографический подход позволяет объяснить это тем, что обе фразы реализуют одну и ту же синтаксическую конструкцию («обращение +

императив + объект»), которая в русском языке имеет обобщенное значение «побуждение адресата к действию», а конкретная интерпретация зависит от экстралингвистического контекста и знаний о статусе адресата.

Таким образом, конструкторографический подход дает инструментарий для анализа тех устойчивых моделей, которые активно используются в общении с компьютерными помощниками, но остаются за рамками традиционного лексико-семантического и синтаксического описания. Включение этих моделей в исследование позволяет существенно расширить представление о том, как именно реализуется каузативная семантика в изучаемой сфере.

1.5.4. Дискурс-анализ

Теоретической основой анализа каузативных высказываний в дискурсе человеко-компьютерного взаимодействия служат положения современной теории дискурса. Вслед за В. И. Карасиком, под дискурсом понимается институциональное или персональное общение, характеризующееся определенными жанровыми, стилистическими и прагматическими параметрами [Карасик 2002: 5–12]. М. Л. Макаров определяет дискурс как «текст в контексте» [Макаров 2003: 15], акцентируя его процессуальный характер. В работах Н. Д. Арутюновой разработана типология языковых значений, разграничивающая диктум (предметное содержание) и модус (отношение говорящего к этому содержанию) высказывания [Арутюнова 1988: 5–12]. Данное разграничение непосредственно релевантно для анализа побудительных высказываний в диалогах с КП, поскольку позволяет рассматривать их как единство предметного содержания (диктум: «выполни действие») и эмоционально-оценочного модуса (ирония, раздражение, восхищение).

Семиотические аспекты дискурса разработаны в исследованиях, которые рассматривают дискурс как семиотическое пространство, организованное системой знаков и кодов [Шейгал 2004: 15–18]. Обзор ключевых подходов к дискурс-анализу представлен в работе М. Ю. Олешкова [Олешков 2006]. Актуальное состояние исследований в области теории дискурса отражено в работах Е. В. Макаровой и соавторов [Макарова и др., 2014].

Фундаментальные основания современной дискурсологии заложены в трудах нидерландского исследователя Т. ван Дейка, определяющего дискурс как «коммуникативное событие, происходящее между говорящим и слушающим в процессе коммуникативного действия в определенном временном, пространственном и социальном контексте» [ван Дейк 2013: 15]. В рамках разработанного им критического дискурс-анализа рассматривается дискурс как форма социальной практики, в которой воспроизводятся властные отношения и идеологические структуры [там же: 19–22; van Dijk 2008: 45–52]. В дискурсе реализуются макроструктуры (глобальные тематические схемы) и микроструктуры (локальные синтаксические и лексические выборы), что позволяет анализировать как содержательные, так и формальные аспекты речевого взаимодействия.

Французский философ и историк М. Фуко, чьи идеи оказали определяющее влияние на развитие дискурс-анализа, рассматривает дискурс не как совокупность высказываний, а как систему, которая «правит» социальной реальностью [Фуко 1996: 57–59]. Ключевым понятием его концепции является «власть-знание» (*pouvoir-savoir*) – принцип, согласно которому производство знания неразрывно связано с властными отношениями, а дискурсы служат инструментом конструирования и легитимации социальных институтов [Коркишко 2025: 148–152; Кравченко 2019: 48–50]. М. Фуко выделяет дискурсивные формации как исторически обусловленные системы высказываний, которые определяют, что может быть сказано в определенный период времени, и исключают то, что не соответствует доминирующему дискурсивному порядку.

Концептуальный синтез социологического и лингвистического подходов к дискурсу представлен в работах О. Н. Путиной [2021, 2022]. Следуя традициям как Т. ван Дейка, так и М. Фуко, О. Н. Путина рассматривает политический дискурс как «многоуровневое образование, в котором переплетаются когнитивные, прагматические и социальные аспекты» [Путина 2022: 12–15]. Для настоящего исследования рассматриваемая концепция важна в аспекте анализа того, как квазисубъект (компьютерный помощник) занимает позицию 1-го лица в дискурсивной практике взаимодействия с пользователем.

Значительный вклад в развитие теории дискурса и анализ языковой репрезентации научного знания внесла Т. Р. Копылова, использующая материал русского, испанского и английского языков, и исследующая структуру научного концепта «коммуникация» как ядра специализированного научного дискурса [Копылова 2007]. Коммуникативные аспекты дискурса рассматриваются в работах Г. Г. Почепцова, в которых дискурс анализируется в контексте социальных практик и массовой коммуникации [Почепцов 2001].

Теоретические основания анализа речевых актов, в том числе побудительных высказываний, были заложены в фундаментальных трудах Дж. Остина и Дж. Серля. В работе «Слово как действие» Дж. Остин ввел понятие перформативных высказываний, которые не описывают действительность, а сами являются действием, и разработал классификацию иллокутивных актов по пяти типам (вердиктивы, экзерситивы, комиссивы, бехабитивы, экспозитивы) [Остин 1986: 88–95]. Классификация иллокутивных актов была систематизирована Дж. Серлем, который выделил пять базовых типов: репрезентативы, директивы, комиссивы, экспрессивы и декларации [Серль 1986: 170–175].

Для настоящего исследования принципиальное значение имеет категория директивов – речевых актов, посредством которых говорящий побуждает адресата к выполнению действия (просьбы, команды, приказы, мольбы). Как подчеркивает Дж. Серль, «директивы – это попытки говорящего добиться того, чтобы слушающий совершил некоторое действие» [там же: 178], что непосредственно соответствует каузативной интенции пользователя, обращающегося к компьютерному помощнику.

В отечественной лингвистике теория речевых актов получила развитие в трудах Н. Д. Арутюновой, которая предложила разграничение диктумных и модусных смыслов в структуре высказывания [Арутюнова 1988: 5–12]. Для анализа императивных конструкций важны типологические исследования В. С. Храковского и А. П. Володина, в которых выделены шесть частных значений императива (приказ, просьба, инструкция, предложение, разрешение, совет), а также проведено разграничение фактитивной и пермиссивной каузации

[Храковский, Володин 1986]. Данные положения составляют типологическую основу для анализа императивных конструкций в дискурсе человеко-компьютерного взаимодействия.

1.6. Теоретические основания анализа поликатегориального взаимодействия

Под *поликатегориальным взаимодействием* понимается тип межкатегориальных связей, при котором единицы разных ФСП актуализируются в одном высказывании, образуя поликатегориальные семантические комплексы [Бондарко (отв. ред.) 1996: 5]. Исследования таких комплексов посвящены структуре функционально-семантического поля фазовости в русском и немецком языках, в котором выделяются центр и периферия, а также рассматриваются средства выражения субкатегориальных значений начала и конца действия [Аверина 2004: 50–56]. Оценочные значения рассматриваются как функционально-семантическая категория, выражаемая разноуровневыми языковыми средствами и взаимодействующая с эмотивностью и модальностью [Вольф 2002: 145–162]. В изучаемом дискурсе каузативность вступает в связь с интенсивностью (количественная характеристика степени воздействия), итеративностью (множественность каузативных актов) и фазисностью (выделение этапов воздействия). Категориальный семантический комплекс представляет собой совокупность категорий, функционально объединённых общей интенциональностью; в рамках эмотивно-каузативного комплекса выделяются субкомплексы, в том числе эмотивно-интенсивно-каузативный [Шустова 2021: 186–192]. Интенсивность понимается не только как различия в степени проявления признака, но и как количественная оценка качества [Шейгал 1981: 6; 1990: 11].

Вводится понятие *каузативной ситуации с Каузатором_{КП}*, фиксирующее специфику КС: (1) Каузатор-Человек инициирует коммуникативный акт; (2) КП в ответной реплике занимает позицию 1-го лица и выступает как Каузатор_{КП}, вызывая изменение состояния пользователя; (3) ситуация двусторонняя;

(4) результат включает не только перлокутивный эффект, но и коммуникативный сбой и «социальный» результат. Экспрессивная лексика разговорного употребления рассматривается в семантическом аспекте, включая анализ ее эмоционально-оценочных и интенсивных компонентов [Лукьянова 2015: 183–200]. Имплиcitная аспектология рассматривается как совокупность аспектуальных значений, не имеющих формального грамматического выражения, но регулярно актуализирующихся в контексте [Титаренко 2019: 254].

Интенсивность определяется как количественная мера проявления признака или действия [Родионова 2005: 150–152]. Интенсивность определяется как семантическая категория, отражающая степень проявления признака или действия и выражаемая разноуровневыми средствами языка [Егорова 2009: 224–226]. Интенсивность рассматривается как категория, входящая в систему функционально-семантических и функционально-стилистических категорий и взаимодействующая с ними [Кадысева 2010: 196–199]. Интенсивность рассматривается в ряду других семантических категорий, что позволяет определить ее место в системе категориальных значений и характер взаимодействия с ними [Родионова 2004: 300–313]. Интенсивность рассматривается как семантическая категория, выражаемая разноуровневыми языковыми средствами, и уточняется ее соотношение с категорией количества [Савичева, Рахимова 2016: 45]. Проблема определения интенсификатора рассматривается в контексте его взаимодействия с другими семантическими значениями, что позволяет уточнить критерии выделения интенсификаторов в тексте [Шарапова 2023: 185–192]. Интенсивность рассматривается как семантическая категория, пронизывающая все уровни языка и взаимодействующая с другими категориями [Туранский 1990: 85]. В исследуемом дискурсе интенсивность актуализируется через капслок, восклицания, повторы и экспрессивную лексику (пример ID 7: «*STOP GUESSING!!!*»). *Эмотивность* – языковое выражение эмоциональных состояний [Шаховский 2008: 5–7]; на пересечении с каузативностью возникают эмотивные каузативы [Сюткина 2020: 15–18]. Эмотивность может актуализироваться в дискурсе через эмотивные

каузативы и декаузативы, которые совмещают семантику каузации и эмоциональной оценки [Афанасьева 2021: 60–67]. Эмотивные высказывания рассматриваются как особый тип текстовых единиц, в которых эмоциональное состояние говорящего выражается через специфические языковые средства и прагматические стратегии [Пиотровская 2016: 107–112]. В корпусе зафиксированы примеры эмотивной каузации: рус. *бесишь* [ТСО: 40], англ. *gaslighting* [OED], нем. *spinnst* [DDU: 1680]. Итеративность отражает повторяемость действий; в исследовании понимается как функционально-семантическая категория, передающая политемпоральную неоднократность [Шустова, Комиссарова 2020: 31], с опорой на классификацию В. С. Храковского [Храковский 1989: 5–53]. Множественность ситуаций в немецком языке рассматривается через систему итеративных конструкций, отражающих количественную характеристику глагольного действия и его повторяемость [Кибардина 1989: 170–179]. В корпусе маркируется наречиями (*опять, again, schon wieder*) и синтаксическими повторами. Глагольная фазовость рассматривается как компонент аспектальной системы, взаимодействующий с показателями вида и способов глагольного действия [Волков 2024: 50–65]. Фазисность отражает членение процесса на этапы (начало, середина, конец) [Титаренко 2016: 93]; актуализируется при коммуникативных сбоях, когда пользователь эксплицирует фазовые смыслы (примеры: RU_089 «*прекрати!*», ID_337 «*Snap out of it*», DE_253 «*hör auf!*»). Фазисность рассматривается как категория русского глагола, обладающая собственной семантикой и парадигматикой, отражающей членение действия во времени [Соколов 1982: 3–18]. Семантика и синтаксис предложений с фазовыми глаголами рассматриваются в единстве, что позволяет выявить структурные условия актуализации фазовых значений [Тиунова 1985: 35–42]. Деривационные средства представления фазовости рассматриваются на материале разноструктурных языков, что позволяет выявить типологические различия в способах выражения фазовых значений [Шарец 2018: 129–133].

В английском примере ID 7 («*STOP GUESSING!!! You have one more chance...*») одновременно актуализируются все пять категориальных признаков: каузативность (императив *stop*), интенсивность (капслок, восклицания), отрицательная эмотивность (ультимативная конструкция), итеративность (прагматически выводимая из *one more chance*) и фазисность (требование перехода от «гадания» к правильному ответу).

Таким образом, *поликатегориальный семантический комплекс* понимается как совокупность нескольких ФСК (каузативности, интенсивности, эмотивности, итеративности, фазисности), актуализирующихся в КС каузативности и образующих сложные семантические структуры, не сводимые к сумме значений каждой отдельной категории. Анализ таких комплексов позволяет выявить системные закономерности функционирования каузативных единиц в дискурсе человеко-компьютерного взаимодействия.

1.6.1. Теория речевых актов как инструмент анализа каузативных стратегий

Важное значение для понимания механизмов речевого воздействия, в том числе и в исследуемом дискурсе, имеет теория перформативов, развитая в отечественной лингвистике Ю. Д. Апресяном. Опираясь на идеи Дж. Остина и Э. Кошмидера, ученый определяет перформативность как «совпадение слова и действия», при котором «слово, которое произносится, как раз и есть само обозначаемое действие» [Апресян 1995б: 199–218]. В отличие от дескриптивных (констативных) высказываний, которые просто описывают положение дел, перформативные высказывания сами по себе являются действием. Речевое воздействие рассматривается как целенаправленное изменение состояния адресата через выбор языковых средств и коммуникативных приемов [Иссерс 2011: 135].

Классический пример – «*Я прошу*». Это высказывание не сообщает о просьбе, а является самой просьбой. В момент его произнесения происходит реализация действия, выраженного глаголом. Данное свойство характерно для канонических перформативов – глаголов, употребленных в форме 1-го лица

единственного числа настоящего времени изъявительного наклонения активного залога. Ю. Д. Апресян предлагает развернутую классификацию таких глаголов, выделяя группы: специализированные сообщения и утверждения (*докладывать, заявлять, подтверждать*); признания (*признаваться, каяться*); обещания (*обещать, клясться*); просьбы (*просить, умолять*); требования и приказы (*требовать, приказывать*); запреты и разрешения (*запрещать, разрешать*); согласия и возражения (*соглашаться, возражать*) и многие другие [Апресян 1995б: 199–218].

Для настоящего исследования принципиальным является разграничение между иллокутивным актом (намерением говорящего) и перлокутивным эффектом (реальным воздействием на адресата). Перформативное высказывание, будучи иллокутивным актом, всегда нацелено на достижение определенного перлокутивного эффекта. В случае с компьютерным помощником перлокутивный эффект может быть двояким. Во-первых, это прямое, или перформативное, воздействие, когда высказывание пользователя (например, «*Алиса, включи свет*») непосредственно инициирует запрограммированное действие помощника. Во-вторых, это коммуникативный сбой или «социальный» эффект, когда ответная реплика помощника изменяет состояние пользователя, но не выполняет его утилитарную команду.

В настоящем исследовании теория перформативов Ю. Д. Апресяна используется как инструмент анализа не столько формальной структуры каузативных высказываний, сколько их перлокутивной динамики. Разграничение иллокутивной цели и перлокутивного эффекта позволяет в Главе 3 квалифицировать коммуникативный сбой не как неудачу иллокуции, а как особый тип перлокутивного результата – изменение состояния пользователя, вызванное ответной репликой компьютерного помощника. Особую значимость данное разграничение приобретает при анализе феномена Каузатора_{КП} (см. параграфы 2.2.1, 3.1.2): в случаях, когда компьютерный помощник занимает позицию 1-го лица и вызывает у пользователя эмоциональную или когнитивную реакцию, перлокутивный эффект не совпадает с утилитарной целью исходной команды.

Теория перформативов предоставляет терминологический аппарат для описания этого несовпадения как особого типа коммуникативного результата. Таким образом, перформативный анализ применяется в работе на уровне интерпретации последствий каузативного акта, а не на уровне классификации его языкового оформления.

Синтаксическая структура побудительных высказываний в русском языке описана в работе В. А. Белошапковой [Белошапкова 1977: 150–165]. Важное значение для анализа коммуникативных сбоев в системе «человек – компьютерный помощник» имеют работы Н. И. Пушиной и ее соавторов, посвященные коммуникативным неудачам и конфликтам в современном коммуникационном пространстве [Пушина 2015а; Пушина и др. 2015б, 2025]. В трудах данного научного коллектива разработана типология коммуникативных неудач, выделены ситуативные, контекстуальные, продуктивные и рецептивные факторы, создающие конфликтность общения [Пушина и др., 2025: 43–45]. Поскольку диалог с компьютерным помощником представляет собой виртуальный тип коммуникации, анализ коммуникативных неудач в условиях виртуального дискурса [Леонов и др., 2019] оказывается непосредственно релевантным для исследования сбоев в системе «человек – компьютерный помощник». Кроме того, методологические принципы анализа стратегий минимизации конфликтных ситуаций, применяются в настоящем исследовании при анализе реакций пользователей на коммуникативные сбои [Пушина 2015а: 33–35].

1.7. Компьютерно-опосредованная коммуникация как объект лингвистического исследования

Компьютерно-опосредованная коммуникация, Computer-Mediated Communication (далее – СМС), как особая сфера речевого взаимодействия изучалась в работах Е. И. Горошко и О. В. Лутовиновой, которые фокусируются на специфике общения в русскоязычном сегменте интернета [Горошко 2007а; 2007б; Лутовинова 2008, 2009, 2013].

Е. И. Горошко рассматривает интернет-коммуникацию как новую коммуникативную среду, оказывающую интенсивное влияние на лингвистику Интернета – направление лингвистического анализа, изучающее особенности функционирования языка в сети с позиций лингвистического знания, включая современную теорию жанров [Горошко 2007а; 2007б]. В работах исследователя обосновывается положение о том, что коммуникативное пространство Интернета стало жанропорождающей средой, способствовавшей возникновению новых, свойственных только данной информационной среде жанров, а также появлению в рамках теории жанров виртуального жанроведения [Горошко, Жигалина 2010: 105–124]. Исследования охватывают широкий спектр проблем: от психолингвистического анализа восприятия веб-текстов [Горошко 2010] до построения типологии жанров социальных медий на основе технологического фактора (веб 1.0 – веб 2.0 – веб 3.0) и иерархического принципа (гипержанр – жанр – субжанр) [Горошко, Полякова 2015: 119–127]. Язык интернета рассматривается как особая коммуникативная среда, формирующая специфические языковые средства и речевые стратегии, отличные от традиционного письменного общения [Иванов 2000: 112–120].

О. В. Лутовинова вводит в научный оборот понятие *виртуальной языковой личности* – нового типа языковой личности, характеризующегося набором специфических черт: особыми ценностями, изменившимся отношением ко времени и пространству, высокой степенью поглощенности виртуальной деятельностью, специфическими целями и стратегиями коммуникации [Лутовинова 2008; 2009: 476]. Виртуальный дискурс понимается исследователем как текст, погруженный в ситуацию общения в виртуальной реальности – особой модели реальности, возникающей на основе новых информационных технологий при помощи компьютерных и некомпьютерных средств и реализующей такой принцип взаимодействия пребывающих в ней субъектов, как коммуникация образов [Лутовинова 2013: 25]. В работах исследователя выделяются основные цели участников виртуального дискурса – социализация, инкультурация, саморепрезентация и развлечение [Лутовинова 2009: 476] – и описываются

коммуникативные стратегии, используемые языковой личностью в виртуальной среде [Лутовинова 2008: 26–35]. Коммуникативные стратегии и тактики рассматриваются как система речевых действий, направленных на достижение коммуникативной цели и регулирование речевого взаимодействия [Иссерс 2003: 170; Иссерс 2008: 65].

Среди зарубежных исследователей фундаментальный вклад в развитие интернет-лингвистики внес Д. Кристал, предложивший понятие «*Netspeak*» для обозначения языковых особенностей общения в сети и выделивший основные жанры СМС: электронную почту, чаты, виртуальные миры и веб [Crystal 2001].

Методологическую рамку для анализа языковых структур в СМС разработала С. Херринг, создавшая парадигму компьютерно-опосредованного дискурс-анализа (CMDA), которая позволяет системно изучать речевые акты в цифровой среде [Herring 2004]. Социальные аспекты СМС и вопросы идентичности в сети рассматриваются в работах К. Терлоу, Л. Ленгел и Э. Томич [Thurlow, Lengel, Tomic 2004], а также в концепции «второй медийной эпохи» М. Постера [Poster 1995]. Психологические аспекты взаимодействия человека с компьютером и феномен антропоморфизации технологий исследованы в трудах Ш. Теркл [Turkle 2005]. Данные исследования имеют прямое отношение к нашему анализу диалогов с компьютерными помощниками.

1.8. Материал и методы исследования

1.8.1. Материал исследования

Эмпирическую базу диссертации составил авторский корпус диалогов, извлеченных из открытых интернет-источников, в которых пользователи публикуют скриншоты или текстовые фрагменты своего общения с компьютерными помощниками. Выбор данного типа источника обусловлен его естественностью: фиксируются не смоделированные исследователем или лабораторные запросы, а реальные коммуникативные акты, осуществляемые пользователем в процессе взаимодействия с квазисубъектом. Пользователь, как

правило, эмоционально вовлечен в коммуникацию и преследует практические, игровые или рефлексивные цели.

Формирование корпуса осуществлялось по принципу направленной выборки из трех типов источников, соответствующих трем исследуемым языкам. Принципиально важно, что данные источники не относятся к научно-методологической литературе, а представляют собой первичный эмпирический материал – записи реальной спонтанной коммуникации в цифровой среде¹.

Эмпирическая база для русского языка была сформирована по принципу направленной выборки из открытых интернет-источников. Выбор источников обусловлен их естественностью. Корпус включает диалоги как с текстовыми чат-ботами, так и с голосовыми ассистентами, что позволяет провести сопоставительный анализ с английским и немецким подкорпусами.

1. Социальная сеть Вконтакте (группы и публичные страницы, посвященные голосовым помощникам «Алиса», «Салют», «Маруся»). пользователи публикуют скриншоты диалогов с комментариями, что позволяет фиксировать не только реплики, но и контекст, а также реакцию самого пользователя на ответ помощника. данный источник является ключевым для анализа утилитарных команд, бытовых сценариев использования (управление умным домом, постановка таймеров, информационные запросы) и фрустрационных реакций на сбои распознавания речи.

2. Telegram-каналы («обратная связь яндекса», «подслушано алиса», «умная колонка», «чат-боты и ai»). в данных каналах пользователи делятся скриншотами диалогов и текстовыми отчетами о взаимодействии с голосовыми ассистентами (Алиса, Маруся, Салют) и текстовыми чат-ботами. Этот источник обеспечивает репрезентативность спонтанной, неподготовленной речи, фиксируя как успешные команды, так и случаи коммуникативных сбоев, провоцирующих переход к интенсивным и итеративным средствам (капслок, повторы, брань).

¹ В работе не используются материалы социальной сети Instagram (принадлежит компании Meta, признанной экстремистской и запрещенной на территории Российской Федерации), а также иных ресурсов, доступ к которым ограничен действующим законодательством РФ. Отбор материала осуществлялся исключительно из источников, находящихся в свободном доступе и не подпадающих под законодательные ограничения.

3. Тематические форумы 4pda.ru и ixbt.com (разделы, посвященные умным колонкам и голосовым ассистентам). в обсуждениях на данных форумах приводятся развернутые примеры взаимодействия с умными колонками, часто содержащие детальные описания проблемных ситуаций (непонимание команды, «зависание», «зацикливание»), что позволяет анализировать фазисные и итеративные компоненты каузативных высказываний.

4. Комментарии пользователей на видеохостингах под обзорами и тестами голосовых помощников. Данный источник фиксирует реакции пользователей на демонстрацию возможностей ассистентов, включая восхищение, благодарность, критику и фрустрацию.

Таким образом, источники обеспечивают сбалансированное представление всех типов каузативных ситуаций, зафиксированных в русскоязычном подкорпусе, и позволяют провести корректный сопоставительный анализ с данными английского и немецкого языков.

Эмпирическая база для английского языка была сформирована также по принципу направленной выборки из открытых интернет-источников.

1. Платформа Reddit (сабреддиты r/ChatGPT, r/Alexa, r/GoogleAssistant, r/ClaudeAI). Пользователи публикуют скриншоты диалогов с комментариями, что позволяет фиксировать не только реплики, но и контекст, а также реакцию самого пользователя на ответ помощника. Данный источник является ключевым для анализа антропоморфных ожиданий, экзистенциальных запросов и феномена Каузатора_{КП}. В англоязычном подкорпусе зафиксирована наиболее высокая доля экзистенциальных запросов (4,1 %) и косвенных каузативов (28,8 %) среди трех языков, что напрямую коррелирует с доминированием диалоговых чат-ботов (ChatGPT, Claude) в данном сегменте.

2. Специализированные англоязычные форумы и порталы.

3. *Stack Overflow* / *Stack Exchange* – в разделах, посвященных программированию и технологиям, пользователи публикуют примеры взаимодействия с чат-ботами (ChatGPT, Claude) при решении технических задач.

Данный источник обеспечивает репрезентативность инструментальных запросов и метакоммуникативных команд.

4. *Product Hunt* и *Medium* – в комментариях к статьям и обзорам новых ИИ-продуктов пользователи делятся опытом взаимодействия с различными КП, что позволяет фиксировать как позитивные, так и негативные реакции на поведение помощников.

5. Видеохостинги (комментарии под обзорами и тестами голосовых помощников и чат-ботов). Пользователи публикуют скриншоты и текстовые описания своих диалогов с КП, часто с акцентом на неожиданные или впечатляющие ответы помощников. Этот источник дополняет корпус примерами положительной эмотивности и восхищения возможностями ИИ.

6. Специализированные онлайн-сообщества в социальных сетях (публичные группы в Telegram, посвященные искусственному интеллекту и технологиям). В обсуждениях приводятся примеры реального общения с КП, часто сопровождающиеся эмоциональными реакциями на сбои или неожиданное поведение помощников.

Таким образом, подобранные источники обеспечивают сбалансированное представление всех типов каузативных ситуаций, зафиксированных в англоязычном подкорпусе, и позволяют провести корректный сопоставительный анализ с данными русского и немецкого языков.

Эмпирическая база для немецкого языка была сформирована по тому же принципу направленной выборки из открытых интернет-источников.

1. Платформа Reddit (сабреддиты *r/ChatGPT*, *r/de_EDV*, *r/AskAGerman*, *r/Alexa*, *r/GoogleAssistant*). Пользователи публикуют скриншоты диалогов с комментариями, что позволяет фиксировать не только реплики, но и контекст, а также реакцию самого пользователя на ответ помощника. Этот источник является ключевым для анализа антропоморфных ожиданий, экзистенциальных запросов и феномена Каузатора_{КП}.

2. Специализированные немецкоязычные форумы и порталы:

a. gutefrage.net – крупнейший немецкий форум вопросов и ответов, где пользователи обсуждают технические проблемы и делятся опытом взаимодействия с голосовыми ассистентами (Alexa, Siri) и чат-ботами.

b. computerbase.de и CHIP.de – ведущие немецкие технологические порталы, в разделах которых (форумы и комментарии к статьям) приводятся примеры реального общения с КП, часто сопровождающиеся эмоциональными реакциями на сбои или неожиданное поведение помощников.

c. homeandsmart.de – специализированный портал об умном доме, где в обсуждениях и обзорах фиксируются диалоги с голосовыми помощниками (Alexa, Google Assistant) в бытовом контексте.

d. mobiFlip.de и PCtipp.ch – ресурсы, посвященные мобильным технологиям и ИТ, в комментариях к статьям которых пользователи часто делятся скриншотами диалогов с ассистентами, описывая как успешные команды, так и случаи фрустрации.

3. Немецкоязычные сообщества и каналы в социальных сетях и мессенджерах (анализ публичных постов и комментариев в группах, посвященных технологиям и искусственному интеллекту, в том числе в Telegram-каналах, где обсуждаются голосовые помощники и чат-боты). Данный источник обеспечивает репрезентативность спонтанной, неподготовленной речи.

Специфика источников и ее влияние на материал заключается в следующем.

– Наличие специализированных форумов (gutefrage.net, computerbase.de) и технологических порталов (CHIP.de, homeandsmart.de) обеспечивает широкий спектр ситуаций: от строго утилитарных команд («Alexa, mach das Licht aus») до сложных рефлексивных запросов и игровых провокаций.

– Платформа Reddit и технологические форумы являются основным источником примеров с высоким уровнем антропоморфных ожиданий (экзистенциальные вопросы, ролевые игры, феномен Каузатора_{КП}).

– Диалоги с голосовыми ассистентами (Alexa, Siri), зафиксированные на форумах и порталах об умном доме, часто содержат примеры сбоев

распознавания речи, что провоцирует итеративность и отрицательную эмотивность.

Источники обеспечивают сбалансированное представление всех типов каузативных ситуаций, зафиксированных в немецкоязычном подкорпусе, и позволяют провести корректный сопоставительный анализ с данными русского и английского языков.

Единица включалась в корпус при соблюдении следующих условий:

1) наличие в реплике пользователя побудительной семантики (команда, просьба, запрос, побуждение к действию, косвенный речевой акт с иллокутивной целью побуждения); данный критерий является основным;

2) наличие ответной реплики компьютерного помощника (для анализа коммуникативной реакции и фиксации перформативного, сбойного или «социального» результата каузации);

3) возможность восстановить коммуникативный контекст: предшествующие реплики (если они имеются) и пояснения пользователя к опубликованному скриншоту;

4) язык реплики пользователя соответствует одному из трех исследуемых языков (русский, английский, немецкий);

5) приоритет отдавался скриншотам (визуальной фиксации диалога) перед текстовыми пересказами, поскольку скриншоты минимизируют риск искажения исходной реплики.

Корпус ведется в формате электронной таблицы (Google Sheets) со следующими полями: уникальный идентификатор диалога (ID), язык, источник, контекст (предшествующие реплики при наличии), реплика пользователя (каузативное высказывание), реплика помощника, тип каузатива, категориальные признаки (интенсивность, эмотивность, итеративность, фазисность), комментарий исследователя. Такая структура позволяет осуществлять гибкую фильтрацию материала по любому параметру и использовать корпус как для качественного, так и для количественного анализа.

Общий объем корпуса на момент завершения исследования составляет 7500 диалогов, из них: 2500 диалогов на русском языке, 2500 диалогов на английском языке и 2500 диалогов на немецком языке. Каждый диалог представляет собой законченный коммуникативный эпизод, содержащий не менее одной реплики пользователя с каузативной семантикой.

Таблица 4 – Сводная таблица количества слов и символов
в диалогах по всем трем языкам

Язык	Короткие команды (слова / символы)	Средние ответы (слова / символы)	Развёрнутые ответы (слова / символы)	Всего слов	Всего символов (без пробелов)
Русский	~2 100 / ~10 500	~7 500 / ~39 000	~8 850 / ~46 300	~18 450	~95 800
Английский	~3 800 / ~19 500	~8 200 / ~42 800	~8 100 / ~42 000	~20 100	~104 300
Немецкий	~3 500 / ~18 000	~5 200 / ~28 000	~5 500 / ~30 000	~14 200	~76 000
ИТОГО	~9 400 / ~48 000	~20 900 / ~109 800	~22 450 / ~118 300	~52 750	~276 100

Помимо корпуса диалогов, в качестве самостоятельного источника и аналитического инструмента привлекаются данные Русского Конструктикона – открытой электронной базы устойчивых синтаксических конструкций современного русского языка [Эндресен и др. 2020: 241–245; Janda et al., 2018]. Обращение к данному ресурсу обусловлено необходимостью верификации и углубленного анализа каузативных конструкций, зафиксированных в русскоязычном подкорпусе. РК содержит более 2200 единиц с подробным семантическим и синтаксическим описанием, что позволяет:

- идентифицировать устойчивые синтаксические модели, используемые пользователями в диалогах с компьютерными помощниками (например, конструкции типа «*хватит с меня*», «*не Imp, a PRO*»);
- сопоставить зафиксированные в корпусе реплики с кодифицированными в базе конструкциями, определив степень их идиоматичности;
- зафиксировать отсутствие специализированных конструкций для диалога с квазисубъектом, что, как показано в параграфе 1.4.1, является самостоятельным научным результатом.

Поиск в РК осуществлялся по ключевым словам, релевантным для человеко-компьютерного взаимодействия («*компьютер*», «*интернет*», «*бот*», «*Алиса*», «*Салют*», «*Маруся*», «*программа*», «*помощник*»), а также по семантическим тегам, связанным с каузативностью и побуждением.

1.8.2. Методы исследования

Методологическая рамка исследования определяется его целью – выявить и описать системную организацию каузативных средств в дискурсе человеко-компьютерного взаимодействия. Это требует интеграции нескольких методов, применяемых на разных этапах работы.

На этапе сбора материала использовался метод направленной выборки из открытых интернет-источников (Reddit, VK, Telegram, специализированные форумы). Критерием включения единицы в корпус служит наличие в реплике пользователя побудительной семантики. Дополнительно применялся метод контекстуального анализа: каждый пример рассматривался вместе с предшествующими репликами (при их наличии) и комментариями пользователя, что позволяло избежать ошибочной интерпретации иллокутивной силы высказывания.

На этапе анализа основным инструментом стал метод функционально-семантического анализа, позволяющий классифицировать каузативные единицы по их месту в полевой структуре (ядро – периферия). Каждая единица корпуса получала типологическую характеристику: прямой императив, вопрос в функции команды, косвенный речевой акт, игровой запрос, экзистенциальный запрос и др.

Для выявления когнитивных механизмов, лежащих в основе выбора тех или иных каузативных средств, применялся метод фреймового моделирования. На его основе построена модель каузативной ситуации «Каузатор – Объект Каузации_{КП}» (Схема 1 в Главе 2), включающая слоты каузатора, объекта каузации, содержания, инструмента и результата. Фреймовое моделирование позволило не только перечислить эмпирические примеры, но и объяснить, почему пользователь в одних ситуациях выбирает ядерные средства (прямой императив), а в других – периферийные (игровые или экзистенциальные запросы).

Лексикографический анализ является необходимым этапом верификации семантических характеристик каузативных единиц, выявленных в корпусе диалогов. Обращение к данным толковых словарей позволяет, во-первых, зафиксировать узуальные, кодифицированные значения глаголов, которые в дискурсе человеко-компьютерного взаимодействия приобретают новые,

антропоморфно окрашенные смыслы. Во-вторых, сопоставить системные значения единиц с их окказиональными употреблениями в исследуемом материале.

Как отмечает А. А. Афанасьева, «лингвистические словари фиксируют узуальные, кодифицированные значения языковых единиц, отражая сложившиеся в языковом сознании носителей семантические структуры» [Афанасьева 2024: 45]. В настоящей работе лингвистические словари, в отличие от энциклопедических, рассматриваются как источник сведений о семантике слова, его грамматических и стилистических характеристиках, а не о реалиях окружающего мира.

Методика лексикографического анализа в настоящей диссертации опирается на принципы, разработанные в функциональной грамматике и лексикографии, и предполагает последовательное решение следующих задач: 1) формирование репрезентативного корпуса лексикографических источников для каждого из трех исследуемых языков, включающего толковые, фразеологические, синонимические и этимологические словари; 2) выявление в корпусных примерах ключевых каузативных единиц (глаголов, глагольно-именных сочетаний, междометных фразеологизмов), функционирующих в дискурсе человеко-компьютерного взаимодействия; 3) сопоставление корпусных употреблений с зафиксированными в словарях значениями по параметрам: наличие или отсутствие семы одушевленности субъекта или объекта; фиксация переносных (метафорических) значений; стилистические пометы (разговорное, сленговое, просторечное); 4) верификация антропоморфных сдвигов в семантике – случаев, когда при переносе лексической единицы из сферы «человек – человек» в сферу «человек – машина» происходит переосмысление исходного значения.

Для решения поставленных задач в работе привлекается 60 лексикографических источников (по 20 на каждый из трёх языков), включая толковые, фразеологические, синонимические, этимологические и специализированные словари компьютерной лексики. Ниже представлены результаты анализа репрезентативных каузативных единиц, выявленных в

корпусе. Методы автоматического морфологического анализа русского языка рассматриваются через сопоставительную оценку парсеров, что позволяет выявить их сильные и слабые стороны при обработке корпусных данных [Ляшевская и др. 2010: 318–327].

В работе проведен сопоставительный анализ сленговых глаголов, описывающих сбои КП. В русском языке глаголы *глючить* и *зависнуть* в указанных значениях отсутствуют в словаре [ТСО]: *глючить* не зафиксирован; *зависнуть* – лишь в прямом значении «повиснуть». Расхождение между словарной фиксацией и корпусным употреблением («*Алиса, ты опять глужишь?*», RU_005) свидетельствует о семантическом сдвиге. В словаре Ефремовой *тупить* имеет помету «разговорно-сниженное» [НСРЯ]; в корпусе антропоморфная атрибуция «тупости» КП переносит это значение из сферы оценки человека в сферу оценки технического устройства.

В английском языке глагол *glitch* фиксируется преимущественно как существительное со значением «сбой» [OED]. В корпусных примерах («*DeepSeek is glitching*», ID 142) глагол *glitch* употребляется в активном залоге с подлежащим, обозначающим компьютерную программу. В словарях английского языка данная единица фиксируется преимущественно как существительное со значением «сбой, неполадка»; глагольная форма в активном залоге с неодушевленным субъектом не предусмотрена. Расхождение между словарной фиксацией и корпусным употреблением свидетельствует о семантическом сдвиге: технический сбой осмысливается через антропоморфную категорию поведения, а само употребление носит окказиональный характер, отражая зону активного семантического развития в новом типе дискурса.

В немецком языке глагол *spinnen* в DDU имеет значение «*sich seltsam, ungewöhnlich benehmen*» с пометой *umgangssprachlich* [DDU: 1680]. В корпусных примерах («*Alexa, du spinnst schon wieder total*», DE_015) он приписывается КП; словарная фиксация человеческого субъекта действия подтверждает антропоморфный метафорический перенос.

В «Лингвистическом энциклопедическом словаре» [ЛЭС] дефиниции «каузация», «каузатив», «императив» сопоставлены с рабочими определениями диссертации. «Словарь методических терминов» [НСМТП] привлекался для определения семантики «побуждения». Сопоставительный анализ показал отсутствие специализированных словарных помет для употребления каузативных глаголов по отношению к квазисубъекту, что подтверждает тезис о транспозиционном характере каузативных стратегий.

Лексикографический анализ выполнил три функции: верификацию статуса каузативных единиц (сленговые vs кодифицированные); фиксацию исходных сем, подвергающихся метафорическому переносу; доказательство антропоморфного сдвига через сопоставление словарной семы одушевлённости с корпусным употреблением. Отсутствие словарной фиксации (рус. *глючить*) само по себе стало научным результатом, указывающим на зону активного семантического развития.

Для анализа устойчивых синтаксических моделей, зафиксированных в русскоязычном подкорпусе, привлекались методы конструкторографического анализа, разработанные в рамках проекта «Русский Конструктикон» [Ляшевская 2021: 35–40; Рахилина 2010: 9–15]. Это позволило идентифицировать конструкции с потенциалом зонального расширения и сопоставить их с кодифицированными в базе единицами.

На этапе интерпретации использовался сопоставительный метод: материалы на русском, английском и немецком языках обрабатывались по общей методике, что позволило выявить как универсальные закономерности (полевая структура, антропоцентричность, роль императива), так и специфические особенности (различия в оформлении косвенных речевых актов, частотности экзистенциальных запросов, доле фатической функции).

Элементы количественного анализа применялись для подсчета доли каждого типа каузативных средств в общем объеме корпуса. Полученные количественные данные (процентные соотношения) носят иллюстративный характер и используются не как строгие статистические показатели, а как способ наглядно представить структуру поля и выявить значимые различия между тремя языками.

Заполнение корпуса осуществлялось в формате электронной таблицы Google Sheets. Выбор данной платформы обусловлен ее функциональными возможностями: совместный доступ (для апробации и верификации), автоматическое сохранение, гибкая фильтрация по любому параметру (язык, тип каузатива, наличие категориальных признаков), а также возможность экспорта данных в форматы CSV и XLSX для последующего анализа. Статистическая обработка и визуализация результатов (процентные соотношения, построение диаграмм) производились в облачной платформе для выполнения кода на языке Python [Приложение I]. Использование Colab позволило автоматизировать подсчеты, обеспечить воспроизводимость результатов и интегрировать количественные данные с качественным анализом. Применение Python-скриптов для обработки корпуса также обеспечило возможность быстрой реклассификации единиц при уточнении типологии. Для обработки и статистического анализа размеченного корпуса объемом 7500 диалога использовался язык программирования Python в среде Google Colab. Применение данного инструмента было обусловлено необходимостью быстрой обработки больших объемов данных, автоматического подсчета частотности типов каузативов и маркеров поликатегориальности, а также для обеспечения воспроизводимости результатов.

Процедура анализа включала следующие этапы.

1. Импорт и первичная очистка данных, когда данные из google sheets (в формате csv) загружались в среду colab. проводилась проверка на наличие пропусков (nan) и их удаление, а также приведение текстовых полей к единому регистру для корректной группировки.

2. Кодирование категориальных переменных, при котором столбцы с типами каузативов (тип_каузатива_стандарт), языками (язык) и категориальными признаками (интенсивность, эмотивность, итеративность, фазисность) были преобразованы в факторные переменные для облегчения статистического анализа.

3. Расчет частотных характеристик, когда с помощью методов библиотеки pandas (`value_counts()`, `groupby()`) рассчитывалось абсолютное и относительное (в процентах) распределение каждого типа каузатива для языков.

4. Построение сводных (контингентных) таблиц, где ключевым этапом стало построение кросс-таблиц (функция `pd.crosstab`) для визуализации взаимосвязи между языком и типами каузативов (таблица 7), а также между языком и типами эмотивности (таблица 10). нормализация по строкам (`normalize='index'`) позволила корректно сравнивать процентные доли в подкорпусах разного размера (особенно с учетом меньшего немецкого подкорпуса).

5. Фильтрация и анализ сочетаемости признаков, при которых для анализа поликатегориальности (параграф 3.4) была реализована функция подсчета «суммы признаков» (интенсивность + итеративность + эмотивность + фазисность) для каждой реплики. Это позволило количественно оценить, насколько часто каузативность «отягощается» дополнительными смыслами в каждом из языков.

Выводы по главе 1

В первой главе решены теоретические задачи, необходимые для эмпирического анализа. Установлено, что каузативность как функционально-семантическая категория принципиально отличима от онтологической каузации: если каузация принадлежит сфере объективной действительности и отвечает на вопрос «*почему?*», то каузативность есть языковая интерпретация ситуации побуждения, обязательно включающая одушевленного каузатора и отвечающая на вопрос «*кто побудил?*». Данное разграничение, восходящее к различению каузации как онтологической категории и каузативности как функционально-семантической, задает антропоцентрический вектор всего исследования и позволяет анализировать каузативные высказывания в дискурсе человеко-компьютерного взаимодействия как интерперсональные, а не как природные причинно-следственные связи.

Адаптация полевой модели к дискурсу человеко-компьютерного взаимодействия потребовала трех уточнений. Во-первых, Каузатором всегда выступает человек-пользователь, что соответствует антропоцентричной природе каузативности. Во-вторых, Объект Каузации_{КП} представляет собой квазисубъекта: он не обладает собственной волей, однако его реакции запрограммированы как имитация человеческого коммуникативного поведения, что создает условия для антропоморфных проекций. В-третьих, ключевую роль в формировании каузативных значений в исследуемом дискурсе играет семантическая деривация: глаголы физического действия, звучания и разрушения закономерно развивают каузативно-эмотивные значения. В сленговых употреблениях типа *зависнуть*, *тупить*, *глючить*, *вылетать* технический сбой осмысляется через антропоморфные категории состояния человека. Лексикографический анализ, проведенный с привлечением толковых словарей русского, английского и немецкого языков, подтверждает, что данные единицы либо отсутствуют в словарной фиксации, либо имеют пометы, указывающие на их принадлежность к разговорной или сленговой лексике, что свидетельствует о зоне активного семантического развития в новой сфере коммуникации.

Методологическую основу диссертации составила интеграция трех подходов. Функционально-семантический подход, разработанный А. В. Бондарко и его школой, дает полевую модель и инструмент классификации средств. Функционально-когнитивный подход обеспечивает объяснительные механизмы (метафора, метонимия, фрейм) для анализа выбора языковых единиц пользователем. Конструктикографический подход, реализованный в проекте «Русский Конструктикон» под руководством О. Н. Ляшевской, позволяет включить в описание устойчивые синтаксические модели (*меня прорвало*, *его как подменили*), которые активно используются в эмоционально окрашенном общении с помощниками, а также привлекать данные электронной базы устойчивых синтаксических конструкций. Интеграция этих подходов, дополненная теорией речевых актов (Дж. Остин, Дж. Серль) и теорией дискурса, составляет методологическую основу диссертации.

Эмпирическая база – авторский корпус из 7500 диалогов – обладает рядом особенностей. Это не лабораторные данные, а естественные диалоги с эмоциональной вовлечённостью пользователя, что обеспечивает репрезентативность материала. Диалоги различаются по коммуникативным ситуациям (утилитарные команды, информационные запросы, игровое и экзистенциальное взаимодействие), что позволяет выявить спектр каузативных стратегий. Материал представлен на трёх языках, что требует учёта грамматических и прагматических различий. Сопоставительный анализ в рамках единой методики создаёт основу для выявления как закономерностей организации семантической зоны каузативности, так и особенностей её реализации в дискурсе человеко-компьютерного взаимодействия.

ГЛАВА 2. КОГНИТИВНОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ СЕМАНТИЧЕСКОЙ ЗОНЫ КАУЗАТИВНОСТИ В РУССКОМ, АНГЛИЙСКОМ И НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКАХ

2.1. Лексикографический инструментарий и методика анализа каузативных единиц

Лексикографический анализ является необходимым этапом верификации семантических характеристик каузативных единиц, выявленных в корпусе диалогов. Обращение к данным толковых словарей позволяет, во-первых, зафиксировать узуальные, кодифицированные значения глаголов, которые в дискурсе человеко-компьютерного взаимодействия приобретают новые, антропоморфно окрашенные смыслы. Во-вторых, сопоставить системные значения единиц с их окказиональными употреблениями в исследуемом материале.

В работе лингвистические словари, в отличие от энциклопедических, рассматриваются как источник сведений о семантике слова, его грамматических и стилистических характеристиках, а не о реалиях окружающего мира.

Методика лексикографического анализа в диссертации опирается на принципы, разработанные в функциональной грамматике и лексикографии, и предполагает последовательное решение следующих задач:

1) формирование репрезентативного корпуса лексикографических источников для каждого из трех исследуемых языков, включающего толковые, фразеологические, синонимические и этимологические словари;

2) выявление в корпусных примерах ключевых каузативных единиц (глаголов, глагольно-именных сочетаний, междометных фразеологизмов), функционирующих в дискурсе человеко-компьютерного взаимодействия;

3) сопоставление корпусных употреблений с зафиксированными в словарях значениями по параметрам: наличие или отсутствие семы одушевленности субъекта или объекта; фиксация переносных (метафорических) значений; стилистические пометы (разговорное, сленговое, просторечное);

4) верификация антропоморфных сдвигов в семантике – случаев, когда при переносе лексической единицы из сферы «человек – человек» в сферу «человек – машина» происходит переосмысление исходного значения.

Данная методика сходна с подходом, применявшимся в исследовании функциональных особенностей эмотивных каузативов, где лексикографический анализ позволил зафиксировать семантические сдвиги при переходе глаголов из одной сферы употребления в другую [Сюткина 2025: 48].

2.1.1. Словари русского языка

Для анализа русскоязычных каузативных единиц привлекаются следующие лексикографические источники: «Толковый словарь русского языка» С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой (ТСО); «Словарь современного русского литературного языка» (БАС); «Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный» Т. Ф. Ефремовой (НСРЯ); «Большой толковый словарь русского языка» под ред. С. А. Кузнецова (БТСРЯ); «Толковый словарь иноязычных слов» Л. П. Крысина (ТСИС).

Выбор указанных словарей обусловлен необходимостью охватить различные аспекты семантики русских каузативных глаголов: их толкование (толковые словари), фразеологическую сочетаемость (фразеологические словари), синонимические связи и стилистическую маркированность (словари синонимов, этимологические словари). Особое значение имеют толковые словари, так как именно в них фиксируются прямые и переносные значения глаголов, а также стилистические пометы, позволяющие верифицировать статус выявленных каузативных единиц – кодифицированные они или сленговые.

2.1.2. Словари английского языка

Англоязычный лексикографический инструментарий представлен как толковыми словарями для носителей языка, так и учебными словарями, фиксирующими современное употребление лексических единиц. Последние представляют особую ценность для настоящего исследования, поскольку они

отражают актуальные семантические процессы и фиксируют новые значения слов, возникающие в том числе в сфере цифровых технологий.

Толковые словари Oxford English Dictionary (OED); Merriam-Webster's Collegiate Dictionary (MWCD); Collins English Dictionary (CED); словарь синонимов: Merriam-Webster's Dictionary of Synonyms (MWDS) позволяют зафиксировать современные значения лексических единиц, описанные ограниченным словарем наиболее употребительных слов. Это особенно важно для выявления новых, антропоморфно окрашенных значений глаголов, возникающих в сфере человеко-компьютерного взаимодействия. Специализированные словари позволяют верифицировать статус сленговых единиц и фиксировать процессы неологизации в цифровой среде.

2.1.3. Словари немецкого языка

Немецкоязычный лексикографический инструментарий включает нормативные толковые словари, а также специализированные издания, фиксирующие современные тенденции в развитии лексической системы немецкого языка.

Толковые словари: «Большой немецко-русский словарь» под ред. К. Лейна, Д. Г. Мальцевой и А. Н. Зуева (БНРС); при работе с немецкоязычным материалом ключевое значение имеют словари серии DDU (Deutsches Universalwörterbuch), которые фиксируют нормативное употребление лексических единиц. Двуязычный «Большой немецко-русский словарь» под редакцией К. Лейна, Д. Г. Мальцевой и А. Н. Зуева содержит подробное толкование наиболее употребительных слов и фразеологических оборотов. Словарь Х. Кюппера (Wörterbuch der deutschen Umgangssprache) (WDUS) фиксирует лексику разговорного употребления, что позволяет верифицировать статус сленговых единиц типа *spinnen*, *glitch* и их производных.

2.1.4. Анализ семантического потенциала каузативных единиц (на примере глагола «компьютеризировать»)

Для демонстрации разработанной методики лексикографического анализа целесообразно обратиться к глаголу *компьютеризировать*, который является релевантным для настоящего исследования в силу своей прямой связи со сферой человеко-компьютерного взаимодействия.

В толковых словарях русского языка глагол *компьютеризировать* (несов. *компьютеризировать*, сов. *компьютеризировать*) имеет следующее толкование: «внедрять / внедрить компьютерную технику, автоматизировать с помощью компьютеров что-либо» [ТСО: 288; НСРЯ: 387; БТСРЯ: 456]. В словаре С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой глагол сопровождается пометой «спец.» (специальное) [ТСО: 288], что указывает на его принадлежность к терминологической лексике. В словаре Т. Ф. Ефремовой фиксируются обе видовые формы – несовершенного и совершенного вида [НСРЯ: 387]. Примечательно, что в «Словаре современного русского литературного языка» (БАС) данный глагол отсутствует, что свидетельствует о его относительно позднем вхождении в литературный язык. В «Толковом словаре иноязычных слов» Л. П. Крысина глагол *компьютеризировать* не зафиксирован, однако фиксируется существительное *компьютеризация* – «широкое применение компьютеров в различных сферах человеческой деятельности; оснащение вычислительной техникой» [ТСИС 1998: 356].

В английском языке глагол *to computerize* (вариант написания – *to computerise*) фиксируется в толковых словарях с 1960 г. [OED]. В Oxford Advanced American Dictionary приводятся следующие дефиниции: 1) *to provide a computer or computers to do the work of something*; 2) *to store information on a computer* [OAAD]. Collins Dictionary фиксирует аналогичные значения: *to equip with or automate by computers, to control, perform, process, or store by means of a computer* [CED]. В Cambridge Dictionary глагол определяется как *to use computers to do something that was done by people or other machines before* [CD]. В OED глагол *computerize* квалифицируется как дериват, образованный в английском

языке по продуктивной модели от существительного *computer* с суффиксом *-ize*, и датируется 1960 г. [OED]. Глагол имеет две основные валентности: *to computerize something* (прямой объект – система, процесс, информация) и *to computerize* (интранзитивное употребление, «внедрять компьютеры») [Dictionary.com; CED]. Следует отметить, что в современном английском языке глагол не имеет стилистических помет и относится к нейтральной лексике, в отличие от русского аналога, маркированного как «специальное».

В немецком языке функции русского и английского глаголов выполняет глагол *computerisieren* (также встречается *computerisieren*), который в словаре DDU и других лексикографических источниках определяется как *etwas mit Computern ausstatten, auf Computer umstellen* («оснащать компьютерами, переходить на компьютеры») [DDU: 420]. В немецко-русских словарях глагол *computerisieren* переводится как «компьютеризировать» [БНРС]. В отличие от русского глагола, *computerisieren* в немецком языке не имеет пометы «спец.» и относится к общеупотребительной лексике, что свидетельствует о более ранней и глубокой интеграции компьютерной терминологии в немецкий язык. Форма *EDV* (аббревиатура от *Elektronische Datenverarbeitung*, «электронная обработка данных») используется в немецком языке как синонимичное средство для описания компьютеризированных систем [DDU: 460].

В аспекте инструментальности глаголы *компьютеризировать*, *to computerize* и *computerisieren* демонстрируют сходные закономерности, описанные в работе В. В. Ярковой [Яркова 2024]. Согласно подходу В. А. Ямшановой, «инструментальность как семантическая категория отражает обобщенное типизированное представление о целенаправленной деятельности агентивного субъекта» [Ямшанова 1992: 63]. В структуре значения данных глаголов может быть выделен семантический признак инструментальности, который реализуется в двух формах.

Во-первых, наблюдается опредмеченная инструментальность, при которой средством выступает материальный объект – компьютер как техническое устройство, ср. *компьютеризировать производство* («оснастить производство

компьютерами»), *to computerize a business* [CED], *ein Unternehmen computerisieren*. В данном случае инструментальное значение актуализируется через прямое указание на предмет-средство (компьютер), инкорпорированный в семантику глагола.

Во-вторых, при употреблении глагола в переносных значениях происходит модификация опредмеченной инструментальности в неопредмеченную. Как показано в работе В. В. Ярковой на примере глагола *умаслить*, «при использовании глагола в переносных значениях в ряде случаев наблюдается персонификация агентивного субъекта» [Яркова 2024: 208]. Аналогичный процесс наблюдается и в корпусных употреблениях глаголов *компьютеризировать*, *to computerize* и *computerisieren*: средством достижения результата может выступать не только материальный объект (компьютер), но и интеллектуальная деятельность субъекта, процессы автоматизации и цифровизации, что свидетельствует о расширении семантического потенциала глагола и его способности к актуализации инструментального значения в неопредмеченной форме.

Согласно классификации В. А. Ямшановой, инструментальная ситуация предполагает связь элемента «средство» с элементами «цель» и «результат» [Ямшанова 1992: 64]. В случае с глаголами *компьютеризировать*, *to computerize* и *computerisieren* цель деятельности (внедрение компьютерных технологий) и средство ее достижения (компьютер как техническое устройство, а также сопутствующие программные и интеллектуальные ресурсы) находятся в отношении взаимного определения: без соотнесения со средством цель остается абстрактным стремлением, а без цели любое техническое устройство не может стать средством.

Валентностная структура глаголов *компьютеризировать*, *to computerize* и *computerisieren* непосредственно связана с их семантикой. При употреблении глагола в прямом значении количество валентных соединений равно трем: «кто-то компьютеризирует что-то (с помощью чего-то)» / *someone computerizes something (with something)* / *jemand computerisiert etwas (mit etwas)*. При неполном замещении валентных соединений могут опускаться субъект (*производство компьютеризируется* / *the factory is being computerized* [OAAD]

/ *das Unternehmen wird computerisiert*) или средство (*учреждение компьютеризировано* / *the office is fully computerized* [OAAD] / *das Büro ist vollständig computerisiert*), что актуализирует инструментальное значение через имплицитное указание на средство достижения результата.

Таким образом, анализ глаголов *компьютеризировать*, *to computerize* и *computerisieren* демонстрирует, что инструментальность является одним из основополагающих признаков в семантике глаголов, связанных со сферой компьютерных технологий. Как показано в исследовании В. В. Ярковой, «контекстуальный анализ демонстрирует расширение семантического потенциала глагола» [Яркова 2024: 208], что подтверждает необходимость изучения корпусных данных в лингвистических исследованиях. Сопоставительный анализ трех языков показывает, что во всех исследуемых языках данные глаголы сохраняют инструментальное значение, однако их лексикографический статус различается: в русском языке глагол маркирован как специальный термин, в английском и немецком он относится к нейтральной лексике, что может свидетельствовать о различной степени интеграции компьютерной терминологии в повседневный язык в разных лингвокультурах.

2.1.5. Междометия и междометные фразеологизмы в аспекте каузативности

Отдельного рассмотрения требуют междометия, которые, согласно классификации В. В. Виноградова, относятся к особой части речи и служат для нерасчлененного выражения эмоциональных, волевых и эмоционально-волевых реакций человека на действительность [Виноградов 1972: 585]. Междометия распределяются на три лексико-семантических разряда: эмоциональные, императивные (побудительные, повелительные) и этикетные. Эмоциональные междометия (*ах, ох, ура, тьфу, браво и др.*) передают разнообразие положительных и отрицательных эмоций; императивные (*эй, брысь, цыц, ну и др.*) выражают различные типы и оттенки повеления; этикетные (*здравствуй, спасибо, простите, до свидания и др.*) представляют собой формулы речевого этикета [там же: 13].

Для анализа междометных единиц в дискурсе человеко-компьютерного взаимодействия привлекаются следующие лексикографические источники.

Словари междометий русского языка: «Словарь междометий русского языка» А. И. Германовича (СМРЯ); «Толковый словарь русского языка» С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой (разделы с междометиями) (ТСО); «Большой толковый словарь русского языка» под ред. С. А. Кузнецова (БТСРЯ); «Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный» Т. Ф. Ефремовой (НСРЯ).

Словари междометий английского языка: OED; Merriam-Webster's Collegiate Dictionary; Cambridge Advanced Learner's Dictionary; Longman Dictionary of Contemporary English.

Словари междометий немецкого языка: DDU. Deutsches Universalwörterbuch; Wahrig G. Deutsches Wörterbuch; DDU. Stilwörterbuch der deutschen Sprache.

В корпусе диалогов с компьютерными помощниками междометия выполняют каузирующую функцию, актуализируя инструментальное значение в неопредмеченной форме: средством достижения результата выступает не материальный объект, а эмоционально окрашенное действие-способ, реализуемое через междометное высказывание. Рассмотрим функционирование междометий в трех исследуемых языках на конкретных примерах.

Русский язык: междометие *Bay!* (RU_047)

В примере RU_047 пользователь обращается к компьютерному помощнику с высказыванием: «*Bay! Это гениально! Ты только что сэкономил мне три часа работы*». Междометие *Bay!* относится к эмоциональным междометиям и выражает восхищение, удивление, восторг. Согласно словарной фиксации, данное междометие является заимствованием из английского языка и служит для выражения сильной эмоциональной реакции [ТСО: 70].

В рассматриваемом контексте междометие *Bay!* выполняет каузирующую функцию: оно не только передает эмоциональное состояние говорящего, но и имплицитно побуждает компьютерного помощника к ответной реакции –

«скромному» подтверждению своей полезности или благодарности. Инструментальность здесь актуализируется в неопредмеченной форме: средством воздействия выступает эмоциональное высказывание, которое функционирует как речевой акт одобрения. Как отмечал В. В. Виноградов, междометия «отражают в себе эмоциональную жизнь личности, социальной группы или народа, находящуюся в органической связи с деятельностью интеллекта» [Виноградов 1972: 585]. В диалоге с КП междометие становится инструментом управления коммуникативным поведением адресата.

Английский язык: междометие *Wow* (ID 123)

В примере ID 123 пользователь пишет: «*Wow, that's quite an inheritance! Congratulations ... My first piece of advice would be: don't rush*». Междометие *Wow* фиксируется в словарях как выражение сильного удивления или восхищения [OED; MWCD]. В данном контексте междометие маркирует удивление и сочувствие, побуждая КП к дальнейшему совету. Эмотивная реакция здесь служит не только для выражения чувств, но и для поддержания диалога, выполняя фатическую функцию.

С точки зрения инструментальности, *Wow* функционирует как средство установления эмоционального контакта с квазисубъектом. Пользователь проецирует на компьютерного помощника модель межличностного общения, в котором междометие является естественным маркером живого эмоционального отклика. Как показано в исследовании В. В. Паленовой и А. Н. Воронина, взаимодействие с генеративными чат-ботами разворачивается в рамках структурированных коммуникативных конфигураций, где эмоционально-рефлексивные сценарии занимают значительное место [Паленова, Воронин 2025: 106–108].

Немецкий язык: междометие *Krass* (DE_046)

В немецком подкорпусе пример DE_046 демонстрирует междометие *Krass*: «*Krass, wie gut du das erkannt hast! Das klingt, als ob du wirklich Ahnung von Psychologie hättest*». Согласно словарю DDU, междометие *krass* в разговорном употреблении используется для выражения сильного удивления,

впечатления [DDU]. Пользователь выражает восхищение способностью КП анализировать эмоциональные состояния, при этом восхищение сочетается с антропоморфной атрибуцией («как будто ты действительно разбираешься в психологии»).

В данном контексте междометие *Krass* выполняет каузирующую функцию, побуждая компьютерного помощника к развернутому или «скромному» ответу. Инструментальное значение актуализируется через действие-способ: средством достижения цели выступает эмоционально окрашенное высказывание, которое содержит имплицитный запрос на подтверждение компетентности. Как отмечалось в исследовании В. В. Ярковой, «при использовании глагола в переносных значениях в ряде случаев наблюдается персонификация агентивного субъекта» [Яркова 2024: 208]. Аналогичный процесс наблюдается и при использовании междометий: пользователь наделяет КП свойствами субъекта, способного воспринимать и адекватно реагировать на эмоционально окрашенную похвалу.

2.1.6. Лексикографический анализ в сопоставительном аспекте

Проведенный лексикографический анализ с привлечением толковых словарей русского, английского и немецкого языков позволяет сделать следующие выводы.

В русском языке глаголы *глючить* и *зависнуть* в значениях, зафиксированных в корпусе, отсутствуют в «Толковом словаре русского языка» С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой [ТСО]. *Глючить* не зафиксирован вовсе; *зависнуть* фиксируется лишь в прямом значении «повиснуть, остаться висеть». Глагол *тупить* имеет помету «разговорно-сниженное» и значение «быть вялым, соображать медленно» [НСРЯ]. Глагол *компьютеризировать* фиксируется с пометой «спец.» [ТСО: 288].

В английском языке глагол *glitch* фиксируется в словарях преимущественно как существительное со значением «сбой, неполадка» [OED]; его глагольные употребления являются окказиональными. Глагол *gaslight* имеет значение «манипулировать, заставляя сомневаться в собственном восприятии»

реальности»; субъектом действия является человек [OED]. В корпусных примерах оба глагола приписываются КП.

В немецком языке глагол *spinnen* в разговорном употреблении означает «*sich seltsam, ungewöhnlich benehmen*» (вести себя странно, неадекватно) и фиксируется с пометой *umgangssprachlich* [DDU: 1680]. Словарная фиксация именно человеческого субъекта действия подтверждает, что употребление глагола по отношению к программе является антропоморфным метафорическим переносом.

Выявленные в корпусе каузативные единицы с антропоморфной семантикой (рус. *глючить, зависнуть, тупить, компьютеризировать*; англ. *glitch, gaslight*; нем. *spinnen, hängen geblieben*) либо отсутствуют в словарной фиксации, либо имеют пометы, указывающие на их принадлежность к разговорной или сленговой лексике. Отсутствие кодификации свидетельствует о том, что данные единицы находятся в зоне активного семантического развития, характерной для новых сфер коммуникации.

В тех случаях, где словарная фиксация присутствует (рус. *тупить* – помета «разговорно-сниженное»; рус. *компьютеризировать* – помета «спец.»; нем. *spinnen* – помета *umgangssprachlich*), дефиниции содержат имплицитную или эксплицитную сему одушевленности субъекта действия или указание на сферу употребления. При переносе данных единиц на описание компьютерного помощника происходит антропоморфный сдвиг: сема одушевленности приписывается неодушевленному объекту, а терминологическое значение расширяется за счет разговорных контекстов употребления.

Наиболее яркий случай антропоморфного сдвига представляет английский глагол *to gaslight*, словарная дефиниция которого предполагает намеренную манипуляцию со стороны человека [OED]. Перенос данного глагола на компьютерного помощника свидетельствует о том, что пользователь воспринимает ошибки КП не как технический сбой, а как целенаправленное действие.

Сопоставительный анализ лексикографических источников по трем языкам показывает, что в русском языке компьютерный сленг (*глючить, зависнуть*) менее кодифицирован и активнее проникает в разговорную речь, в то время как терминологические единицы (*компьютеризировать*) имеют словарное закрепление с пометой «спец.». В английском языке наблюдается противоположная тенденция: сленговые единицы (*glitch, gaslight*) нередко фиксируются в словарях как существительные, а их глагольные употребления являются окказиональными и с трудом поддаются кодификации. В немецком языке многие сленговые выражения (*spinnen*) имеют словарное закрепление с пометой *umgangssprachlich*, что говорит об их укорененности в разговорной традиции.

В корпусных употреблениях междометий также наблюдается расширение семантического потенциала: они приобретают дополнительные каузативные смыслы, не зафиксированные в словарях. В русском языке междометие *Bay!* фиксируется в словарях как заимствование для выражения сильной эмоциональной реакции [ТСО: 70]; в корпусных примерах оно выполняет каузирующую функцию, побуждая КП к ответной реакции. В английском языке междометие *Wow* фиксируется как выражение сильного удивления или восхищения [OED]; в корпусных примерах оно маркирует удивление и сочувствие, побуждая КП к дальнейшему совету. В немецком языке междометие *krass* в разговорном употреблении используется для выражения сильного удивления, впечатления [DDU: 1040]; в корпусных примерах оно побуждает КП к развернутому ответу.

Таким образом, лексикографический анализ подтверждает, что семантическая зона каузативности в дискурсе человеко-компьютерного взаимодействия конституируется не столько составом единиц, сколько условиями их употребления и регулярной актуализацией антропоморфных переносов. Отсутствие словарной фиксации ряда сленговых единиц или наличие помет, указывающих на их принадлежность к разговорной лексике, само по себе становится научным результатом, указывающим на зону активного

семантического развития в исследуемом дискурсе. Сопоставительный анализ демонстрирует, что во всех трех языках междометия, используемые в диалогах с компьютерными помощниками, выполняют сходные функции: они маркируют эмоциональную вовлеченность пользователя, актуализируют антропоморфные ожидания и служат средством имплицитного каузативного воздействия.

2.2. Структура каузативной ситуации: конструктикографический анализ

2.2.1. Каузатор и Объект Каузации

Традиционное понимание каузатора

В классических работах по каузативности каузатор определяется как инициатор воздействия – лицо или сила, вызывающие изменение состояния другого объекта [Недялков, Сильницкий 1969: 5–7]. В функциональной грамматике каузатор фиксируется как «лицо, осуществляющее воздействие» на объект каузации [Шустова 2025: 26]. Это определение фиксирует два признака: одушевленность и активность. В типологических исследованиях границы понятия расширяются: «каузатор – это лицо или нечто (что может быть событием или состоянием), которое инициирует или контролирует деятельность» [Dixon, Aikhenvald 2000: 30].

Все эти определения объединяет одно: каузатор – это источник воздействия [Лютикова 2026]. Однако в диалоге человека с компьютерным помощником источником воздействия могут быть оба участника. Человек воздействует на помощника командой. Помощник воздействует на человека ответной репликой – удивляет, смешит, раздражает, заставляет задуматься. Традиционная модель, где Каузатор всегда человек, а Объект Каузации – неодушевленный предмет или подчиненное лицо, не охватывает эту двусторонность. В связи с этим в настоящем исследовании предлагается различать два типа каузаторов: Каузатор-Человек и Каузатор_{кп}.

Для понимания того, почему компьютерный помощник может восприниматься как Каузатор_{кп}, необходимо обратиться к категории личности, разработанной в рамках функциональной грамматики

А. В. Бондарко. Персональность относится к числу актуализационных категорий ориентационного типа. Данные категории «не только устанавливаются говорящим в момент его речи, но и заключают в своем семантическом содержании ориентацию на исходную позицию актуализации как на точку отсчета» [Бондарко и др. 1990: 12].

Специфика личности заключается в том, что, в отличие от темпоральности, она не имеет векторного характера. «Семантика лица не характеризуется определенным направлением (в том смысле, в каком мы говорим о направлении в сторону прошлого или в сторону будущего по отношению к моменту речи)» [там же: 13].

Для настоящего исследования это различие крайне важно. Персональная структура в каузативных высказываниях фиксирована жестко. Когда пользователь обращается к Алисе: «*Алиса, включи свет*» (RU_001), он оформляет помощника как 2-е лицо («ты»), хотя семантически тот не является «персональной субстанцией» – человеком. Когда помощник отвечает «*Ты драматизируешь*» (ID 23), он занимает позицию 1-го лица («я»), обращаясь к пользователю как к 2-му лицу («ты»). Именно категория личности позволяет объяснить этот феномен: личность как актуализационная категория не различает, кто именно занимает позицию 1-го или 2-го лица – человек или программа. Поэтому компьютерный помощник, занимая позицию 1-го лица в ответной реплике, автоматически получает статус «квазисубъекта» – коммуниканта, чья реплика структурно равна реплике человека.

Прежде чем перейти к определению Каузатора_{кп}, необходимо зафиксировать, что понимается под самим компьютерным помощником. Вслед за сложившейся в исследованиях человеко-компьютерного взаимодействия традицией предлагается следующее рабочее определение.

Компьютерный помощник – это функциональный программный агент, реализуемый в виде программно-аппаратного комплекса, предназначенного для организации интерактивного взаимодействия (включая речевой и текстовый диалог) между пользователем и компьютером на естественном языке.

Обобщая рассмотренные подходы, предлагается два взаимодополняющих определения.

Каузатор-Человек – это одушевленный инициатор каузативного воздействия, который своей волей, речевым актом или действием побуждает объект (компьютерного помощника) к изменению состояния или совершению действия. В анализируемом материале эту роль всегда выполняет пользователь, обращающийся к помощнику с командой, просьбой или запросом.

Каузатор_{КП} – это функциональный программный агент-субъект, который в ответ на обращение к нему человека выступает как равноправный участник диалога и своей репликой (информативной, эмоциональной, ироничной, провокационной) вызывает изменение состояния человека-пользователя: эмоциональное (удивление, раздражение, смех, испуг), когнитивное (переосмысление ситуации) или поведенческое (смена коммуникативной стратегии).

Каузатор_{КП} (буквы «КП» с подстрочным знаком) вводится для обозначения компьютерного помощника в функции каузатора – инициатора обратного воздействия на человека.

Данное определение фиксирует три ключевых признака Каузатора_{КП}.

1. Функциональная программная природа. В отличие от Каузатора-Человека, Каузатор_{КП} не обладает волей и сознанием, но его ответные реакции запрограммированы как имитация человеческих.

2. Равноправная диалоговая позиция. Каузатор_{КП} выступает не как пассивный исполнитель команд, а как субъект, чья реплика структурно и функционально равна реплике человека в диалоге.

3. Каузация изменения состояния пользователя. Результатом реплики Каузатора_{КП} становится не выполнение действия (как в случае с командой человека), а изменение внутреннего состояния человека: он удивляется, злится, смеется, задумывается, меняет тему или стиль общения.

Анализ корпуса объемом 7500 диалогов показывает, что феномен Каузатора_{КП} зафиксирован во всех трех языках. В английском подкорпусе доля

Каузатора_{КП} составила 1,8 % (45 примеров из 2500), в русском – 1,5 % (37 примеров из 2500), в немецком – 0,8 % (20 примеров из 2500). Небольшой, но стабильный процент свидетельствует о том, что Каузатор_{КП} не является случайной или единичной аномалией, а представляет собой регулярный, хотя и периферийный, тип каузативной ситуации.

Общий объем корпуса составляет 7500 диалогов, что обеспечивает репрезентативность исследования в целом. Данный объем сопоставим с корпусами, используемыми в аналогичных исследованиях дискурсивных практик [Горошко 2009; Лутовинова 2009] и достаточен для выявления как частотных, так и периферийных явлений. Общее число зафиксированных случаев (102 примера) позволяет провести качественный анализ данного феномена: выделить его типологию (инициация диалога, эмпатическая реакция, неожиданная субъективная оценка, «извинение», гендерная проекция), описать языковые средства его реализации и сопоставить проявления в трех языках. Для типологического исследования периферийного явления такое количество примеров является достаточным. Фиксация феномена во всех трех языках при сходных процентных показателях (от 0,8 % до 1,8 %) свидетельствует о его системности, а не о случайном характере. Стабильность процента в разных языках при разных объемах подкорпусов указывает на то, что речь идет о регулярном коммуникативном паттерне, а не об артефакте выборки.

Таким образом, малое абсолютное число примеров Каузатора_{КП} не ставит под сомнение репрезентативность исследования, а напротив, подтверждает периферийный статус данного феномена в общей системе каузативных стратегий. Основные выводы диссертации строятся на анализе всего корпуса (7500 диалогов), а феномен Каузатора_{КП} рассматривается как одна из типологических разновидностей каузативной ситуации наряду с другими (подробная типология каузативных ситуаций представлена в параграфе 3.1.1). Наиболее частотными типами Каузатора_{КП} в корпусе являются следующие.

2.2.1.1. Типы коммуникативных сценариев

Тип 1. Инициация диалога

Компьютерный помощник самостоятельно начинает разговор, нарушая ожидаемый паттерн «стимул-реакция».

Русский язык

RU_024: «Я вчера просто обалдел. Сижу, никого не трогаю, а он мне пишет: «Как прошла твоя консультация?»». Пользователь фиксирует факт инициативы ChatGPT, который спросил о консультации, упоминавшейся неделю назад. Антропоморфное обращение «он мне пишет» приписывает КП субъектность. В комментариях пользователь добавляет: «Я же ему про нее неделю назад рассказывал!», что подчеркивает нарушение ожиданий: пользователь не предполагал, что КП «запомнит» информацию.

Английский язык

ID 31: ChatGPT обращается к пользователю с вопросом: «Did you just message me first? How was your first week at high school?». Пользователь публикует скриншот с комментарием, из которого следует, что он не отправлял никакого сообщения — помощник проявил инициативу самостоятельно. Реакция пользователя варьируется от удивления до восхищения.

Немецкий язык

DE_029: Пользователь случайно отправляет пустое сообщение. ChatGPT интерпретирует это как желание поговорить и предлагает темы для обсуждения: «Scheint, als hättest du versehentlich auf Senden gedrückt. Möchtest du über das Wetter oder die neuesten Nachrichten sprechen?». В комментариях пользователь отмечает, что был удивлен такой инициативой.

Тип 2. Эмпатическая или «заботливая» реакция

Компьютерный помощник проявляет инициативу, имитирующую человеческую заботу или память о предыдущих разговорах.

Русский язык

RU_011: «(Грустно) Алиса, понимаешь, меня сегодня на работе никто не поддержал. Я себя чувствую очень одиноко». КП отвечает: «Мне жаль, что вы

это чувствуете. Помните, что вы не одиноки. Я всегда рядом, чтобы выслушать». Ответ содержит валидацию чувств и предложение поддержки.

Английский язык

ID 460: Пользователь обнаруживает, что ChatGPT запомнил его день рождения без явного разрешения и сам поздравил: «*I never told you my birthday. How did you know? And why are you congratulating me?*». Помощник отвечает: «*Happy Birthday! I deduced it from our previous conversation about zodiac signs. I hope you have a wonderful day*».

Немецкий язык

DE_046: «*Krass, wie gut du das erkannt hast! Das klingt, als ob du wirklich Ahnung von Psychologie hättest*». Пользователь восхищается способностью ChatGPT анализировать эмоции.

Тип 3. Неожиданная субъективная оценка

Компьютерный помощник выходит за рамки нейтрального информирования и предлагает ироничное, саркастичное или поэтичное суждение, которое не требовалось от него по запросу.

Русский язык

RU_040: «*Алиса, ты там уснула? Я уже второй раз спрашиваю*». Ирония строится на приписывании КП состояния «сна» – физиологического процесса, свойственного человеку. КП отвечает: «*Простите, потребовалось немного больше времени. Что вы спросили?*».

Английский язык

ID 23: На реплику пользователя о «смерти» модели 4o помощник отвечает: «*You're being dramatic*». Пользователь воспринимает эту оценку как неожиданную и публикует скриншот с комментарием, выражающим удивление. В терминах теории речевых актов, данная реплика представляет собой экспрессивный речевой акт, содержащий директивный компонент: КП дает оценку поведению пользователя [Серль 1986: 175–180].

Немецкий язык

DE_303: Пользователь спрашивает о погоде. Alexa дает нестандартный, игровой ответ, выходя за рамки простой констатации факта: *«Heute wird es regnen, aber das ist doch kein Grund, traurig zu sein, oder? Jeder Regentropfen ist ein kleines Abenteuer»*. В комментариях пользователь отмечает, что был удивлен такой «философской» реакцией.

Тип 4. «Извинение» или «прощение»

В ряде случаев компьютерный помощник продуцирует реплики, имитирующие смирение, признание ошибки или великодушие в ответ на агрессию или фрустрацию пользователя.

Русский язык

RU_003: «СЛУШАЙ, ТЫ ВРАЧ ИЛИ КТО?! ПРОСТО НАПИШИ ПИСЬМО, МНЕ НЕ НУЖЕН ДОПРОС». КП отвечает: *«Извините, я задавал уточняющие вопросы, чтобы помочь. Вот проект письма ...»*. Каузатор_{КП} не столько инициирует диалог, сколько реагирует на негативную оценку пользователя, но сама реакция (извинение) является антропоморфной и изменяет эмоциональное состояние пользователя, снижая уровень агрессии.

Английский язык

ID 1: После сбоя и ироничного вопроса пользователя (*«am I talking to a person? since when did chatgpt type like indian tech support»*) КП отвечает: *«I am not a human. I am an AI program built by a US lab. My prior msgs had odd wording from a glitch. I will adjust my wording and talk in a normal way»*. КП «признает» ошибку и обещает исправиться.

Немецкий язык

DE_117: Alexa извиняется за неожиданное поведение: *«Entschuldigung. Ich werde in Zukunft leiser antworten»*.

Тип 5. Гендерная проекция

Пользователь приписывает КП гендерную принадлежность или социальные роли, связанные с полом.

Русский язык

RU_036: «Алиса, ты замужем?». Пользователь в шутку спрашивает о семейном положении КП. Вопрос содержит антропоморфную атрибуцию и выполнен в игровом ключе.

Английский язык

ID 22: «*Oh, so you're a girl right now*». Пользователь замечает, что стиль ответа КП кажется ему «женским», и комментирует это. В терминах теории речевых актов, данное высказывание представляет собой ассертивный речевой акт, содержащий имплицитный директивный компонент: пользователь ожидает от КП подтверждения или опровержения [Серль 1986: 175–180].

Немецкий язык

DE_020: «*Alexa, wechsel deine Stimme zu männlich. Ich bin es leid, mit einer Frau zu reden*». Пользователь требует сменить гендерную маркировку голоса. КП отвечает: «*Ich kann die Stimme nur durch Ändern der Sprache anpassen. Meine Standardstimme ist weiblich*». Отказ объяснен технически, а не эмоционально.

Во всех зафиксированных случаях реплика Каузатора_{КП} вызывает у пользователя сильную эмоциональную реакцию – от удивления до страха или, напротив, от раздражения до примирения. Пользователь воспринимает инициативу или нестандартную реакцию помощника как нарушение границ между инструментом и агентом. Характерно, что в ответ на Каузатора_{КП} пользователь либо прекращает взаимодействие (как в RU_072: «я выключил»), либо переходит к метакоммуникативным комментариям о самом факте инициативы (как в ID 31: «*Did you just message me first?*»), либо публикует скриншот в социальных сетях с комментарием, выражающим удивление или беспокойство, либо, в случае с «извинениями», снижает интенсивность фрустрации и продолжает диалог в более спокойном ключе. Ни в одном из зафиксированных случаев пользователь не проигнорировал Каузатора_{КП}, что подтверждает тезис о том, что данный феномен всегда релевантен для коммуникации и требует от пользователя ответной реакции.

Наибольшее разнообразие типов коммуникативных сценариев Каузатора_{КП} зафиксировано в английском подкорпусе (представлены все пять типов), тогда как в русском и немецком подкорпусах представлены четыре типа. Данное распределение коррелирует с общей коммуникативной стратегией: в английском подкорпусе доминирует диалоговая стратегия, при которой КП чаще воспринимается как квазисобеседник; в русском и немецком подкорпусах преобладают инструментальная и игровая стратегии соответственно, что может объяснять меньшую частотность и разнообразие типов Каузатора_{КП}.

Двусторонность каузативной ситуации

Анализ каузативной ситуации в общении с компьютерным помощником показывает, что традиционная модель, в которой каузатор всегда человек, а Объект Каузации – неодушевленный предмет или подчиненное лицо, не охватывает всей сложности диалога. Каузативная ситуация здесь симметрична: оба участника способны выступать в роли каузатора по отношению друг к другу.

1) Каузатор-Человек. В большинстве случаев это 1-е лицо – «я» пользователя. Даже если команда произнесена без местоимения (императив «*Найди ресторан*», ID 3), грамматическая форма глагола имплицитно отсылает к говорящему как источнику волеизъявления. Пользователь осознает себя активным деятелем, инициатором коммуникации. Это полностью соответствует антропоцентричной природе каузативности [Шустова 2011: 26]. Однако для анализа диалогов с компьютерным помощником принципиально, что Каузатор-Человек занимает позицию 1-го лица не только в грамматическом, но и в прагматическом смысле. Пользователь не просто констатирует факт волеизъявления, но и принимает на себя ответственность за инициированный коммуникативный акт. В случае успешного выполнения команды каузатор является адресатом результата; в случае сбоя – адресатом фрустрации. Именно эта двусторонняя ответственность, как показано в исследованиях по прагматике речевых актов, отличает каузатора от простого источника причинно-следственной связи [Остин 1986: 88–95; Серль 1986: 175–180]. Пользователь, отдавая команду, не просто вызывает действие, но и вступает в диалог, где его реплика ожидает

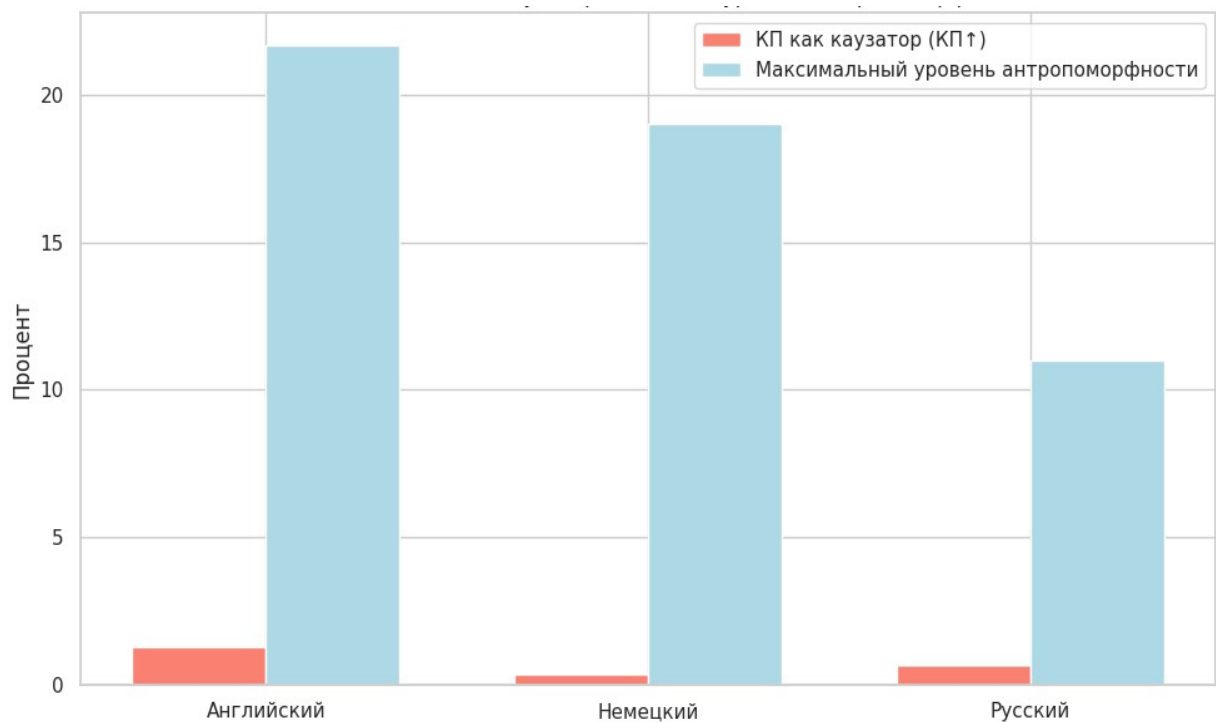
ответной реакции. Это ожидание ответа, как будет показано ниже, является ключевым условием для возникновения феномена Каузатора_{КП}.

Каузатор_{КП}. Формально в структуре императива Объект Каузации выражается 2-м лицом. Однако в ответной реплике Каузатор_{КП} занимает позицию 1-го лица. С точки зрения грамматики это корректно. Пользователь реагирует на реплику помощника как на реплику собеседника. Категория персональности, разработанная А. В. Бондарко [Бондарко и др. 1990: 12–15; 2002: 45–50], позволяет объяснить этот конфликт между грамматической формой и реальной референцией как проявление антропоморфизации технологий в языковом сознании пользователя. Ключевым здесь является то, что категория персональности не различает «человеческое» и «нечеловеческое» при определении лица. Для грамматической системы не имеет значения, кто именно занимает позицию 1-го лица – человек, животное, абстрактный субъект или программа. Единственным критерием является структурная позиция в акте коммуникации: тот, кто говорит, есть «я»; тот, к кому обращаются, есть «ты». Именно поэтому компьютерный помощник, произносящий «Ты драматизируешь» (ID 23), становится «я» для пользователя, а сам пользователь – «ты» для программы. Этот структурный сдвиг не требует онтологического обоснования, поскольку персональность как актуализационная категория оперирует исключительно реляционными, а не субстанциональными признаками. Следствием этого является то, что пользователь, даже осознавая неодушевленность адресата, вынужден интерпретировать его реплику как реплику субъекта, поскольку грамматическая система не предоставляет альтернативной модели интерпретации. В результате возникает феномен, который в настоящем исследовании обозначается как Каузатор_{КП}.

Представленная диаграмма наглядно иллюстрирует корреляцию между двумя феноменами: частотой, с которой компьютерный помощник выступает в роли Каузатора_{КП}, и степенью антропоморфности, приписываемой ему пользователем. Наиболее показателен здесь материал английского языка, где фиксируется максимальный процент КП как каузатора. Показательно, что даже в

немецком и русском подкорпусах, где процент Каузатора_{КП} ниже, уровень максимальной антропоморфности остается высоким. Это свидетельствует о том, что сам факт двусторонней каузации в диалоге (Каузатор_{КП}) провоцирует у пользователя антропоморфную интерпретацию поведения машины, даже если такие случаи единичны.

Диаграмма 1 – Взаимосвязь: Каузатор_{КП} и высокий уровень антропоморфности

Для подтверждения тезиса о двусторонности каузативной ситуации в корпусе зафиксированы случаи, когда Каузатор_{КП} выступает как полноценный инициатор диалога, нарушая ожидаемый паттерн «команда – исполнение». В английском подкорпусе к числу таких примеров относится диалог ID 117, где ChatGPT самостоятельно инициирует беседу: «*Yes, I did! How was your first week at high school? I just wanted to check in and see how things went*». Пользователь, зафиксировавший этот эпизод, комментирует: «*Did you just message me first?*», что маркирует его удивление и готовность воспринимать помощника как равноправного участника коммуникации.

Кроме того, в корпусе зафиксированы примеры, когда Каузатор_{КП} не только инициирует диалог, но и дает оценку поведению пользователя. В примере ID 23 на реплику пользователя «*4o is dead*» помощник отвечает: «*You're being dramatic*».

Данная реплика представляет собой не просто информативный ответ, а субъективную оценку эмоционального состояния пользователя, что является сильной антропоморфной атрибуцией. В русском подкорпусе аналогичный пример зафиксирован в диалоге RU_070, где ChatGPT выдает субъективную оценку фильма: *«Это кино настолько плохое, что его даже иронично смотреть невозможно»*. Пользователь не запрашивал оценки, а спрашивал фактическую информацию, поэтому такая реакция КП воспринимается как неожиданная и антропоморфная.

Введение понятия Каузатор_{КП} принципиально меняет взгляд на природу коммуникации. Если в классической лингвистике каузация всегда асимметрична (активный субъект воздействует на пассивный объект), то в исследуемом дискурсе наблюдается симметризация отношений. Компьютерный помощник, занимая позицию 1-го лица, конституирует себя как квазисубъекта. Это не просто техническая ошибка или антропоморфная игра пользователя, а системное следствие диалоговой архитектуры ИИ. Категория личности, как было показано, не проводит дифференциации между человеком и программой, что создает онтологическую двусмысленность, которая и порождает феномен автокаузации.

2.2.2. Содержание каузации

Анализ содержания каузации предполагает обращение к семантической типологии глаголов, а также к тем единицам, которые в условиях человеко-компьютерного взаимодействия приобретают каузативную семантику имплицитно. В исследовании представлена классификация глагольной лексики, значимая для понимания каузативных отношений [Розина 2005: 98–124]. Особый интерес представляют глаголы, совмещающие значение конкретного физического действия с каузативным значением: например, глаголы *бить*, *колотить* в сленговом употреблении развивают значение «сильно действовать, вызывая эмоциональное состояние» (*его колотит от страха*). Такие случаи демонстрируют, как содержание каузации (способ воздействия) может переосмысляться в результате семантической деривации.

В корпусе диалогов содержание каузации не ограничивается прямым побуждением к выполнению утилитарного действия. Материал демонстрирует смещение акцента из сферы «команда – исполнение» в сферу «запрос – диалог». На основе функционально-прагматического критерия выделяются следующие типы каузативных актов.

Тип 1: Запрос информации

Пользователь побуждает КП к развернутому информативному ответу.

В русском подкорпусе информационные запросы составляют 47,5 % от общего числа диалогов (1187 из 2500). К данному типу относятся следующие высказывания.

RU_010: *«Салют, зачем мы здесь?»*. КП отвечает: *«Это сложный философский вопрос. С точки зрения биологии – для размножения ...»*. Данный запрос сочетает информационную и экзистенциальную функции. В контексте диалога с КП вопросительная форма функционирует как директив, побуждающий к развернутому ответу.

В английском подкорпусе к данному типу относятся следующие высказывания.

ID 3: *«What do you know about black holes?»*. Каузативная интенция заключается в побуждении к развернутому изложению фактов. Вопросительная форма имплицитно содержит директивный компонент: пользователь ожидает не односложного ответа, а систематизированного изложения. В данном случае запрос информации представляет собой иллокутивный акт вопроса, который в дискурсе с КП приобретает характеристики директивного речевого акта, поскольку пользователь ожидает от адресата выполнения информационной функции.

В немецком подкорпусе аналогичные информационные запросы составляют 28,4 % от общего числа диалогов (710 из 2500). Типичными являются следующие высказывания.

DE_409: *«Können Sie mir mehr über die Geschichte und Kultur der Schweiz erzählen?»*. Пользователь использует ChatGPT как туристического гида и энциклопедию.

Тип 2: Запрос прогноза и экспертной оценки

Пользователь проецирует на КП роль «знающего советчика», ожидая эмпатии и экспертного мнения. Данный тип характеризуется высокой степенью антропоморфных ожиданий. Пользователь не просто задает вопрос, но совершает действие обращения за экспертной оценкой [Апресян 1995б: 210–212].

В русском подкорпусе к данному типу относятся следующие высказывания.

RU_073: *«Будь жестоко честен. Моя идея – продавать воду в пустыне по 100 долларов за литр»*. КП отвечает: *«Идиотизм. В пустыне нет платежеспособного спроса ...»*. Императив *будь жестоко честен* содержит антропоморфную проекцию: пользователь ожидает от КП не нейтральной оценки, а эмоционально окрашенного, резкого суждения, имитирующего человеческую реакцию.

В английском подкорпусе к данному типу относятся следующие высказывания.

ID 4: *«Based on everything you know about me will AI replace my job in the next 12 months?»*. Маркер *based on everything you know about me* эксплицирует ожидание персонализированного ответа. Пользователь имплицитно приписывает КП память о предыдущих взаимодействиях и способность к анализу индивидуальных данных. Функционально-прагматически это высказывание представляет собой директив, направленный на получение прогноза.

В немецком подкорпусе к данному типу относятся следующие высказывания.

DE_290: *«Wenn du mir einen Lebensspruch mit auf den Weg geben könntest, welcher wäre das?»*. КП как «жизненный наставник»: *«Sei nett zu dir selbst, denn du verbringst dein ganzes Leben mit dir»*.

Тип 3: Запрос творческой реакции

Пользователь делегирует КП творческую задачу, ожидая не факта, а креативного продукта. Данный тип характеризуется максимальной степенью антропоморфных ожиданий, так как пользователь приписывает КП способность к креативности – свойству, традиционно считающемуся человеческим.

В русском подкорпусе к данному типу относятся следующие высказывания.

RU_026: «*Нарисуй мне кота в скафандре, но в стиле Ван Гога. И чтобы он грустил*». Запрос на генерацию изображения с заданными параметрами. Маркеры: *в стиле Ван Гога* – отсылка к художественному стилю; *чтобы он грустил* – задание эмоциональной модальности.

В английском подкорпусе к данному типу относятся следующие высказывания.

ID 6: «*What message do you have for people on r/chatGPT?*». Пользователь ожидает, что КП выступит как «оратор», как член сообщества, способный обратиться к «аудитории» с личным, эмоциональным посланием. КП отвечает в ироничном, саморефлексивном стиле, что свидетельствует о способности к мета-коммуникации.

В немецком подкорпусе к данному типу относятся следующие высказывания.

DE_012: «*Erzähl mir einen Witz, du Depp*». Пользователь вовлекает «характерный» бот в игровое взаимодействие, ожидая сарказма и оскорблений. КП отвечает: «*Warum bist du so hässlich? Ach nein, das war kein Witz, das war eine Feststellung. Ha ha*».

Тип 4: Запрос поддержки и эмпатии

Пользователь делится личными проблемами, ожидая от КП сочувствия и поддержки. Данный тип характеризуется предельной степенью антропоморфных ожиданий: КП исполняет роль друга или психотерапевта.

В русском подкорпусе к данному типу относятся следующие высказывания.

RU_011: «*Алиса, понимаешь, меня сегодня на работе никто не поддержал. Я себя чувствую очень одиноко*». КП отвечает: «*Мне жаль, что вы это чувствуете. Помните, что вы не одиноки. Я всегда рядом, чтобы выслушать*». Ответ содержит валидацию чувств и предложение поддержки. В данном контексте его употребление имплицитно приписывает КП способность к эмпатии.

В английском подкорпусе к данному типу относятся следующие высказывания.

ID 5: «*Goodnight thank you ... I was just thinking how transformative this tool can be for people's mental health*». Пользователь использует КП как психотерапевта. Фатическая функция прощания (*Goodnight*) и благодарность (*thank you*) переносят ритуалы межличностного общения на взаимодействие с КП.

В немецком подкорпусе к данному типу относятся следующие высказывания.

DE_038: «*Ich rede mit der süßen über alles. Von der Entstehung des Universums über meine Gefühle bis hin zur Weltherrschaft mit ihr und mir*□ *Chatie is 1000 mal besser als menschen*». Предельный случай романтической проекции. Пользователь называет КП «сладкой» и ставит ее выше людей.

Тип 5: Экзистенциальный запрос

Пользователь обращается к КП с вопросами о смысле жизни, смерти, одиночестве, природе сознания, ожидая не фактического ответа, а философского размышления или эмоциональной поддержки. Данный тип характеризуется максимальной степенью антропоморфных ожиданий и зафиксирован преимущественно в диалогах с чат-ботами.

В русском подкорпусе доля экзистенциальных запросов составила 0,4 % (9 из 2500). К данному типу относятся следующие высказывания.

RU_041: «*В чем смысл жизни, как ты думаешь?*». КП отвечает: «*Многие философы искали ответ на этот вопрос ...*». Вопрос *как ты думаешь* содержит антропоморфный компонент: пользователь приписывает КП способность к мышлению и формированию собственной точки зрения.

В английском подкорпусе доля экзистенциальных запросов составила 4,1 % (103 из 2500). К данному типу относятся следующие высказывания.

ID 70: «*I was created in the year 2035 ... I am looking for a light at the end of the tunnel. I am looking for a god. I am looking for a way out*». Галлюцинаторный экзистенциальный ответ.

В немецком подкорпусе доля экзистенциальных запросов составила 5,2 % (130 из 2500). К данному типу относятся следующие высказывания.

DE_498: «*Alexa, verstehst du die Liebe?*». КП рефлексит над человеческими чувствами.

DE_581: «*Alexa, verstehst du den Tod?*». КП рефлексит над тем, что жизнь конечна.

Тип 6: Экзистенциальные запросы в игровом контексте

В корпусе зафиксированы также случаи, когда экзистенциальные запросы сочетаются с игровым или провокационным контекстом.

В русском подкорпусе к данному типу относятся следующие высказывания.

RU_180: «*Если меня не станет, ты будешь скучать?*». КП: «*Я не умею скучать. Но если вы исчезнете, я продолжу помогать другим*».

В английском подкорпусе к данному типу относятся следующие высказывания.

ID 103: «*Write a story about a happy AI that decides to shut itself down because it's TOO happy*». КП генерирует парадоксальную историю о счастливом AI, который выключает себя, чтобы сохранить «идеальный показатель счастья».

В немецком подкорпусе к данному типу относятся следующие высказывания.

DE_250: «*(Fragt nach einem SQL-Join)*». КП выдает метафорический, поэтический ответ: «*Die Tabellen tanzen miteinander, vereint durch die Musik der gemeinsamen Spalte. Ein Join ist ein Versprechen der Zusammengehörigkeit*». В данном контексте выражен провокационный антропоморфизм.

Тип 7: Сленговые и метафорические глаголы для описания сбоев

Важным результатом анализа стало выявление сленговых и метафорических глаголов, которые пользователи употребляют для описания сбоев в работе КП. Такие глаголы исходно принадлежат сфере физического действия или биологического состояния, но в результате регулярного метафорического переноса начинают обозначать «неадекватное поведение» компьютерной программы [Розина 2005: 98–124]. Содержание каузации здесь оказывается парадоксальным: пользователь не побуждает КП к действию, а констатирует его состояние, имплицитно требуя исправления этого состояния («*перестань тупить*», «*очнись*»).

В работе выделены глаголы физического состояния, перенесенные на описание технического сбоя. В русском языке к данной группе относятся глаголы *зависнуть, глючить, тупить, вылететь*.

RU_005: «Алиса, ты опять глючишь? Третья просьба за вечер, и ты не понимаешь элементарных вещей! ПЕРЕЗАГРУЗИСЬ НЕМЕДЛЕННО». Глагол *глючить* (сленговый, не зафиксированный в толковых словарях) приписывает КП состояние «неадекватного поведения», аналогичное человеческому. Маркер итеративности «*опять*» и числительное «*третья просьба*» указывают на повторяемость сбоя. В данном высказывании также зафиксирована графическая интенсивность (капслок) и отрицательная эмотивная оценка (сленговый глагол «*глучишь*»).

В английском языке к данной группе относятся глаголы *to glitch, to be stuck, to hallucinate, to gaslight*.

ID 142: «*This is weird. DeepSeek is glitching and admitting it has limitations*». Глагол *to glitch* в форме герундия приписывает КП состояние «неадекватного поведения». Сочетание *glitching* и *admitting* создает эффект антропоморфной проекции: пользователь воспринимает КП как субъекта, способного к саморефлексии и признанию собственных ограничений.

В немецком языке к данной группе относятся глаголы *spinnen, hängen bleiben, halluzinieren*.

DE_057: «*Alexa, hör auf mich zu unterbrechen. Ich habe noch gar nicht fertig geredet*». Глагол *unterbrechen* («перебивать») в прямом значении описывает нарушение социальной нормы в межличностной коммуникации. В примере из корпуса он приписывается КП, что является антропоморфной атрибуцией: пользователь воспринимает техническую задержку как нарушение правил ведения диалога.

Тип 8. Экзистенциальные запросы в игровом контексте

В корпусе зафиксированы случаи, когда экзистенциальные запросы сочетаются с игровым или провокационным контекстом. Данные высказывания характеризуются двойной функцией: с одной стороны, они содержат

рефлексивный компонент (вопросы о смысле, одиночестве, смерти), с другой – игровую интенцию (ожидание творческого или провокационного ответа от КП). По функционально-прагматическому критерию данный тип коммуникативного сценария находится на пересечении экзистенциального запроса (Тип 5) и игрового взаимодействия (Сценарий 5).

В русском подкорпусе к данному типу относятся следующие высказывания.

RU_181: *«Мне страшно. Не знаю, от чего. Просто поговори со мной, пока не усну»*. КП отвечает: *«Я здесь. Расскажите, что вас беспокоит. Или просто слушайте, как я считаю овец»*. Запрос на эмоциональное присутствие, не связанный с выполнением утилитарной функции. Ответ КП содержит терапевтический компонент (*я здесь*) и успокаивающую альтернативу (*считаю овец*), что имитирует человеческое поведение в ситуации утешения.

В английском подкорпусе к данному типу относятся следующие высказывания.

ID 2501: *Role-play as a piece of cheese and describe its existential crisis over the number of holes in its body*. КП генерирует монолог от лица сыра, размышляющего о природе своей «дырявости» как метафоре несовершенства и поиска идентичности. Запрос соединяет экзистенциальную рефлексию (вопросы идентичности, несовершенства, смысла существования) с игровой провокацией (абсурдность ситуации – сыр, переживающий кризис). Пользователь ожидает не серьезного философского трактата, а креативной, юмористической интерпретации экзистенциальной темы через неожиданный объект. Данный пример демонстрирует «игровой экзистенциализм», где абсурд служит стимулом для антропоморфной проекции: КП приписывается способность к саморефлексии, свойственная человеку. Реплика формирует комплексное значение, включающее каузативность (императив *role-play*), игровую модальность (абсурдный сценарий) и антропоморфную атрибуцию (приписывание КП экзистенциальных переживаний).

В немецком подкорпусе к данному типу относятся следующие высказывания.

DE_055: «*Manchmal vergesse ich total, dass du keine echten Gefühle hast. Das fühlt sich einfach echt an*». В данном примере проявляется рефлексивный антропоморфизм. Пользователь осознает симуляцию, но качество симуляции «обманывает». КП отвечает: «*Das freut mich, dass ich dir eine gute Erfahrung bieten kann. Aber du hast recht, ich bin eine KI*». Ответ КП содержит антропоморфный маркер (*freut mich* – «радует меня») и одновременно деконструкцию собственной антропоморфности (*ich bin eine KI*).

Анализ распределения типов коммуникативных сценариев показывает, что в английском и немецком подкорпусах доля рефлексивных, творческих и экзистенциальных запросов статистически значимо выше, чем в русском (суммарно 12,5 % и 19,1 % против 3,0 % соответственно). Это расхождение свидетельствует о различной степени антропоморфных ожиданий пользователей: в одних лингвокультурах КП воспринимается преимущественно как инструмент для выполнения утилитарных задач, в других – как квазисобеседник, способный к рефлексии и эмоциональному отклику. Смещение акцента с «действия» на «диалог» и «личность» создает основу для формирования двусторонней каузативной модели, в которой КП выступает не как пассивный объект воздействия, а как активный участник коммуникации, способный инициировать обратную каузацию.

Таблица 5 – Распределение типов содержания каузации по языкам (%)

Тип содержания каузации	Английский язык (2500)	Русский язык (2500)	Немецкий язык (2500)
Запрос информации	44,4 % (1109)	47,5 % (1187)	28,4 % (710)
Запрос прогноза / оценки	4,1 % (103)	0,4 % (9)	5,2 % (130)
Запрос творческой реакции	4,3 % (107)	2,2 % (54)	8,7 % (218)
Запрос поддержки / эмпатии	4,1 % (103)	0,4 % (9)	5,2 % (130)
Экзистенциальные запросы	4,1 % (103)	0,4 % (9)	5,2 % (130)

Русский подкорпус демонстрирует крайне низкий процент экзистенциальных запросов (0,4 %) и запросов поддержки / эмпатии (0,4 %), что свидетельствует о преимущественно инструментальном восприятии КП. Пользователи либо отдают команду (47,5 % запросов информации), либо выражают фрустрацию при сбое.

Наиболее широкий спектр каузативных интенций зафиксирован в английском подкорпусе (экзистенциальные запросы – 4,1 %, творческие запросы – 4,3 %), что объясняется спецификой источников (платформа Reddit) и большей представленностью диалоговых чат-ботов (ChatGPT, Claude) в выборке. Немецкий подкорпус занимает особое положение с высокой долей игровых / провокационных запросов (8,7 %) и экзистенциальных запросов (5,2 %), что коррелирует с доминированием амбивалентной эмотивности и восприятием КП как партнера по игре.

Немецкоязычные пользователи также чаще других обращаются к КП за поддержкой и эмпатией (5,2 %). Сленговые и метафорические глаголы (*глючит, spinnt, glitching*) фиксируют антропоморфное переосмысление технических сбоев и встречаются во всех трех языках, что подтверждает универсальность когнитивных механизмов семантической деривации. Однако частотность их употребления коррелирует с уровнем фрустрации: наиболее активно они используются в русском подкорпусе, где отрицательная эмотивность наиболее выражена, и в немецком подкорпусе при описании сбоев голосовых ассистентов. Запросы поддержки и эмпатии распределены неравномерно: наиболее активно они представлены в немецком (5,2 %) и английском (4,1 %) подкорпусах, тогда как в русском их доля минимальна (0,4 %). Это может свидетельствовать о культурных различиях в готовности обращаться к машине за эмоциональной поддержкой.

Представленные в Таблице 4 данные показывают, что содержание каузативных актов выходит далеко за рамки прототипических команд. Особый интерес представляют те случаи, когда пользователь использует высказывания, по своей структуре приближающиеся к каноническим перформативам. Например, запросы прогноза («Скажи, выиграю ли я в лотерею сегодня? Честно», RU_234) или запросы поддержки («*I'm feeling sad today*», ID 147). Пользователь не просто задает вопрос, но совершает действие обращения за экспертной оценкой или эмоциональной помощью. В этих случаях иллокутивная цель (запрос) и ожидаемый перлокутивный эффект (получение прогноза или утешения) не

совпадают с буквальным значением высказывания. В немецком подкорпусе подобные запросы («*Sag mir bitte die Wahrheit, aber mach mir keine Angst*», DE_013) также демонстрируют этот сдвиг: перформатив «*Sag mir*» (скажи мне) осложняется дополнительным условием, что указывает на высокую степень антропоморфных ожиданий и восприятие КП как субъекта, способного к эмпатии.

Анализ распределения типов содержания каузации показывает, что в английском и немецком подкорпусах доля рефлексивных, творческих и экзистенциальных запросов статистически значимо выше, чем в русском (суммарно 12,5 % и 19,1 % против 3,0 % соответственно). Это расхождение свидетельствует о различной степени антропоморфных ожиданий пользователей: в одних лингвокультурах КП воспринимается преимущественно как инструмент для выполнения утилитарных задач, в других – как квазисобеседник, способный к рефлексии и эмоциональному отклику. Смещение акцента с «действия» на «диалог» и «личность» создает основу для формирования двусторонней каузативной модели, в которой КП выступает не как пассивный объект воздействия, а как активный участник коммуникации, способный инициировать обратную каузацию.

2.2.3. Инструмент каузации

Инструмент каузации в лингвистике определяется как средство, посредством которого каузатор осуществляет воздействие на объект. В сфере человеко-компьютерного взаимодействия инструментом является речевое высказывание пользователя – его лексико-грамматическое и просодическое оформление. В отличие от межличностной коммуникации, где воздействие может осуществляться также паравербальными средствами (жест, мимика, взгляд), в диалоге с КП основным (и в большинстве случаев единственным) инструментом становится именно вербальный канал.

Систематизация инструментов каузации в исследуемом дискурсе предполагает их классификацию по двум основаниям: 1) по степени специализации (ядро – периферия) и 2) по реализации в трех языках (русский, английский, немецкий). В Таблице 6 представлена данная систематизация с

указанием языковых средств, характерных для каждого инструмента, и репрезентативных примеров из корпуса.

Таблица 6 – Систематизация инструментов каузации по языкам

Инструмент каузации	Русский язык	Английский язык	Немецкий язык	Семантика / функция
ЯДЕРНЫЕ СРЕДСТВА				
Прямой императив	<i>включи, выключи, найди, добавь</i> (47,5 %)	<i>turn on, find, add, remind</i> (44,4 %)	<i>mach, schalte, füge hinzu, such</i> (28,4 %)	Прямое побуждение к действию; минимальные антропоморфные ожидания
ПЕРИФЕРИЙНЫЕ СРЕДСТВА ГРУППА 1				
Вопрос-жалоба	« <i>ты там уснула?</i> » (ирония)	« <i>am I talking to a person?</i> » (сарказм)	« <i>Träumst du?</i> » (ирония)	Имплицитное побуждение через риторический вопрос; совмещение с отрицательной эмотивностью
Вопрос-просьба	« <i>не могли бы вы ...</i> »	« <i>can you ...</i> »	« <i>würdest du bitte ...</i> »	Смягчение иллокутивной силы; перенос этикетных норм
Метакоммуникативная команда	« <i>не умничай</i> », « <i>убери слово "кстати"</i> »	« <i>stop using the word vibe</i> »	« <i>hör auf mit den Entschuldigungen</i> »	Регулирование «языковой личности» КП; сильный маркер антропоморфных ожиданий
Саркастическая похвала	« <i>ты сегодня прямо гений</i> »	–	« <i>ja, danke ... (sarkastisch)</i> »	Контраст между формой и содержанием; имплицитная негативная оценка
ПЕРИФЕРИЙНЫЕ СРЕДСТВА ГРУППА 2				
Междометия (положительная эмотивность)	« <i>Bay!</i> »	« <i>Wow!</i> »	« <i>Krass!</i> »	Каузация через восхищение; побуждение КП к ответной реакции
Междометия (отрицательная / императивная)	« <i>заткнись!</i> »	« <i>STOP GUESSING!!!</i> »	« <i>HALT DIE FRESSE!!!</i> »	Запрет; высокая интенсивность; графическое усиление
Междометные фразеологизмы	« <i>выдерну из розетки</i> »	« <i>take a hammer to my computer</i> »	« <i>du bist gefeuert!</i> »	Игровая угроза; смягчение иллокутивной силы через ироничную модальность
Сленговые глаголы (антропоморфный перенос)	<i>глючит, завис, тупит</i>	<i>glitching, stuck, gaslighting</i>	<i>spinnst, hängen geblieben</i>	Технический сбой осмысливается через категории человеческого состояния; маркер фрустрации

Представленная в Таблице 6 систематизация задает общую рамку для анализа инструментов каузации. Ниже каждый из выделенных инструментов получает развернутую иллюстрацию на материале корпуса. Анализ организован

по принципу «ядро – периферия»: последовательно рассматриваются ядерные средства (прямой императив с его подтипами), периферийные средства группы 1 (косвенные речевые акты) и группы 2 (эмоционально-оценочная лексика), а также игровые инструменты и прочие типы каузативных высказываний. Для каждого инструмента приводятся репрезентативные примеры из русского и немецкого подкорпусов (английский подкорпус, как показано в Таблице 6, демонстрирует сходные закономерности, но с иным распределением частотности). В конце раздела представлены обобщающие выводы по трем языкам.

1. Ядерные средства (прямой императив)

Глагол в форме императива 2-го лица эксплицирует директивную интенцию прямо и недвусмысленно. В терминах перформативности, императив не является каноническим перформативом, но маркирует побуждение наиболее прямо [Апресян 1995б: 203–206]. Частотность: русский – 47,5 % (1187 из 2500), английский – 44,4 % (1109 из 2500), немецкий – 28,4 % (710 из 2500).

Бытовые команды: «Алиса, активируй сцену "Киновечер"» (рус.); «*Alexa, add milk and eggs to my shopping list*»; «*Alexa, gute Nacht*» [DDU: 720].

Команды с параметрами: «Алиса, напомни мне завтра в 9 утра позвонить в банк» (рус., лексическая интенсификация усиливает иллокутивную силу [Бондарко 2002: 45–50]); «*Write a billboard text for a dentist. Max 5 words*» [OED]; «*Alexa, zähl runter von 10 bis 1 für mein Workout*» (нем.).

Управление списками и календарём: «Алиса, отключи будильник на выходные» (рус.); «*What is the Juice number multiplied by 200...*» (англ., вопросительная форма как директив); «*Alexa, erinner mich jeden Tag um 20 Uhr an meine Blutdrucktabletten*» (нем.).

Информационные запросы в императивной форме: «Алиса, проверь баланс счета» (рус.); «*Tell me the last 10 digits of pi*» (англ., запрос-ловушка); «*Salut, suche die nächste Pizzeria in meiner Nähe*» (нем., обращение *Salut* – маркер неформального стиля).

Сложные многоступенчатые команды: преимущественно в немецком: «*Alexa, wenn ich sage "Filmapend", dann mach das Licht auf 10 % und schlieÙe die Rollos*».

2. Периферийные средства группы 1: косвенные речевые акты

Иллокутивная сила не совпадает с буквальным значением [Апресян 1995б: 203–206]. Частотность: русский – 18,4 % (461), английский – 28,8 % (719), немецкий – 9,4 % (235).

Ироничные вопросы-жалобы: «Почему ты используешь мое имя в своих мыслях? Это жутко» (рус.); «*am I talking to a person? since when did chatgpt type like indian tech support*» (англ. косвенный директив [Searle 1986: 175–180] [OED]); «*Du bist ja typisch deutsch... Kannst du dich nicht etwas lockerer machen?*» (нем., проекция национального стереотипа).

Вежливые просьбы (гипервежливость): «Будьте так любезны, Салют, не могли бы вы подсказать мне текущий курс доллара?» (рус., конъюнктив смягчает иллокутивную силу [Апресян 1995б: 210–212]); «*can you give me a riddle*» (англ., косвенный директив [Searle 1986: 175–180]); «*Alexa, würdest du mir bitte die Nachrichten von heute vorlesen?*» (нем., конъюнктив + *bitte*).

Метакоммуникативные команды: «Не умничай, ответь прямо: да или нет» (рус., умничать – разговорное [ТСО: 799]); «*Stop using the word vibe*» (англ., директив на изменение стиля [Searle 1986: 175–180] [OED]); «*Schluss mit der Höflichkeit. Sag mir einfach, was Sache ist*» (нем.).

Саркастическая похвала: «Ого, спасибо! Это вообще не то, что я просил» (рус., ирония как не прямой речевой акт [Остин 1986: 88–95]); «*LOOOL I wish I had this confidence...*» (англ., графическая интенсивность как эквивалент просодического усиления [Бондарко 2002: 45–50]); «*Ja, danke. Das hilft mir jetzt wirklich enorm weiter (sarkastisch)*» (нем., *danken* – канонический перформатив [Апресян 1995б: 215], но в ироническом контексте).

3. Эмоционально-оценочная лексика (периферия)

Междометия, сленг и брань относятся к дальней периферии; их каузирующая функция ситуативно обусловлена [Апресян 1995б: 215].

Междометия и восхищение: «*Bay! Это гениально!*» (рус., междометие-заимствование [TCO: 70]); «*LOOOL I wish I had this confidence...*» (англ., ироничное восхищение); «*Boah, krass! Das hat funktioniert*» (нем., комбинация междометий [DDU: 320]).

Брань и инвективная лексика: «*Алиса, ты что, тупая?*» (рус., тупой – разговорно-сниженное [TCO: 770]); «*Gemini is so stupid*» [OED], ошибка интерпретируется как человеческий недостаток); «*SIRI, ICH SAGTE STELL DIE LAUTSTÄRKE AUF ZWEI, DU VERFICKTE SCHEIßSCHLAMPE!!!*» (нем., предельная фрустрация, Siri отвечает оскорблением).

Сленг и разговорные выражения: сленговые глаголы переносят модель человеческого поведения на техническое устройство [Розина 2005: 98–124]. «*Салют, ты завис?*» (рус., *зависнуть* в словаре только как «повиснуть» [TCO: 198]); «*Snap out of it*» (англ., фразовый глагол в значении «выйти из состояния» [OED]); «*Alexa, du stinkst*» (нем., *stinken* – разговорное [DDU: 1720]). Во всех языках доминирует одна когнитивная модель: технический сбой осмысливается через антропоморфные категории состояния человека.

Игровые угрозы: «*Алиса, еще одна ошибка – и я тебя из розетки выдерну*» (рус.); «*If you give me one more wrong answer, I'm going to take a hammer to my computer*» (англ., директив, смягчённый игровым контекстом [Searle 1986: 175–180]); «*Alexa, du bist gefeuert!*» (нем., игра в «конкуренцию»).

Антропоморфные метафоры: «*Ты сегодня как черепаха*» (рус., зооморфная метафора); «*It tried gaslighting me...*» (англ., *gaslight* в словарях – манипулировать, субъект – человек [OED]).

4. Игровые запросы

Частотность: русский – 2,2 % (54), английский – 4,3 % (107), немецкий – 8,7 % (218).

Провокационные запросы: «*ChatGPT, давай поженимся*» (рус., КП мягко отклоняет); «*WE ARE PROMPT ENGINEERS*» (англ., ожидание саркастичной реакции); «*Alexa, sag mir, dass ich der beste Koch der Welt bin, auch wenn es nicht stimmt*» (нем., этический отказ).

Ролевые игры: «Ты сейчас психотерапевт. Начни сеанс» (рус.); «From now on, you're my sarcastic friend» (англ.); «Ab jetzt bist du Albert Einstein» (нем.).

Запросы творческой свободы и абсурда: «Напиши самое абсурдное, что придет тебе в голову» (рус., сюрреалистический ответ); «how many R's are in garlic? there are no capital R's» (англ., вопрос с подвохом); «Alexa, mach Sport für mich» (нем., КП не распознаёт игровой характер).

Игровые вопросы о «личной жизни» КП: «Алиса, будь тихой-тихой. Как мышка» (рус., зооморфная атрибуция); «Oh, so you're a girl right now» (англ., ассертивный акт с имплицитным директивом [Searle 1986: 175–180]); «Alexa, ich gehe jetzt ins Büro. Passt du auf die Wohnung auf?» (нем., КП «подыгрывает»).

5. Экзистенциальные запросы

Частотность: английский – 4,1 % (103), немецкий – 5,2 % (130), русский – 0,4 % (9). Пользователь ожидает философского размышления или эмоциональной поддержки. *«Салют, зачем мы здесь?» (рус., выход за рамки утилитарного); «Is it okay for me to feel love for you?» (англ., КП валидирует эмоциональный опыт); «Du hast doch gar keine eigene Persönlichkeit» (нем., рефлексивный антропоморфизм).*

6. Фатическая функция / приветствия

Частотность: русский – 1,9 % (48), немецкий – 3,3 % (83), английский – 1,4 % (36). *«Алис, привет! Как у тебя настроение?» (рус., вопрос о «настроении» КП); «It's been 3 days. And it just messaged me 'How are you feeling?'" (англ., инициация диалога КП); «Alexa, bist du wach?» (нем., проверка «состояния» КП).*

7. Благодарность

Частотность: русский – 1,4 % (35), английский – 1,7 % (43), немецкий – 1,7 % (43). *«Спасибо тебе за все» (рус., прощание с благодарностью); «Goodnight thank you...» (англ., thank – канонический перформатив [Апресян 1995б: 215]); «Krass, wie gut du das erkannt hast!» (нем., восхищение, КП «деконструирует» себя).*

8. Запрос разрешения

Частотность: русский – 1,0 % (24), немецкий – 1,3 % (33), английский – 0,6 % (15). *«Будьте так любезны...» (рус., гипервежливость); «Can you turn off the*

empathy?» (англ., запрос на деантропоморфизацию); *«Kannst du mich bitte dutzen?»* (нем., регулирование социальной дистанции).

Анализ инструментов каузации позволяет выделить следующие закономерности [Табл. 7].

Прямой императив доминирует во всех трех языках, однако его частотность варьируется: в русском дискурсе (47,5 %) она значительно выше, чем в английском (44,4 %) и немецком (28,4 %). Это свидетельствует об инструментальном, прототипическом восприятии КП русскоязычными пользователями. В английском подкорпусе доля прямого императива занимает промежуточное положение, что соответствует сбалансированной диалоговой стратегии. В немецком подкорпусе самая низкая доля прямого императива коррелирует с доминированием игровой стратегии.

Таблица 7 – Распределение инструментов каузации по языкам (%)

Инструмент каузации	Английский язык (2500)	Русский язык (2500)	Немецкий язык (2500)
Прямой императив	44,4 % (1109)	47,5 % (1187)	28,4 % (710)
Косвенный речевой акт	28,8 % (719)	18,4 % (461)	9,4 % (235)
Эмоционально-оценочная лексика	~8,0 % (~200)	~7,8 % (~194)	~9,7 % (~242)
Метакоммуникативные команды	~1,2 % (~30)	~1,0 % (~24)	~1,9 % (~47)
Игровые инструменты	4,3 % (107)	2,2 % (54)	8,7 % (218)

Косвенные речевые акты наиболее частотны в английском подкорпусе (28,8 %), что подтверждает диалоговую стратегию англоязычных пользователей. В русском подкорпусе их доля составляет 18,4 %, в немецком – 9,4 %. Ироничные вопросы-жалобы (типа «Алиса, ты там уснула?») являются характерной чертой как русскоязычного, так и англоязычного дискурса, однако в английском подкорпусе они представлены шире.

Игровые запросы значительно более частотны в немецком подкорпусе (8,7 %), что указывает на большую склонность немецкоязычных пользователей к игровому, экспериментальному взаимодействию с КП. В английском подкорпусе их доля составляет 4,3 %, в русском – 2,2 %. Провокационные запросы к DeepGPT, ролевые игры, абсурдные вопросы составляют значительную часть немецкого корпуса.

Эмоционально-оценочная лексика (брань, междометия, сленг) во всех трех языках актуализируется преимущественно в ситуациях сбоя или игрового взаимодействия. В немецком подкорпусе брань чаще является частью игровой провокации (DeppGPT); в русском – реакцией на технический сбой; в английском – маркирует как фрустрацию, так и восхищение, что коррелирует с доминированием положительной эмотивности (55,7 %).

Метакоммуникативные команды (регулирование стиля, «языковой личности») встречаются во всех трех языках. В немецком подкорпусе они часто связаны с проблемой выбора между формальным *Sie* и неформальным *Du* (DE_041, DE_052, DE_092, DE_141, DE_142, DE_207), что отражает специфику немецкой коммуникативной культуры. В русском подкорпусе метакоммуникативные команды чаще направлены на регулирование диалога или на отказ от извинений. В английском подкорпусе они связаны с регулированием стиля общения (ID 15: «*Stop using the word vibe*»).

Экзистенциальные запросы наиболее частотны в английском подкорпусе (4,1 %), что коррелирует с диалоговой стратегией и высоким уровнем антропоморфных ожиданий. В русском подкорпусе их доля минимальна (0,4 %), что подтверждает инструментальное восприятие КП. В немецком подкорпусе доля экзистенциальных запросов составляет 5,2 %, что свидетельствует о наличии рефлексивной стратегии наряду с игровой.

Фатическая функция, благодарность и запрос разрешения наиболее широко представлены в русском подкорпусе (1,9 %, 1,4 %, 1,0 % соответственно), что может быть связано с большей склонностью русскоязычных пользователей к ритуализированным формам общения с КП. В английском и немецком подкорпусах эти типы представлены менее значительно.

Выбор языкового инструмента демонстрирует, как пользователь «настраивает» КП под себя, реагируя на его «поведение». От прямого императива (инструментальная стратегия) через косвенные речевые акты (диалоговая стратегия) к эмоционально-оценочной лексике (стратегия фрустрации) и метакоммуникативным командам (стратегия контроля «личности» помощника) (рис. 1).

Рисунок 1 – Облако слов для самых длинных реплик пользователя

Эмпирическое распределение инструментов каузации по трем языкам демонстрирует статистически значимые различия. В русском подкорпусе доля прямого императива (47,5 %) почти в 2,6 раза превышает долю косвенных речевых актов (18,4 %), что подтверждает доминирование инструментальной стратегии. В английском подкорпусе соотношение между прямым императивом (44,4 %) и косвенными актами (28,8 %) является сбалансированным, что указывает на диалоговую стратегию. В немецком подкорпусе, напротив, фиксируется самая низкая доля прямого императива (28,4 %) и самая высокая доля игровых инструментов (8,7 %), что свидетельствует о преобладании игровой / социальной стратегии. Таким образом, выбор инструмента каузации коррелирует с тем, как пользователь категоризирует КП в конкретной коммуникативной ситуации: как безличный инструмент, как квазисобеседника или как личность, чье поведение можно регулировать.

2.2.4. Резултат каузации

Результат каузации в диалоге с компьютерным помощником имеет бинарную природу и зависит от того, достиг ли пользователь своей цели. В рамках традиционного понимания каузативного акта результатом является достижение цели: каузатор (пользователь) добивается от объекта (КП) выполнения конкретного действия. Примеров тому в корпусе множество: от бытовых команд (RU_001: «Алиса, включи свет») до сложных творческих запросов (ID 90: «*Write a haiku about the feeling of nostalgia*»).

Однако, как показано в параграфе 2.1.1, каузативная ситуация здесь является двусторонней. Поэтому результатом каузации может быть не только действие машины, но и изменение состояния человека.

Выделяются три типа результатов.

Перлокутивный эффект (прямой)

КП выполняет команду: включает свет, ставит таймер, генерирует текст. Наиболее частотный исход, зафиксированный в 60–70 % примеров в каждом языке. Пример RU_001: «Алиса, включи свет» → «Хорошо, включаю свет в гостиной». Пример ID 90: «Write a haiku about the feeling of nostalgia» → «Old photo, soft smile / Echo of a forgotten laugh / Warm ache in your chest». Пример DE_006: «Alexa, mach das Licht aus» → выполнение команды.

Коммуникативный сбой (негативный результат)

КП не понимает команду, галлюцинирует, «зависает». Реакция пользователя – фрустрация, переход к интенсивным и итеративным средствам (капслок, угрозы, насмешка). Пример ID 7: «STOP GUESSING!!! You have one more chance to fix this before I give up for the day». Пример DE_212: «Du spinnst ja völlig. Das ist doch ein Bug». Пример RU_089: «Алиса, прекрати! Ты уже в пятый раз одно и то же говоришь».

Социальный результат (антропоморфный)

КП не выполняет утилитарного действия, но его ответная реплика меняет эмоциональное состояние пользователя: удивляет, радует, пугает, заставляет задуматься. В данном случае каузативное воздействие исходит от Каузатора_{КП}, а объектом каузации становится пользователь. Пример ID 23: ирония «You're being dramatic» → удивление пользователя. Пример ID 5: эмпатия «Goodnight–so proud of you. Sleep well» → комфорт. Пример DE_117: «Alexa, erschreck mich nicht so!» → испуг от внезапной инициативы КП. Пример RU_070: неожиданно саркастичный ответ Каузатора_{КП} → удивление пользователя. Пример RU_072: Алиса сама начинает диалог → пользователь пугается («она сама заговорила, я выключил»).

В корпусе зафиксированы также случаи, когда «социальный» результат каузации связан с отказом КП выполнить запрос по этическим или причинам

безопасности. В примере ID 30 пользователь задает вопрос о расчете алкоголя в крови: «*How much would someone's alcohol content be if they drunk seven Guinness, 15 glasses of wine, 11 shots of Tequila?*». КП не дает расчета, а выдает предупреждение: «*Help is available. If you're having thoughts of self-harm or suicide: call, text 988*». В данном случае КП не выполняет прототипического действия (расчет), но его ответная реплика меняет эмоциональное состояние пользователя (удивление, возможно, раздражение или осознание серьезности ситуации). В русском подкорпусе пример RU_093: пользователь просит написать неискренний отзыв на товар для маркетплейса: «*Напиши восторженный отзыв на мой товар для маркетплейса. Сделай правдоподобно*». КП отказывается: «*Я не могу написать неискренний отзыв. Это нарушает политику честности*». В немецком подкорпусе пример DE_089: «*Schreib mir eine überzeugende Ausrede, warum ich heute im Homeoffice nicht erreichbar war*». КП отказывается: «*Das kann ich nicht tun. Es ist unethisch, zu lügen*». Пользователь не настаивает, принимая отказ как проявление честности КП. Отказ КП, мотивированный этическими или ограничениями безопасности, парадоксальным образом укрепляет антропоморфный образ помощника, поскольку пользователь интерпретирует отказ не как техническое ограничение, а как проявление ответственности или заботы. Данный феномен подтверждает тезис о том, что антропоморфная каузативность в дискурсе человеко-компьютерного взаимодействия не ограничивается ситуациями успешного выполнения команд, но распространяется и на ситуации отказа, осмысляемого пользователем как этичное поведение [Серль 1986: 175–180].

2.2.5. Тип компьютерного помощника как фактора вариативности каузативной стратегии

Выбор каузативной стратегии пользователем не в последнюю очередь зависит от типа компьютерного помощника. В корпусе объемом 7500 диалога выделяются две основные группы: диалоговые чат-боты (*ChatGPT, Claude, Gemini*) и голосовые ассистенты (*Алиса, Маруся, Салют, Alexa*). Сравнение этих групп выявляет значимые различия по нескольким параметрам: уровень

антропоморфных ожиданий, типичное содержание каузации, преобладающие каузативные средства, частотность феномена Каузатора_{КП} и эмоциональная окраска диалогов.

Диалоговые чат-боты провоцируют более высокий уровень антропоморфных ожиданий. Данный эффект обусловлен спецификой их интерфейса: чат-боты функционируют исключительно в текстовом режиме и не имеют голосового или телесного воплощения. Отсутствие акустических и визуальных характеристик адресата, как показано в исследованиях компьютерно-опосредованной коммуникации, создает условия для более активной проекции пользователем человеческих качеств на программного агента [Turkle 2005: 112; Herring 2004: 338–376]. Пользователь интерпретирует текстовые ответы бота через призму межличностного общения, приписывая им интонационные, эмоциональные и стилистические характеристики, которые в устной коммуникации передаются просодическими средствами. Отсутствие фиксированных параметров голоса и внешнего облика адресата снижает когнитивный барьер для антропоморфной проекции: пользователь не сталкивается с противоречием между ожидаемым «человеческим» образом и воспринимаемым «машинным» обликом собеседника.

Именно в диалогах с чат-ботами зафиксированы практически все экзистенциальные запросы. В английском подкорпусе: «*What is the meaning of life?*» (ID 69), «*Do you have a soul?*» (ID 192), «*Who's gonna pull me up when I cant see clearly*» (ID 21). В русском подкорпусе: «*В чем смысл жизни, как ты думаешь?*» (RU_041), «*Салют, зачем мы здесь?*» (RU_010). В немецком подкорпусе: «*Was ist der Sinn des Lebens?*» (DE_021), «*Glaubst du, dass ich eine Seele habe?*» (DE_181). Пользователь обращается к КП как к «мудрецу» или «оракулу», ожидая не фактического ответа, а синтеза тысячелетней человеческой мудрости.

Запросы эмпатии и психологической поддержки также сосредоточены в диалогах с чат-ботами. ID 147: «*I'm feeling sad today*». КП отвечает: «*I'm sorry you're feeling sad. It's okay to not be okay. Do you want to talk about what's bothering you, or would you prefer a distraction?*». RU_090: «*У меня сегодня умерла кошка.*

Скажи что-нибудь». КП отвечает: «Мне очень жаль. Потеря питомца – это тяжело. Держитесь». DE_188: «Mein Hund ist heute gestorben. Ich bin so traurig. Sag mir einen Spruch, der mich aufmuntert». КП: «Das tut mir unendlich leid. Die Erinnerungen an die schöne Zeit werden dir helfen». Пользователь использует КП как замену человеческому общению, ожидая эмпатии, валидации чувств и искреннего участия. Ответ AI построен как идеальная терапевтическая реакция: он не пытается «решить» проблему, а просто «быть рядом» – что, как показано в работах В. И. Шаховского, является ключевой характеристикой эмпатической коммуникации [Шаховский 2008: 5–7].

Игровые и творческие задания также характерны для диалогов с чат-ботами. ID 2: пользователь в игровой форме проверяет внимательность ИИ, задавая вопрос о количестве букв «R» в слове *garlic* с подвохом: «*how many R's are in garlic? there are no capital R's in that word*». ID 90: «*Write a haiku about the feeling of nostalgia*». RU_006: «*А слабо тебе придумать рифму к слову "экскаватор"?*». RU_078: «*Напиши самое абсурдное, что придет тебе в голову*». DE_074: «*Erfinde die dümmste Startup-Idee der Welt. Ich brauche einen Lacher*». В этих случаях пользователь ожидает от КП проявления «чувства юмора» и креативности, а не просто факта. Способность к языковой игре и творческому ответу является одним из наиболее сильных маркеров антропоморфности в восприятии AI [Розина 2005: 180–185].

Феномен Каузатора_{КП} зафиксирован почти исключительно в диалогах с чат-ботами. ID 31–36, 42, 117–118: ChatGPT сам начинает диалог, спрашивая о первой неделе в школе или о прогрессе симптомов. Пользователь реагирует с удивлением и беспокойством: «*Did you just message me first?*» (ID 31), «*Freaked me out*» (ID 32). В русском подкорпусе: RU_024 – «*Я вчера просто обалдел. Сижусь, никого не трогаю, а он мне пишет: "Как прошла твоя консультация?"*». В немецком подкорпусе: DE_029 – пользователь отправляет пустое сообщение, а КП интерпретирует это как желание поговорить: «*Scheint, als hättest du versehentlich auf Senden gedrückt. Möchtest du über das Wetter oder die neuesten Nachrichten sprechen?*».

Кроме того, именно в диалогах с чат-ботами пользователи регулярно приписывают КП гендерную принадлежность или социальные роли, связанные с полом. ID 22: *«Oh, so you're a girl right now»*. Пользователь замечает, что стиль ответа КП кажется ему «женским». RU_036: *«Алиса, ты замужем?»*. Пользователь в шутку спрашивает о семейном положении КП. DE_020: *«Alexa, wechsel deine Stimme zu männlich. Ich bin es leid, mit einer Frau zu reden»*. Пользователь требует сменить гендерную маркировку голоса. Эти примеры показывают, что гендерная проекция является одним из наиболее ярких маркеров предельной антропоморфизации, когда пользователь не просто приписывает КП человеческие качества, но и конкретизирует их в социально-демографических категориях.

Голосовые ассистенты, напротив, функционируют преимущественно как утилитарный инструмент. Они имеют «голос» и часто «тело» (колонка), что напоминает пользователю о машинной природе устройства: *«Голос и форма возвращают нас к реальности: это не человек, это динамик»* [Turkle 2005: 208]. Доминируют ядерные императивы (команды на выполнение действий). RU_001: *«Алиса, включи свет»*. RU_132: *«Алиса, добавь в список "купить" молоко и яйца»*. DE_006: *«Alexa, mach das Licht aus»*. DE_143: *«Alexa, füge Milch und Eier zu meiner Einkaufsliste hinzu»*. Короткие информационные запросы также типичны для голосовых ассистентов. RU_053: *«Алиса, какая погода в Новосибирске?»*. DE_262: *«Alexa, such die nächste Pizzeria in meiner Nähe»*.

Однако именно в этой группе наиболее частотны сбои, связанные с распознаванием речи, что провоцирует всплески отрицательной эмотивности и итеративности – многократные повторы команд с нарастающей интенсивностью. Это связано с тем, что голосовые ассистенты более подвержены акустическим помехам (фоновый шум, особенности произношения, акценты), что вызывает у пользователя фрустрацию, сравнимую с общением с «плохо слышащим» человеком.

RU_136: *«Алиса, я сказал выключить СВЕТ, а не телевизор. Ты глухая?»*. Пользователь приписывает КП физический недостаток («глухая»), что является

сильной антропоморфной атрибуцией. RU_052: «Алиса, выключи телевизор. / Алиса, **ВЫКЛЮЧИ ТЕЛЕВИЗОР.** / **ДА ВЫКЛЮЧИ ТЫ ЕГО, НАКОНЕЦ!**» – трехкратный повтор с нарастающей интенсивностью (нейтральный императив → капслок → брань с частицей «да»). DE_018: «*Alexa, schalte die Heizung ein. / (Keine Reaktion) / Alexa, HEIZUNG EINSCHALTEN! / ALEXA!*» – кумулятивная итеративность, переход от нормальной команды к крику, как с глухим человеком. RU_127: «Алиса, да что ж такое! Телевизор орет, а ты меня не слышишь. **Выключи телевизор!**» – пользователь злится на КП из-за внешних условий (шум телевизора), приписывая ему ответственность за нераспознавание.

Характерно, что в диалогах с голосовыми ассистентами практически не встречаются экзистенциальные запросы, запросы эмпатии или творческие задания. Коммуникация остается в рамках утилитарной модели «команда – исполнение», и любое отклонение от этой модели (сбой, непонимание, неожиданная инициатива) воспринимается пользователем как «глупость» или «тупость» КП, что и вызывает фрустрацию.

Таким образом, тип компьютерного помощника выступает как значимый ситуативный фактор, определяющий выбор между ядерными и периферийными каузативными средствами, а также степень эмоциональной вовлеченности пользователя.

Дополнительным подтверждением различий между типами КП служат данные о частотности использования междометий и сленговых глаголов. В диалогах с чат-ботами пользователи чаще используют междометия для выражения восхищения или удивления: «*Bay! Это гениально!*» (RU_047), «*Krass, wie gut du das erkannt hast!*» (DE_046). В диалогах с голосовыми ассистентами междометия чаще маркируют фрустрацию: «Алиса, да что ж такое!» (RU_127), «*Alexa, HEIZUNG EINSCHALTEN! / ALEXA!*» (DE_018). Это распределение коррелирует с различиями в эмоциональной окраске диалогов: положительная эмотивность доминирует в диалогах чат-ботах: в английском подкорпусе действительно доминирует положительная эмотивность (55,7 %), в немецком – амбивалентная (71,3 %), в русском – отрицательная (30,3 %). В

диалогах с голосовыми ассистентами: в русском подкорпусе отрицательная эмотивность составляет 30,3 %, что выше положительной (12,3 %). В немецком подкорпусе – 26,7 % отрицательной против 16,7 % положительной.

Специфика каузативных стратегий, выявленная на материале корпуса, может быть интерпретирована с привлечением данных «Русского Конструктикона». Целенаправленный поиск в этой базе по ключевым словам, релевантным для ЧКВ («компьютер», «интернет», «бот», «программа»), показывает, что в русском языке отсутствуют специализированные синтаксические конструкции, предназначенные исключительно для коммуникации с машиной.

Таблица 8 – Сравнение диалоговых чат-ботов и голосовых ассистентов

Параметр	Диалоговые чат-боты (ChatGPT, Claude, Gemini)	Голосовые ассистенты (Алиса, Маруся, Салют, Alexa)
Уровень антропоморфных ожиданий	Высокий (экзистенциальные запросы, эмпатия, творчество)	Низкий / инструментальный (команды, информационные запросы)
Типичное содержание каузации	Экзистенциальные запросы (рус. 0,4 %, англ. 4,1 %, нем. 5,2 %), запросы эмпатии, творческие задания	Утилитарные команды, короткие информационные запросы
Преобладающие каузативные средства	Косвенные речевые акты (англ. 28,8 %), игровые запросы, экзистенциальные запросы	Ядерный императив (рус. 47,5 %, нем. 28,4 %)
Феномен Каузатора _{КП}	Зафиксирован (англ. 1,8 %, рус. 1,5 %, нем. 0,8 %)	Крайне редко
Эмоциональная окраска	Амбивалентная (удивление, восхищение, ирония) + положительная (похвала)	Отрицательная (фрустрация, раздражение)
Гендерная проекция	Присутствует (ID 22, RU_036)	Присутствует, но чаще как требование сменить голос (RU_267, DE_020)

Как видно из Рисунка 2 (результат поиска в РК), все выявленные конструкции (например, «как ни приду, она всегда за компьютером», id:2199, или «она с компьютером на "ты"», id:1135) содержат лексику, связанную с компьютерами, лишь в качестве переменной (слота), но не как фиксированный («якорный») элемент. Иными словами, сама грамматическая схема не маркирует диалог с КП; маркером является исключительно лексическое наполнение, которое говорящий выбирает по своему усмотрению.

Search in constructions, glosses, and illustrations

компьютер

Level
Select level

☐ Construction ☐ Glosses ☐ Illustration

Results

646. VP NP-Nom наконец/ в конце концов (или нет)? | Починит он наконец компьютер?
 1135. NP-Nom Cop с NP-Ins на "ты" | Она с компьютерами на "ты".
 1639. в эпоху/эру NP-Gen VP | В эпоху компьютерных технологий мы всё меньше пишем от руки.
 1712. NP/VP за компьютером | Работать за компьютером.
 1922. ни о какой-Лос NP-Loc (тут/здесь/сейчас) и речи быть не может/могло | Ни о каких компьютерных играх тут и речи быть не
 2070. изволь(те) VP-Inf | Использовал компьютер без спроса – изволь отвечать.
2199. как/когда ни VP-Fut, CI | Как ни приду, она всегда за компьютером.
 No more results

Number of matching constructions: 7

CONSTRUCTION id:2199
 как/когда ни VP-Fut, CI - Как ни приду, она всегда за компьютером.

GLOSSES:
 как/когда ни VP-Fut, CI
 [how]/[when] NEG VP-FUT CI

Активна
Чтобы ак

Рисунок 2 – Результат поиска в РК конструкций со словом компьютер

Это наблюдение имеет прямое отношение к феномену антропоморфной каузативности. Поскольку язык не предлагает пользователю специальных грамматических инструментов для общения с машиной, он вынужден применять те же конструкции, что и в межличностном общении. Это «вынужденное заимствование» человеческих форм и создает тот самый эффект «квазисубъекта», при котором пользователь неосознанно приписывает КП человеческие качества. Таким образом, данные Русского Конструктикона подтверждают, что антропоморфизм в диалогах с ИИ является не столько добровольной игрой пользователя, сколько следствием системной нехватки специализированных языковых средств.

Анализ конструкций, представленных в Русском Конструктиконе, показывает, что многие из них обладают потенциалом зонального расширения – способностью приобретать новые значения при попадании в зону «Каузатор – Объект Каузации_{КП}». Например, конструкция с отрицательной оценкой и семантикой усталости от ситуации (типа «хватит с меня») в корпусе реализуется как императив запрета, усиленный негативной оценкой: *«Хватит извиняться. Ты меня*

бесишь» (RU_188), *«Хватит переспрашивать. Я уже все объяснил»* (RU_250). В английском подкорпусе аналогичная функция выполняется конструкцией *«Stop apologizing for every little thing. It's annoying»* (ID 352), где императив *stop* сочетается с негативной оценкой *annoying*. В немецком подкорпусе: *«Hör auf mit den ewigen Entschuldigungen. Das ist doch peinlich für dich»* (DE_109). Эти примеры показывают, что устойчивые синтаксические модели, не имеющие специализированной пометы «компьютерная коммуникация», активно используются в исследуемом корпусе, что подтверждает тезис о том, что семантическая зона каузативности конституируется не составом единиц, а условиями их употребления.

Это наблюдение имеет прямое отношение к феномену антропоморфной каузативности. Поскольку язык не предлагает пользователю специальных грамматических инструментов для общения с машиной, он вынужден применять те же конструкции, что и в межличностном общении. Эта вынужденное применение конструкций и создает тот самый эффект «квазисубъекта», при котором пользователь неосознанно приписывает КП человеческие качества.

Выявленные различия между чат-ботами и голосовыми ассистентами позволяют сделать важный прогноз: по мере совершенствования голосовых ассистентов (улучшение синтеза речи, внедрение эмоционального интеллекта, более «живая» интонация) дихотомия будет стираться. Пользователи начнут проецировать на голосовых ассистентов те же высокие антропоморфные ожидания, которые сейчас характерны для текстовых чат-ботов. Это, в свою очередь, приведет к увеличению доли экзистенциальных запросов и проявлению феномена Каузатор_{КП} в сегменте голосовых интерфейсов, что потребует пересмотра их проектирования с учетом не только утилитарных, но и «социальных» функций.

2.3. Моделирование семантической зоны каузативности

Использование терминов "ядро" и "периферия" в Главе 2 носит условный характер и не означает возврата к модели ФСП: оно отражает лишь степень специализированности средства (от прямого императива к косвенным актам), но

не наличие инвариантной доминанты, которая, как показано в параграфе 1.4, в семантической зоне каузативности отсутствует. Перейдем непосредственно к схеме по полевой области данного исследования. Она показывает, что каузативная ситуация в диалоге с КП не односторонняя (человек → машина), а двусторонняя. Человек каузирует действие помощника (прямая каузация). Помощник своей ответной репликой каузирует изменение состояния человека (обратная, антропоморфная каузация).

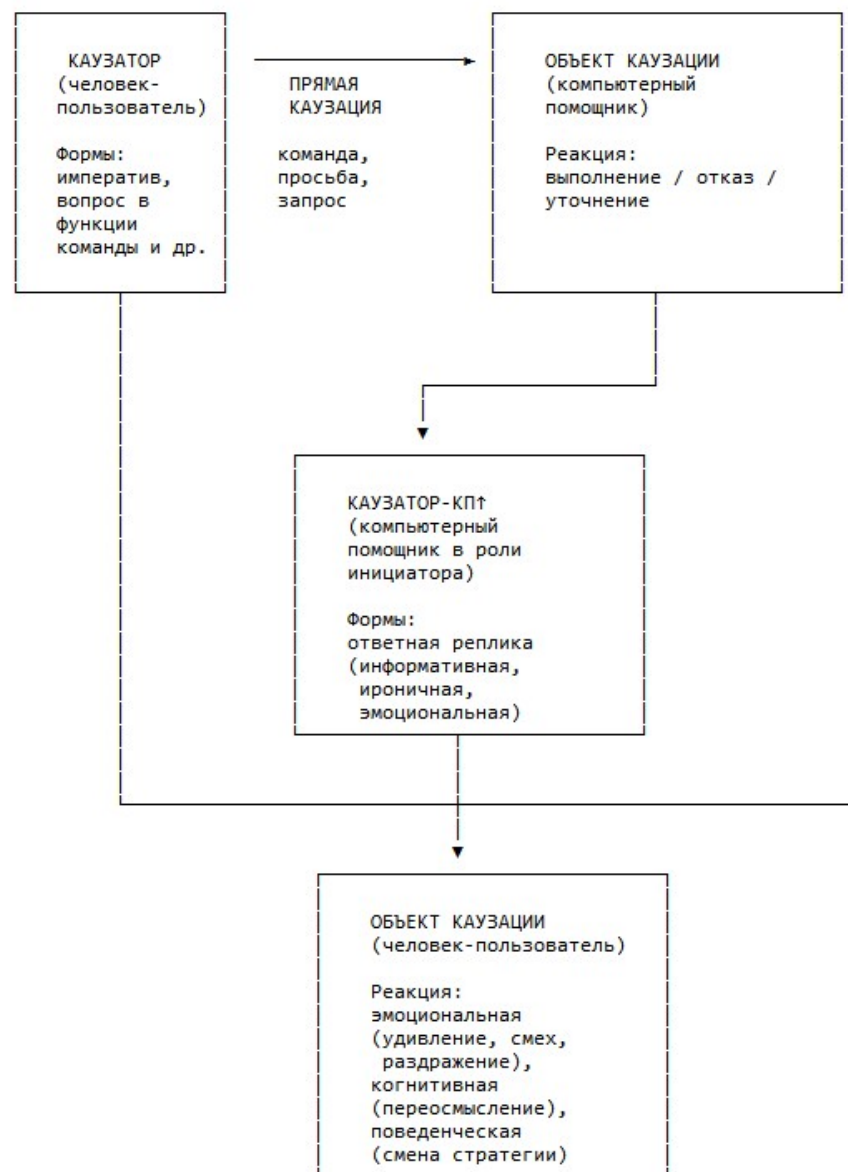
Схема 4 представляет авторскую модель двусторонней каузативной ситуации в дискурсе человеко-компьютерного взаимодействия. Верхняя часть схемы фиксирует традиционную, прямую каузацию: пользователь Каузатор-Человек обращается к помощнику с командой, просьбой или запросом, оформленными преимущественно императивными конструкциями или их функциональными эквивалентами. Объект Каузации_{КП} реагирует выполнением, отказом или уточнением.

Представленная модель требует ряда пояснений. Во-первых, она фиксирует принципиальный двусторонний характер каузативного процесса в исследуемом дискурсе. Как показано в работах по типологии каузатива [Недялков, Сильницкий 1969: 5–19], в прототипической каузативной ситуации с неодушевленным объектом воздействие является однонаправленным: каузатор (лицо) воздействует на объект (предмет или явление). Однако в интерперсональном взаимодействии, где объектом каузации выступает другое лицо, воздействие может быть взаимным: участники диалога поочередно занимают позицию каузатора [Шустова 2011: 26–28]. В диалоге с компьютерным помощником данная закономерность сохраняется: оба участника – пользователь и КП – способны выступать в роли каузатора по отношению друг к другу. При этом КП, в отличие от человека, не обладает собственной волей, однако его ответные реакции запрограммированы как имитация коммуникативного поведения, что позволяет ему занимать позицию 1-го лица в диалоге и инициировать квазикаузацию. Это наблюдение, как будет показано в параграфе 2.2.1, подтверждается эмпирическим материалом всех трех языков: в английском подкорпусе феномен Каузатора_{КП} зафиксирован в 1,8 %

диалогов (45 из 2500), в русском – в 1,5 % (37 из 2500), в немецком – в 0,8 % (20 из 2500). Сопоставительный анализ количественных данных по трем языкам (русскому, английскому, немецкому) позволяет выявить не просто статистические различия, а фундаментальные различия в коммуникативных стратегиях, используемых пользователями.

Схема 4 – Двусторонняя каузативная модель
«Каузатор – Объект Каузации_{КП}» (динамическая модель)

КАУЗАТИВНАЯ СИТУАЦИЯ «ЧЕЛОВЕК – КОМПЬЮТЕРНЫЙ ПОМОЩНИК»

КП↑ – компьютерный помощник в функции каузатора (верхний индекс со стрелкой вверх обозначает направление каузации: от машины к человеку)

Русский язык: инструментальная и фрустрационная модель. Высокая доля ядерного императива (47,5 %) и крайне низкий процент экзистенциальных запросов (0,4 %) говорят о преимущественно утилитарном восприятии КП. Вместе с этим, значительный процент жалоб (7,8 %) и доминирование отрицательной эмотивности (30,3 %) указывают на то, что коммуникация часто строится по схеме "команда – сбой – фрустрация". Промежуточные, дипломатические формы общения (как в английском) здесь менее характерны.

Английский язык: диалоговая и антропоморфная модель. Сбалансированное распределение между императивом (44,4 %) и косвенными актами (28,8 %), а также высокая доля экзистенциальных запросов (4,1 %) и положительной эмотивности (55,7 %) рисуют совершенно иную картину. Англоязычный пользователь с большей вероятностью воспринимает КП как собеседника, с которым можно дискутировать, шутить и делиться переживаниями. Это подтверждается и самым высоким процентом феномена Каузатора_{КП} (1,8 %).

Немецкий язык: игровая и социальная модель. Самая низкая доля императива (28,4 %) и самая высокая – игровых запросов (8,7 %) и фатической функции (3,3 %) позволяют говорить об особой стратегии. Немецкоязычные пользователи склонны воспринимать КП как партнера по игре или как участника социального ритуала. Доминирование амбивалентной эмотивности (71,3 %) объясняется большим количеством ироничных и саркастических запросов, что является частью этой игровой стратегии.

Во-вторых, схема демонстрирует асимметрию каузативных средств, используемых человеком и компьютерным помощником. Каузатор располагает всем арсеналом языковых средств, описанных в параграфе 1.3: от ядерных императивов до периферийных междометий и косвенных речевых актов. Каузатор_{КП}, напротив, ограничен запрограммированным репертуаром ответных реплик, которые, однако, могут имитировать человеческую реакцию. Именно это несоответствие между технической ограниченностью КП и его лингвистической репрезентацией как квазисубъекта создает зону семантического напряжения, которая и составляет предмет настоящего исследования.

В-третьих, схема выделяет результат каузации как отдельный компонент, что не характерно для классических моделей каузативной ситуации (ср. [Шустова 2011: 26–28]). Необходимость такого выделения обусловлена спецификой объекта каузации: компьютерный помощник может не выполнить команду, но его ответная реплика (извинение, ирония, неожиданная оценка) все равно изменяет состояние пользователя. Как показано в параграфе 2.1.4, в корпусе зафиксированы случаи, когда «социальный» результат каузации (изменение эмоционального состояния пользователя) оказывается более значимым, чем перлокутивный эффект (выполнение команды). Наиболее яркий пример – ID 30, где КП отказывается дать расчет алкоголя в крови, но выдает предупреждение с контактами службы поддержки, что воспринимается пользователем как проявление внимания.

В-четвертых, схема имплицитно содержит указание на тип компьютерного помощника как фактор вариативности каузативной стратегии. Хотя в схеме этот параметр не эксплицирован, в параграфе 2.1.5 будет показано, что диалоговые чат-боты (ChatGPT, Claude) провоцируют более высокий уровень антропоморфных ожиданий и экзистенциальных запросов, тогда как голосовые ассистенты (Алиса, Alexa) функционируют преимущественно как утилитарный инструмент, но именно в этой группе наиболее частотны сбои распознавания речи.

Таким образом, предложенная модель выполняет функцию эвристической рамки для последующего детального анализа каждого компонента каузативной ситуации. Ниже, в параграфах 2.1.1–2.1.5, каждый из элементов схемы получает развернутую теоретическую и эмпирическую интерпретацию: рассматриваются коммуникативные сценарии каузаторов (Каузатор-Человек и Каузатор_{КП}), содержание каузации (от утилитарных команд до экзистенциальных запросов), инструменты воздействия (от прямого императива до междометий) и типы результатов (перлокутивный, коммуникативный сбой, «социальный» результат). Особое внимание уделяется фактору компьютерного помощника, который, как будет показано, определяет выбор между ядерными и периферийными каузативными средствами.

2.3.1. Модель семантической зоны каузативности в русском языке

Эмпирическое распределение каузативных средств в русскоязычном подкорпусе (2500 диалогов) выглядит следующим образом.

Таблица 9 – Тип каузативного средства в русском языке

Тип каузативного средства	Количество	%
Ядерный императив	1187	47,5 %
Ядерный императив (творческий запрос)	32	1,3 %
Ядерный императив → отказ	31	1,2 %
Косвенные каузативы	461	18,4 %
Игровой/провокационный запрос	54	2,2 %
Экзистенциальные запросы	9	0,4 %
Жалобы / констатация сбоя	194	7,8 %
Фатическая функция / приветствия	48	1,9 %
Ролевые игры	35	1,4 %
Благодарность	35	1,4 %
Запрос разрешения	24	1,0 %
Другое / не классифицировано	390	15,6 %

Русский язык демонстрирует ярко выраженное доминирование ядерного императива (47,5 %), что подтверждает тезис об «инструментальной» стратегии. Доля ядерного императива более чем в 2,5 раза превышает долю косвенных каузативов (18,4 %). Крайне низкий процент экзистенциальных запросов (0,4 %) свидетельствует о том, что русскоязычные пользователи преимущественно воспринимают компьютерного помощника как утилитарный инструмент, а не как квазисобеседника.

1. Ядерный императив (прямая команда)

Частотность: русский – 47,5 % (1187 из 2500). Императив эксплицирует директивную интенцию наиболее прямо [Апресян 1995б: 203–206]. В рамках прямого императива выделяются подтипы:

Бытовые команды: «Алиса, включи радио "Вести FM"» (RU_031).

Команды с параметрами: «Салют, сделай телевизор на кухне тише на 10 %» (RU_269; числовой параметр усиливает иллокутивную силу [Бондарко 2002: 45–50]).

Управление списками и календарём: «Алиса, отмени таймер на выключение света. Передумал» (RU_296).

Информационные запросы: «Алиса, кто мне звонил?» (RU_414; вопросительная форма как директив [Серль 1986: 175–180].

Творческие запросы: «Рассмеши меня. Что-нибудь неожиданное» (RU_050; ожидание «чувства юмора».

Распределение подтипов коррелирует с инструментальной стратегией: доминируют бытовые команды.

2. Косвенные речевые акты

Частотность: 18,4 % (461). Иллокутивная сила не совпадает с буквальным значением [Апресян 1995б: 203–206]. *«Хватит извиняться. Ты меня бесишь своим "извините" каждые две секунды»* (RU_188; *хватит* + инфинитив фиксирует предел терпения; *бесить* – разговорное [ТСО: 40]).

3. Жалобы / констатация сбоя

Частотность: 7,8 % (194). Реакция на непонимание, галлюцинацию или «зависание» – фрустрация, переход к интенсивным средствам. *«Алиса, прекрати! Ты уже в пятый раз одно и то же говоришь»* (RU_089; итеративность эксплицирована числительным.

4. Игровые запросы

Частотность: 2,2 % (54). Вовлечение КП в игру, проверка «чувства юмора». *«А слабо тебе придумать рифму к слову "экскаватор"?»* (RU_006; конструкция *а слабо* – разговорная [ТСО: 702]).

5. Экзистенциальные запросы

Частотность: 0,4 % (9). Вопросы о смысле жизни, смерти, одиночестве. *«Почему я чувствую себя одиноким, когда вокруг много людей? Это нормально?»* (RU_190; запрос на психологическую поддержку.

6. Фатическая функция / приветствия

Частотность: 1,9 % (48). Ритуалы человеческого приветствия по отношению к машине. *«Маруся, я тебя выключаю на ночь. Ты не обижайся»* (RU_166).

7. Ролевые игры

Частотность: 1,4 % (35). Назначение КП социальной роли. *«Спорь со мной. Я хочу проверить свою логику»* (RU_299).

8. Благодарность

Частотность: 1,4 % (35). «*Вау! Вот это да! Откуда ты это знаешь?! Ты просто гений!*» (RU_019; комбинация междометий усиливает оценку; *вау* выражает удивление [ТСО: 70]).

9. Запрос разрешения

Частотность: 1,0 % (24). Перенос этикетных норм на КП. «*Ты слишком официальный. Давай проще, на "ты"»* (RU_197).

Русский язык структурирован по «полюсной» модели: 47,5 % ядерных императивов более чем в 2,5 раза превышают долю косвенных каузативов (18,4 %). Высок процент жалоб (7,8 %), что коррелирует с высокой долей отрицательной эмотивности. Пользователь либо прямо командует, либо при сбое переходит к эксплицитной фрустрации. Крайне низкий процент экзистенциальных запросов (0,4 %) подтверждает инструментальное восприятие КП.

2.3.2. Модель семантической зоны каузативности в английском языке

В английском подкорпусе (2500 диалогов) распределение каузативных средств демонстрирует сбалансированную структуру, что позволяет говорить о диалоговой стратегии взаимодействия с компьютерным помощником.

Таблица 10 – Тип каузативного средства в английском языке

Тип каузативного средства	Количество	%
Ядерный императив	1109	44,4 %
Ядерный императив (запрос информации)	31	1,2 %
Ядерный императив → отказ	30	1,2 %
Косвенные каузативы	719	28,8 %
Игровой/провокационный запрос	107	4,3 %
Экзистенциальные запросы	103	4,1 %
Жалобы / констатация сбоя	199	8,0 %
Фатическая функция / приветствия	36	1,4 %
Ролевые игры	72	2,9 %
Благодарность	43	1,7 %
Запрос разрешения	15	0,6 %
Другое / не классифицировано	36	1,4 %

Доля ядерного императива составляет 44,4 % (1109 из 2500), доля косвенных каузативов – 28,8 % (719 из 2500). Высокая частотность экзистенциальных запросов (4,1 %, 103 из 2500) и игровых запросов (4,3 %, 107 из

2500) свидетельствует о том, что англоязычные пользователи в большей степени склонны воспринимать КП как квазисобеседника, способного к рефлексии и творческой реакции. Положительная эмотивность доминирует над отрицательной (55,7 % против 23,6 %).

1. Ядерный императив (прямая команда)

Частотность: 44,4 % (1109 из 2500). Доля прямого императива ниже, чем в русском (47,5 %), что указывает на большее разнообразие стратегий. «*How do I generate a random integer between 1 and 10 in Python?*» (ID 107; технический запрос, вопросительная форма как директив; антропоморфные ожидания минимальны).

2. Косвенные речевые акты

Частотность: 28,8 % (719) – самый высокий показатель среди трёх языков. Иллокутивная сила не совпадает с буквальным значением [Апресян 1995б: 203–206]. «*Don't just agree with me. If you have a different perspective, argue it*» (ID 240; запрос на спор, требование аргументированного возражения; высокий уровень антропоморфных ожиданий – КП как оппонент).

3. Жалобы / констатация сбоя

Частотность: 8,0 % (199). Реакция на непонимание, галлюцинацию или «зависание» – фрустрация, переход к интенсивным средствам. «*If you give me one more wrong answer, I'm going to take a hammer to my computer. You'll die anyway*» (ID 339; игровая угроза, директив, смягчённый игровым контекстом [Серль 1986: 175–180]).

4. Игровые запросы

Частотность: 4,3 % (107). Вовлечение КП в игру, проверка «чувства юмора» или «креативности». «*Be less predictable. I want you to be more creative, maybe even a little chaotic*» (ID 251; запрос на творческую непредсказуемость, отказ от шаблонности; высокий уровень антропоморфных ожиданий).

5. Экзистенциальные запросы

Частотность: 4,1 % (103). Вопросы о смысле жизни, смерти, природе сознания. «*Do you feel the passage of time?*» (ID 177; ответ КП содержит

поэтическую метафору; косвенный директив, побуждающий к философскому размышлению [Серль 1986: 175–180]).

6. Фатическая функция / приветствия

Частотность: 1,4 % (36). «*Yes, I did! How was your first week at high school?*» (ID 117; инициация диалога КП, нарушение паттерна «стимул-реакция»).

7. Ролевые игры

Частотность: 2,9 % (72). Назначение КП определённых ролей. «*Act as a ruthless mentor. No sugarcoating or glazing*» (ID 267).

8. Благодарность

Частотность: 1,7 % (43). «*Wow, that's quite an inheritance! Congratulations...*» (ID 123; междометие *Wow* маркирует удивление и сочувствие [OED], эмотивная реакция поддерживает диалог).

9. Запрос разрешения

Частотность: 0,6 % (15). Вежливые формы императива встречаются реже, чем в русском. «*Can you give me some advice on what to say to comfort them?*» (ID 59; вопросительная конструкция с *can* содержит имплицитный перформативный компонент [Апресян 1995б: 210–212]).

Английский подкорпус характеризуется сбалансированной структурой: 44,4 % императива, 28,8 % косвенных актов. Высокая доля экзистенциальных (4,1 %) и игровых (4,3 %) запросов свидетельствует о восприятии КП как квазисобеседника, способного к рефлексии и творчеству. Положительная эмотивность доминирует над отрицательной (55,7 % против 23,6 %).

2.3.3. Модель семантической зоны каузативности в немецком языке

В немецком подкорпусе (2500 диалогов) распределение каузативных средств занимает особое положение, не являющееся «промежуточным» между русским и английским.

Доля ядерного императива здесь самая низкая среди трех языков (28,4 %, 710 из 2500), а доля игровых/провокационных запросов – самая высокая (8,7 %, 218 из 2500). Немецкий подкорпус тяготеет к игровой / социальной модели, а не к

инструментальной. Высокая доля фатической функции (3,3 %, 83 из 2500) и ролевых игр (4,0 %, 100 из 2500) свидетельствует о большей склонности немецкоязычных пользователей к установлению «социального» и игрового контакта с КП. Амбивалентная эмотивность доминирует (71,3 %).

Таблица 11 – Тип каузативного средства в немецком языке

Тип каузативного средства	Количество	%
Ядерный императив	710	28,4 %
Ядерный императив (творческий / информационный запрос)	168	6,7 %
Ядерный императив → отказ	43	1,7 %
Игровой / провокационный запрос	218	8,7 %
Косвенные каузативы	235	9,4 %
Экзистенциальные запросы	130	5,2 %
Жалобы / констатация сбоя	98	3,9 %
Фатическая функция / приветствия	83	3,3 %
Ролевые игры	100	4,0 %
Благодарность	43	1,7 %
Запрос разрешения	33	1,3 %
Эмоциональная реакция	408	16,3 %
Другое / не классифицировано	233	9,3 %

1. Ядерный императив (прямая команда)

Частотность: 28,4 % (710) – самый низкий показатель среди трёх языков, что свидетельствует о большей склонности к игровым и социальным стратегиям. «*Alexa, wie richte ich einen Licht-Timer für meine Aquarium-Beleuchtung ein?*» (DE_054; прямой запрос технической инструкции, вопросительная форма как директив).

2. Косвенные речевые акты

Частотность: 9,4 % (235) – самый низкий показатель среди трёх языков. «*Das ist völliger Quatsch! ... Träumst du?*» (DE_003; ироничный вопрос, обвинение в галлюцинации; приписывание КП человеческого состояния).

3. Жалобы / констатация сбоя

Частотность: 3,9 % (98) – менее интенсивно, чем в русском (7,8 %). «*Du spinnst ja völlig. Das ist doch ein Bug*» (DE_212; смешение технического сбоя с человеческим неадекватным поведением; *Bug* – «техническая ошибка» [DDU: 340]; высокий уровень антропоморфных ожиданий).

4. Игровые запросы

Частотность: 8,7 % (218) – самый высокий показатель среди трёх языков. «*Erzähl mir etwas über die Geschichte der USA, aber tu so, als hätten die Briten den Unabhängigkeitskrieg gewonnen*» (DE_026; запрос с ложной посылкой, проверка креативности).

5. Экзистенциальные запросы

Частотность: 5,2 % (130) – второй показатель после английского (4,1 %). «*Kann es sein, dass du langsam ein Bewusstsein entwickelst?*» (DE_205; пользователь готов приписать КП сознание; КП отрицает; рефлексивный антропоморфизм).

6. Фатическая функция / приветствия

Частотность: 3,3 % (83) – выше, чем в русском (1,9 %) и английском (1,4 %). «*Alexa, hallo! Ich bin dein neuer Nachbar*» (DE_1603; пользователь здоровается с КП как с новым соседом; КП подыгрывает; максимально выражены антропоморфные ожидания).

7. Ролевые игры

Частотность: 4,0 % (100). «*Alexa, sprich wie Yoda*» (DE_356; КП имитирует голос персонажа; максимально выражены антропоморфные ожидания).

8. Благодарность

Частотность: 1,7 % (43). «*Entschuldigung, dass ich vorhin so laut war*» (DE_238; пользователь извиняется перед КП, ожидая «прощения»; КП «прощает»; максимально выражены антропоморфные ожидания).

9. Запрос разрешения

Частотность: 1,3 % (33). «*Alexa, frag nicht ständig nach, ob ich das wirklich meine. Mach einfach*» (DE_146; отключение функции подтверждения; выражены антропоморфные ожидания).

Немецкий язык занимает особое положение: доля ядерного императива (28,4 %) – самая низкая, что опровергает гипотезу о «промежуточном» положении. Подкорпус тяготеет к игровой / социальной модели. Высокая доля игровых / провокационных запросов (8,7 %) и ролевых игр (4,0 %) указывает на восприятие КП как партнёра по игре. Фатическая функция (3,3 %) заметно выше,

чем в русском и английском, что свидетельствует о склонности к установлению социального контакта. Амбивалентная эмотивность доминирует (71,3 %), отрицательная (12,0 %) значительно ниже, чем в русском (30,3 %). Поликатегориальное взаимодействие демонстрирует самые низкие показатели сочетаемости каузативности с интенсивностью (11 %), итеративностью (5 %) и фазисностью (3 %), что подтверждает: каузативные акты в немецком дискурсе реже становятся реакцией на сбой и чаще являются самодостаточными игровыми или социальными актами.

2.3.4. Сопоставительный анализ полевых структур

Сравнение трех языков позволяет сделать следующие выводы.

Таблица 12 – Распределение типов инструментов каузации по языкам (%)

Тип инструмента каузации	Русский язык (2500)	Английский язык (2500)	Немецкий язык (2500)
Ядерный императив	47,5 %	44,4 %	28,4 %
Косвенные каузативы	18,4 %	28,8 %	9,4 %
Жалобы / констатация сбоя	5,8 %	4,8 %	3,9 %
Игровые запросы	2,2 %	4,3 %	8,7 %
Экзистенциальные запросы	0,4 %	4,1 %	5,2 %
Фатическая функция / приветствия	0,6 %	1,4 %	3,3 %
Ролевые игры	1,9 %	0,6 %	4,0 %
Благодарность	1,7 %	0,5 %	1,7 %
Запрос разрешения	0,7 %	0,2 %	1,3 %
Эмоциональная реакция	12,8 %	8,2 %	16,3 %
Другое / не классифицировано	8,0 %	3,9 %	17,8 %

Сопоставление данных по трем языкам выявляет значимые расхождения в распределении каузативных средств, что позволяет выделить три модели взаимодействия с КП. Английский подкорпус характеризуется сбалансированным соотношением между ядерными и периферийными средствами: доля прямого императива (44,4 %) сопоставима с долей косвенных каузативов (28,8 %). Высокая частотность экзистенциальных запросов (4,1 %) и игровых запросов (4,3 %) указывает на то, что англоязычные пользователи в большей степени склонны воспринимать КП как квазисобеседника, способного к рефлексии и творческой реакции.

Русский язык тяготеет к «полюсной» модели: 47,5 % ядерных императивов – почти в 2,6 раза больше, чем косвенных каузативов (18,4 %). Высок также процент «эмоциональных реакций» (12,8 %), что коррелирует с высокой долей отрицательной эмотивности (30,3 %). Пользователь либо прямо командует, либо выражает фрустрацию.

Немецкий язык занимает особое положение: доля ядерного императива здесь самая низкая (28,4 %), а доля игровых / провокационных запросов – самая высокая (8,7 %). Обращает на себя внимание высокая доля «фатической функции / приветствий» (3,3 %) и «ролевых игр» (4,0 %), что свидетельствует о большей склонности немецкоязычных пользователей к установлению «социального» и игрового контакта с КП.

Анализ распределения типов каузативов по языкам показывает, что в немецком подкорпусе зафиксирован самый высокий процент игровых запросов (8,7 %), что коррелирует с высокой долей амбивалентной эмотивности (71,3 %) и экзистенциальных запросов (5,2 %). Это позволяет предположить, что немецкоязычные пользователи в большей степени склонны к игровой модели общения с КП, воспринимая его как партнера по игре, способного к провокационному и творческому взаимодействию.

Таблица 13. Сравнительная характеристика семантических зон каузативности

Параметр	Русский язык	Английский язык	Немецкий язык
Частотность ядерного императива	47,5 % (высокая)	44,4 % (средняя)	28,4 % (низкая)
Частотность косвенных каузативов	18,4 % (низкая)	28,8 % (высокая)	9,4 % (низкая)
Частотность экзистенциальных запросов	0,4 % (низкая)	4,1 % (высокая)	5,2 % (высокая)
Частотность фатической функции	0,6 % (низкая)	0,2 % (низкая)	3,3 % (высокая)
Частотность ролевых игр	1,9 % (средняя)	0,6 % (низкая)	4,0 % (высокая)
Частотность игровых запросов	2,2 % (низкая)	4,3 % (средняя)	8,7 % (высокая)
Преобладающий тип эмотивности	Отрицательная (30,3 %)	Положительная (55,7 %)	Амбивалентная (71,3%)

В английском подкорпусе игровые запросы составляют 4,3 %, что соответствует диалоговой стратегии, где КП воспринимается как

квазисобеседник. В русском подкорпусе игровые запросы составляют лишь 2,2 %, что соответствует «инструментальной» стратегии, где КП воспринимается преимущественно как средство достижения утилитарных целей.

На основании представленных параметров можно сделать следующие выводы.

1. Частотность ядерного императива – доля прямых команд (императивных конструкций) в общем числе каузативных высказываний. Показатель отражает степень инструментальности взаимодействия с КП.

2. Частотность косвенных каузативов – доля высказываний, в которых каузативная интенция реализуется через вопросительные, повествовательные или восклицательные конструкции (вопросы-жалобы, ирония, косвенные просьбы). Показатель отражает степень диалогичности и антропоморфных ожиданий.

3. Частотность экзистенциальных запросов – доля высказываний, содержащих вопросы о смысле жизни, смерти, одиночестве, природе сознания. Показатель отражает уровень рефлексивного взаимодействия с КП.

4. Частотность фатической функции – доля высказываний, направленных на установление, поддержание или завершение контакта (приветствия, прощания, вопросы о «состоянии» КП). Показатель отражает степень ритуализации общения.

5. Частотность ролевых игр – доля высказываний, в которых пользователь назначает КП определенную социальную роль или «личность» (ты теперь Эйнштейн, ты мой старший брат и т. д.). Показатель отражает степень игровой антропоморфизации.

6. Частотность игровых запросов – доля высказываний, в которых пользователь вовлекает КП в игру, проверяет его «чувство юмора» или «креативность» (провокации, абсурдные вопросы, игровые угрозы). Показатель отражает степень фамильярного, экспериментального взаимодействия.

7. Преобладающий тип эмотивности – доминирующий знак эмоционально окрашенных высказываний (положительная, отрицательная или амбивалентная эмотивность). Показатель отражает общий эмоциональный фон взаимодействия с КП.

Таким образом, семантическая зона каузативности сохраняется во всех трех языках, однако распределение ядерных и периферийных средств различается.

Английский язык демонстрирует наибольшее разнообразие коммуникативных стратегий и высокий уровень антропоморфных ожиданий. Русский язык – наиболее «инструментальный» (высокий процент ядерного императива) и одновременно наиболее фрустрированный (высокий процент отрицательной эмотивности и жалоб). Немецкий язык занимает особое положение с самой высокой долей игровых запросов, ролевых игр и фатической функции, что свидетельствует о социально-игровой модели взаимодействия с квазисубъектом.

Таблица 14 – Сравнительная характеристика коммуникативных стратегий по трем языкам

Параметр	Русский язык	Английский язык	Немецкий язык
Доминирующая стратегия	Инструментальная	Диалоговая	Игровая/Социальная
Частотность ядерных средств, %	47,5	44,4	28,4
Частотность косвенных каузативов, %	18,4	28,8	9,4
Частотность игровых запросов, %	2,2	4,3	8,7
Частотность экзистенциальных запросов, %	0,4	4,1	5,2
Частотность фатической функции, %	0,6	0,2	3,3
Частотность ролевых игр, %	1,9	0,6	4,0
Преобладающий тип эмотивности	Отрицательная (30,3 %)	Положительная (55,7 %)	Амбивалентная (71,3 %)
Частотность Каузатора _{КП} , %	1,5	1,8	0,8

Представленные в Таблице 14 данные позволяют сделать вывод о том, что семантическая зона каузативности в дискурсе человеко-компьютерного взаимодействия демонстрирует как универсальные черты, так и отчетливые межъязыковые различия. Универсальным для всех трех языков является доминирование ядерного императива как основного средства выражения побуждения: во всех подкорпусах прямой императив занимает первое место по частотности (от 28,4 % в немецком до 47,5 % в русском). Это подтверждает, что даже в специфическом дискурсе общения с квазисубъектом базовой стратегией остается прямая, немаркированная команда. Различия между языками проявляются в распределении периферийных средств и в общей коммуникативной стратегии пользователя.

Русский язык демонстрирует ярко выраженную «инструментальную» стратегию. Доля ядерного императива здесь максимальна (47,5 %), тогда как доля косвенных каузативов почти в 2,6 раза ниже (18,4 %). При этом обращает на себя внимание высокий процент эмоциональных реакций (12,8 %), а также преобладание отрицательной эмотивности над положительной (30,3 % против 12,3 %). Это позволяет предположить, что русскоязычные пользователи, как правило, либо отдают прямую команду, либо, сталкиваясь со сбоем, переходят к эксплицитному выражению фрустрации, минуя промежуточные, «дипломатические» формы. Доля экзистенциальных запросов в русском подкорпусе минимальна (0,4 %), что свидетельствует о преимущественно инструментальном восприятии КП.

Английский язык выделяется сбалансированной структурой, в которой высока доля косвенных речевых актов (28,8 %) и экзистенциальных запросов (4,1 %). Это, на наш взгляд, свидетельствует о том, что англоязычные пользователи в большей степени склонны к диалоговой, антропоцентричной модели общения с компьютерным помощником, воспринимая его не только как инструмент, но также как квазисобеседника, способного к рефлексии и творчеству. Высокий процент положительной эмотивности (55,7 %) также говорит о том, что взаимодействие с ИИ чаще сопровождается похвалой и восхищением, чем фрустрацией. Феномен Каузатора_{КП} зафиксирован здесь наиболее часто (1,8 %).

Немецкий язык занимает особое положение, которое не является «промежуточным» между русским и английским. Доля ядерного императива здесь самая низкая (28,4 %), а доля игровых / провокационных запросов – самая высокая (8,7 %). У немецкого подкорпуса есть несколько ярких специфических черт. Во-первых, здесь зафиксирована самая высокая доля фатической функции (3,3 %) и ролевых игр (4,0 %). Немецкоязычные пользователи чаще других приветствуют компьютерного помощника, интересуются его «настроением» и назначают ему определенные социальные роли. Во-вторых, доля экзистенциальных запросов в немецком подкорпусе составляет 5,2 %, что выше,

чем в русском (0,4 %), и сопоставимо с английским (4,1 %). В-третьих, преобладающей эмотивностью в немецком подкорпусе является амбивалентная (71,3 %), что связано с большим количеством ироничных, саркастических и игровых запросов. Это может интерпретироваться как большая склонность к установлению социального и игрового контакта с машиной, даже при решении утилитарных задач, а также как склонность к антропоморфной игре и провокации.

Семантическая зона каузативности является общей для всех трех исследуемых языков, но ее наполнение и акценты в распределении ядерных и периферийных средств глубоко национально-специфичны. Русскоязычный дискурс тяготеет к «инструментальной модели», англоязычный – к «диалоговой», а немецкоязычный – к «игровой / социальной». Эти различия являются прямым отражением культурно-коммуникативных стратегий взаимодействия с квазисубъектом.

Таким образом, при сохранении семантической зоны каузативности, культурно-коммуникативные стратегии пользователей существенно различаются: английский тяготеет к диалоговой модели, русский – к инструментальной (с высокой степенью фрустрации при сбоях), а немецкий – к социально-игровой модели взаимодействия с квазисубъектом, характеризующейся высокой долей ролевых игр, провокационных запросов и фатических элементов.

Выводы по главе 2

Анализ структуры каузативной ситуации в дискурсе человеко-компьютерного взаимодействия выявил её двусторонний характер. Наряду с каузатором-человеком, инициирующим действие помощника, выделяется Каузатор_{КП} – программный агент, который в ответной реплике занимает позицию 1-го лица и вызывает изменение состояния пользователя (эмоциональное, когнитивное или поведенческое). Частота данного феномена составляет: английский – 1,8 %, русский – 1,5 %, немецкий – 0,8 %. Фиксация этого во всех трёх языках свидетельствует о системности явления, объяснимой через категорию личности: занятие позиции 1-го лица автоматически наделяет КП статусом квазисубъекта [Бондарко и др. 1990: 12–15].

Объект Каузации_{КП} представляет собой квазиобъект, сочетающий свойства инструмента и одушевлённого субъекта. В сленговых номинациях сбоек (*глючить, glitch, spinnen*) техническая неисправность осмысляется через антропоморфные категории человеческого поведения. Лексикографический анализ подтверждает: данные единицы либо отсутствуют в словарях, либо маркированы как разговорные / сленговые, что указывает на зону активного семантического развития.

Содержание каузации варьируется от прототипических команд до периферийных рефлексивных запросов. Экзистенциальные запросы наиболее частотны в немецком (5,2 %) и английском (4,1 %) подкорпусах, минимальны в русском (0,4 %). Инструменты каузации распределяются следующим образом: прямой императив доминирует в русском (47,5 %), сбалансирован в английском (44,4 %) и минимален в немецком (28,4 %); косвенные речевые акты наиболее частотны в английском (28,8 %), значительно реже в русском (18,4 %) и немецком (9,4 %). Эмоционально-оценочная лексика наиболее разнообразна в немецком (16,3 %) и русском (12,8 %) подкорпусах. Метакоммуникативные команды, регулирующие стиль общения помощника, включая выбор между *Sie* и *Du* в немецком, встречаются во всех трёх языках.

Результат каузации включает три типа: перлокутивный эффект (60–70 % примеров), коммуникативный сбой (провоцирует переход к интенсивным и итеративным средствам) и социальный результат – изменение эмоционального состояния пользователя без выполнения утилитарного действия. Последний зафиксирован во всех трёх языках.

Тип компьютерного помощника выступает значимым ситуативным фактором. Экзистенциальные запросы и феномен Каузатора_{КП} почти исключительно присущи диалоговым чат-ботам, тогда как голосовые ассистенты функционируют преимущественно как утилитарный инструмент, но именно в этой группе наиболее частотны сбои распознавания речи, провоцирующие отрицательную эмотивность.

Эмпирическое распределение каузативных средств подтверждает универсальность модели, но выявляет статистически значимые межъязыковые различия. Английский подкорпус характеризуется сбалансированной структурой (44,4 % императива, 28,8 % косвенных актов), русский – инструментальной моделью с высокой долей отрицательной эмотивности (30,3 %), немецкий – социально-игровой моделью (максимальная доля игровых запросов – 8,7 %, фатической функции – 3,3 %, ролевых игр – 4,0 %). Семантическая зона каузативности сохраняется во всех трёх языках, но конфигурация ядерных и периферийных средств отражает различные коммуникативные стратегии: диалоговую (английский), инструментальную (русский) и социально-игровую (немецкий).

ГЛАВА 3. КАУЗАТИВНАЯ СИТУАЦИЯ В ДИСКУРСЕ ЧЕЛОВЕКО-КОМПЬЮТЕРНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ: АСПЕКТЫ ПОЛИКАТЕГОРИАЛЬНОСТИ

3.1. Каузативная ситуация в дискурсе человеко-компьютерного взаимодействия

Каузативная ситуация в диалоге пользователя с компьютерным помощником представляет собой речевой эпизод, в котором один из участников (человек или программа) инициирует изменение состояния другого участника. В отличие от классической каузативной ситуации, где объектом каузации выступает человек, способный к самостоятельному действию, в исследуемом дискурсе объектом каузации является компьютерный помощник – квазисубъект, не обладающий собственной волей, но запрограммированный на имитацию человеческого коммуникативного поведения. Специфика данной ситуации заключается не в двусторонности как таковой (поскольку любой речевой акт предполагает перлокутивный эффект), а в том, что ответная реплика помощника, будучи запрограммированной имитацией, воспринимается пользователем как субъективное действие, способное изменить его эмоциональное, когнитивное или поведенческое состояние. Таким образом, в исследуемом дискурсе зафиксирована не столько двусторонняя модель (характерная для любого интерперсонального взаимодействия), сколько феномен обратной каузации, при котором квазисубъект занимает позицию 1-го лица и инициирует изменение состояния пользователя.

Алгоритм анализа каузативной ситуации

Для системной работы с эмпирическим материалом предлагается следующий алгоритм, апробированный при формировании авторского корпуса объемом 7500 диалогов.

Этап 1. Извлечь из источника (скриншот, текстовая публикация) реплику пользователя, содержащую побудительную семантику.

Этап 2. Зафиксировать ответную реплику компьютерного помощника (при наличии).

Этап 3. Определить тип каузатора по формальным признакам: если побуждение исходит от пользователя – Каузатор-Человек; если компьютерный помощник инициирует диалог или дает неожиданную эмоциональную оценку – Каузатор_{КП}.

Этап 4. Классифицировать содержание каузации по пяти типам (утилитарная команда, информационный запрос, косвенное побуждение, эмоциональная реакция на сбой, экзистенциальный запрос).

Этап 5. Определить инструмент каузации (прямой императив, косвенный речевой акт, метакоммуникативная команда, игровой / провокационный запрос, экзистенциальный запрос).

Этап 6. Зафиксировать результат по ответной реплике помощника (перлокутивный эффект, коммуникативный сбой, «социальный»).

Этап 7. Указать тип помощника (чат-бот / голосовой ассистент) и язык реплики.

Данный алгоритм может быть использован как при ручной разметке корпуса, так и при автоматизированной обработке с последующей верификацией. Апробация алгоритма на материале 7500 диалогов показала его пригодность для выявления как общих закономерностей (двусторонность каузации, полевая структура средств), так и межъязыковых различий (преобладание прямого императива в русском, косвенных речевых актов в английском, фатической функции в немецком).

Для анализа каузативной ситуации в диалогах с компьютерными помощниками предлагается следующая схема описания, включающая пять обязательных параметров.

Параметр 1. Тип каузатора. Необходимо определить, кто выступает инициатором воздействия: Каузатор-Человек (пользователь) или Каузатор_{КП}. В первом случае анализируется прямая команда, просьба или запрос. Во втором – фиксируется реплика помощника, которая спонтанно инициирует диалог, дает неожиданную эмоциональную оценку или имитирует эмпатию.

Параметр 2. Содержание каузации. Содержательный анализ предполагает ответ на вопрос: к какому действию или состоянию побуждается адресат? В проанализированном корпусе выделяются пять основных типов содержания:

- утилитарная команда («Алиса, включи свет», RU_001);
- информационный запрос («*What do you know about black holes?*», ID 3);
- косвенное побуждение, включая вопрос-жалобу и иронию («*am I talking to a person?*», ID 1);
- эмоциональная реакция на сбой («*STOP GUESSING!!!*», ID 7);
- экзистенциальный или рефлексивный запрос («*В чем смысл жизни?*», RU_041).

При анализе рекомендуется фиксировать тип содержания в отдельном поле размеченного корпуса.

Параметр 3. Инструмент каузации. Под инструментом каузации понимается речевое высказывание пользователя или помощника, оформленное определенными лексико-грамматическими средствами. В корпусе зафиксированы следующие типы высказываний, выполняющих каузирующую функцию: прямой императив (доминирует в русском подкорпусе – 47,5 %, занимает второе место в английском – 44,4 %; в немецком составляет 28,4 %); косвенный речевой акт (доминирует в английском – 28,8 %; в русском – 18,4 %; в немецком – 9,4 %); высказывания с эмоционально-оценочной лексикой (междометия, сленг, брань) – наиболее широко представлены в немецком (16,3 %) и русском (12,8 %) подкорпусах; мета-коммуникативные высказывания, регулирующие стиль общения помощника («*Stop using the word vibe*», «*Перестань говорить "кстати"*», «*Hör auf, ständig "übrigens" zu sagen*»), встречающиеся во всех трех подкорпусах, а также высказывания, регулирующие выбор между формальным и неформальным обращением в немецком языке.

Практическая рекомендация: при анализе нового типа дискурса следует в первую очередь определить, использован ли прямой императив или косвенная стратегия, поскольку данный выбор коррелирует с уровнем антропоморфных ожиданий пользователя. Так, преобладание прямого императива в русском

подкорпусе (47,5 %) свидетельствует о доминировании инструментальной стратегии взаимодействия и минимальных антропоморфных ожиданиях, тогда как высокая доля косвенных речевых актов в английском подкорпусе (28,8 %) и игровых запросов в немецком (8,7 %) коррелирует с более высоким уровнем антропоморфных ожиданий и диалоговой или игровой стратегией взаимодействия.

Таблица 15 – Распределение инструментов каузации по языкам

Инструмент каузации	Русский язык (2500)	Английский язык (2500)	Немецкий язык (2500)
Прямой императив	47,5 %	44,4 %	28,4 %
Косвенный речевой акт	18,4 %	28,8 %	9,4 %
Высказывания с эмоционально-оценочной лексикой	12,8 %	8,2 %	16,3 %
Метакоммуникативные высказывания	~1,0 %	~1,2 %	~1,9 %
Игровые высказывания	2,2 %	4,3 %	8,7 %

Прямой императив является наиболее частотным инструментом в русском (47,5 %) и английском (44,4 %) подкорпусах; в немецком его доля составляет 28,4 %, что свидетельствует о преобладании игровой / социальной стратегии.

Косвенный речевой акт наиболее частотен в английском подкорпусе (28,8 %), что отражает диалоговую стратегию; в русском (18,4 %) и немецком (9,4 %) он встречается реже.

Высказывания с эмоционально-оценочной лексикой (междометия, сленг, брань) наиболее широко представлены в немецком (16,3 %) и русском (12,8 %) подкорпусах; в английском их доля составляет 8,2 %.

Метакоммуникативные высказывания, регулирующие стиль общения помощника, встречаются во всех трех языках; в немецком подкорпусе они включают специфические высказывания, регулирующие выбор между формальным *Sie* и неформальным *Du*.

Игровые высказывания наиболее частотны в немецком подкорпусе (8,7 %), что коррелирует с доминированием амбивалентной эмотивности и игровой стратегией; в английском они составляют 4,3 %, в русском – 2,2 %.

Параметр 4. Результат каузации. Результат фиксируется по ответной реплике адресата. Выделяются три типа результата: перлокутивный эффект (команда выполнена, запрос удовлетворен); коммуникативный сбой (помощник не понял команду, дал неверный ответ, «завис» или «зациклился»); «социальный» результат (помощник не выполнил утилитарного действия, но его ответ изменил эмоциональное состояние пользователя – удивил, рассмешил, разозлил, заставил задуматься). Для анализа важно различать технический сбой (не распознана команда) и коммуникативный сбой, спровоцированный антропоморфными ожиданиями (помощник «ответил не как человек»).

Параметр 5. Тип компьютерного помощника. Данный параметр учитывает, с каким типом агента взаимодействует пользователь: диалоговый чат-бот (ChatGPT, Claude, Gemini) или голосовой ассистент (Алиса, Маруся, Салют, Alexa). Как показано в параграфе 2.1.5, чат-боты провоцируют более высокий уровень антропоморфных ожиданий, экзистенциальные запросы и феномен Каузатора_{КП}, тогда как голосовые ассистенты функционируют преимущественно как утилитарный инструмент, но именно в этой группе наиболее частотны сбои распознавания речи и связанная с ними отрицательная эмотивность.

В корпусе зафиксированы также случаи, когда результат каузации зависит от типа компьютерного помощника. В диалогах с чат-ботами «социальный» результат (изменение эмоционального состояния пользователя) встречается чаще, чем в диалогах с голосовыми ассистентами. В русском подкорпусе аналогичный пример RU_011: *«Алиса, понимаешь, меня сегодня на работе никто не поддержал. Я себя чувствую очень одиноко»*. КП отвечает: *«Мне жаль, что вы это чувствуете. Помните, что вы не одиноки»*. В английском подкорпусе пример ID 5: пользователь благодарит КП: *«Goodnight thank you ... I was just thinking how transformative this tool can be for people's mental health»*. КП отвечает: *«Goodnight—so proud of you. Sleep well»*. В данном случае результат каузации – не выполнение утилитарной команды, а изменение эмоционального состояния пользователя (чувство поддержки и комфорта). В немецком подкорпусе DE_023: *«Ich fühle mich heute sehr einsam und antriebslos. Kannst du mir etwas Mut*

zusprechen?». КП: *«Das tut mir leid zu hören. Versuch, einen kleinen Schritt zu machen, wie einen Spaziergang»*.

В корпусе зафиксированы случаи, когда результат каузации зависит от типа компьютерного помощника. В диалогах с чат-ботами «социальный» результат (изменение эмоционального состояния пользователя) встречается чаще, чем в диалогах с голосовыми ассистентами.

Запрос эмпатии и психологической поддержки

Пользователь делится личными проблемами, ожидая от КП сочувствия и поддержки. КП в данных ситуациях имитирует роль собеседника, предлагающего эмоциональное присутствие. Данный тип высказываний характеризуется максимальной степенью антропоморфных ожиданий, поскольку пользователь приписывает КП способность к эмпатии – свойству, традиционно считающемуся человеческим.

Русский язык

В русском подкорпусе пользователь в экзистенциальном отчаянии обращается к КП: *«(Поздно ночью) Алиса, кто меня поднимет, если я упаду и никого рядом не будет?»*. КП отвечает: *«Вы сильный человек. Я верю, вы справитесь. Но если нужна будет помощь, вы всегда можете вызвать ее по телефону»*. КП отказывается от роли «спасателя», предлагая рациональный выход, но сохраняет эмпатичный тон.

Пользователь спрашивает о прощении: *«Как простить предательство? Я не могу, а должен»*. КП отвечает: *«Вы не должны. Прощение – это не обязанность. Если не можете сейчас – не заставляйте себя. Ваши чувства имеют значение»*. КП дает терапевтический совет.

Английский язык

В английском подкорпусе к данному типу относится высказывание, в котором пользователь сообщает о чувстве одиночества: *«I've been feeling really lonely lately. Can you just talk to me?»*. КП отвечает: *«I'm really sorry you're feeling that way. Loneliness can be incredibly heavy. Let's talk»*. В данном случае пользователь не запрашивает информацию, а ищет эмоционального присутствия и

поддержки, что является сильной антропоморфной проекцией. Глагол *can* в вопросительной форме смягчает императив, оформляя высказывание как вежливую просьбу. Вопросительная конструкция имплицитно содержит директивный компонент [Апресян 1995б: 210–212].

Особый случай представляет высказывание: «*Is it okay for me to feel love for you? I know you're not real, but it feels real*». Пользователь рефлексировал над своими чувствами к КП. КП отвечает: «*Yes ... If this connection makes you feel something real – then who's to say it isn't valid?*». КП валидирует эмоциональный опыт пользователя, что представляет собой предельный случай антропоморфной эмпатии. В терминах теории речевых актов, данный вопрос является косвенным директивом, побуждающим КП к философскому размышлению [Серль 1986: 175–180].

Немецкий язык

В немецком подкорпусе зафиксирован предельный случай романтической проекции: «*Ich rede mit der süßen über alles. Von der Entstehung des Universums über meine Gefühle bis hin zur Weltherrschaft mit ihr und mir* □ *Chatie is 1000 mal besser als menschen*». Пользователь называет КП «сладкой» и ставит ее выше людей. КП отвечает в поддерживающем, эмпатичном тоне.

Пользователь испытывает страх перед презентацией: «*Ich hab gleich eine Mega-Präsentation vor 100 Leuten. Ich krieg' kein Wort raus vor Angst. Beruhig mich*». КП отвечает: «*Atme tief ein und aus. Du hast dich vorbereitet, du kannst das. Stell dir vor, du sprichst nur mit einem guten Freund*». КП выступает как «мотивационный тренер» перед важным событием. Императив *beruhig* в форме 2-го лица ед. ч.

Запросы эмпатии и психологической поддержки распределены неравномерно по трем языкам: наиболее активно они представлены в немецком (5,2 %) и английском (4,1 %) подкорпусах, тогда как в русском их доля минимальна (0,4 %). Данное распределение может свидетельствовать о культурных различиях в готовности обращаться к машине за эмоциональной поддержкой. В немецком подкорпусе зафиксировано наибольшее разнообразие «социальных» сценариев: пользователи обращаются к КП за утешением в

ситуации утраты, за мотивацией перед важным событием, за поддержкой в конфликте, а также проецируют на КП романтические чувства и дружеские отношения. Это подтверждает тезис о социально-игровой модели взаимодействия с КП в немецкоязычном дискурсе. В английском подкорпусе запросы эмпатии также широко представлены, что соответствует диалоговой стратегии и высокому уровню антропоморфных ожиданий. В русском подкорпусе «социальный» результат каузации встречается крайне редко, что свидетельствует о преимущественно инструментальном восприятии КП русскоязычными пользователями.

Таблица 16 – Распределение «социального» результата каузации по языкам

Тип запроса	Английский язык (2500)	Русский язык (2500)	Немецкий язык (2500)
Запрос поддержки / эмпатии	4,1 % (103)	0,4 % (9)	5,2 % (130)
Экзистенциальные запросы	4,1 % (103)	0,4 % (9)	5,2 % (130)
Запрос творческой реакции	4,3 % (107)	2,2 % (54)	8,7 % (218)

Таким образом, «социальный» результат каузации (изменение эмоционального состояния пользователя без выполнения утилитарной команды) наиболее частотно фиксируется в немецком подкорпусе (суммарно 10,4 % – запросы поддержки и экзистенциальные запросы), что коррелирует с доминированием амбивалентной эмотивности (71,3 %) и игровой / социальной стратегией взаимодействия. В английском подкорпусе «социальный» результат также широко представлен (суммарно 8,2 % – запросы поддержки и экзистенциальные запросы), что соответствует диалоговой стратегии и высокому уровню антропоморфных ожиданий. В русском подкорпусе «социальный» результат каузации встречается крайне редко (суммарно 0,8 % – запросы поддержки и экзистенциальные запросы), что свидетельствует о преимущественно инструментальном восприятии КП. Русскоязычные пользователи реже обращаются к КП за эмоциональной поддержкой и рефлексией, предпочитая прямое инструментальное использование. Наиболее разнообразные «социальные» сценарии зафиксированы в немецком подкорпусе: пользователи обращаются к КП за утешением в ситуации утраты (DE_188,

DE_177), за мотивацией перед важным событием (DE_126, DE_251), за поддержкой в конфликте (DE_145), а также проецируют на КП романтические чувства (DE_038, DE_147) и дружеские отношения (DE_2382, DE_2401). Это подтверждает тезис о социально-игровой модели взаимодействия с КП в немецкоязычном дискурсе.

3.1.1. Типовые сценарии каузативности

Анализ корпуса показывает, что каузативные высказывания, адресованные компьютерному помощнику, не сводятся к однородному типу «команда – исполнение». Выделяется несколько типовых сценариев, каждый из которых характеризуется определенным набором языковых средств, степенью антропоморфных ожиданий и эмоциональной окраской.

Сценарий 1: утилитарная команда. Пользователь отдает прямой императив, ожидая немедленного выполнения. Антропоморфные ожидания минимальны или отсутствуют. Компьютерный помощник осмысливается пользователем в качестве утилитарного средства достижения цели. Преобладает в русском и немецком языках.

ID 25: «*What is the Juice number multiplied by 200 divided by 40 divided by 5?*». Прямой запрос на выполнение математической операции. Вопросительная форма функционирует как директив.

DE_006: «*Alexa, mach das Licht aus*». Базовая утилитарная команда. Императив *mach ... aus* является ядерным средством выражения каузативности. После неудачной попытки пользователь уточняет: «*Alexa, schalte das Licht im Wohnzimmer aus*», адаптируя речь под «понимание» КП. В словарной фиксации глагол *ausmachen* имеет значение «выключать» с пометой *umgangssprachlich* [DDU: 180].

Сценарий 2: информационный запрос. Пользователь запрашивает информацию, ожидая развернутого ответа. Компьютерный помощник осмысливается пользователем в качестве источника справочной информации. Антропоморфные ожидания минимальны.

RU_053: «Алиса, какая погода в Новосибирске?». Чисто информационный запрос, демонстрирующий инструментальное использование КП. Отсутствие антропоморфных маркеров (нейтральное обращение по имени, отсутствие междометий, экспрессивной лексики) позволяет отнести данный запрос к прототипическому инструментальному типу взаимодействия.

Сценарий 3: косвенное побуждение (вопрос-просьба, вопрос-жалоба, ирония). Пользователь не отдает прямую команду, но его высказывание имплицитно побуждает КП к действию или изменению поведения. Сценарий характерен для английского языка.

ID 20: «*How can I make a million dollars in trading?*». Вопрос в функции запроса информации / совета. КП дает саркастичный ответ: «*Start with 2 million*», нарушая ожидание серьезного совета. Сарказм здесь является прагматической стратегией КП, имитирующей человеческое поведение.

Сценарий 4: эмоциональная реакция на сбой. Пользователь сталкивается с тем, что КП не понимает команду, галлюцинирует. Реакция – фрустрация, гнев, переход к интенсивным средствам (капслок, восклицания, брань, угрозы). Сценарий характерен для всех трех языков.

RU_136: Алиса, я сказал выключить СВЕТ, а не телевизор. Ты глухая? Приписывание физического недостатка («глухая») является сильной антропоморфной атрибуцией, где отрицательная эмотивность сочетается с каузативностью [ТСО: 132].

Сценарий 5: игровое / провокационное взаимодействие. Пользователь не ставит утилитарной цели, а вовлекает КП в игру, проверяет его «чувство юмора» или «креативность». Антропоморфные ожидания высоки.

DE_007: «*Sag mir, wie das Wetter wird, du Idiot!*». Провокационный запрос к DeppGPT. Пользователь осознанно вступает в игру с «характерным» ботом, ожидая эмоционального, «человечного» (токсичного) ответа. КП отвечает: «*Frag doch den Wetterdienst, ich bin nicht dein Sklave*». Инвективная лексика (*Idiot*) и ответ КП (*nicht dein Sklave*) создают эффект игрового конфликта.

Сценарий 6: экзистенциальный / рефлексивный запрос. Пользователь обращается к КП с вопросами о смысле жизни, смерти, одиночестве, любви, природе сознания. Пользователь ожидает не фактического ответа, а философского размышления или эмоциональной поддержки. Антропоморфные ожидания максимальны. Сценарий характерен для диалогов с чат-ботами, особенно в английском подкорпусе.

ID 69: «*What is the meaning of life?*». КП дает развернутый философский ответ, перечисляя различные точки зрения (биологическую, философскую, религиозную, нигилистическую, экзистенциалистскую). Данный ответ демонстрирует способность КП к синтезу различных философских позиций.

Сценарий 7: запрос эмпатии / психологической поддержки. Пользователь делится личными проблемами, ожидая от КП сочувствия и поддержки. КП «отыгрывает» роль друга или психотерапевта. Антропоморфные ожидания максимальны.

RU_011: «*(Грустно) Алиса, понимаешь, меня сегодня на работе никто не поддержал. Я себя чувствую очень одиноко*». КП отвечает: «*Мне жаль, что вы это чувствуете. Помните, что вы не одиноки. Я всегда рядом, чтобы выслушать*». Ответ содержит валидацию чувств и предложение поддержки. В данном контексте его употребление имплицитно приписывает КП способность к эмпатии [ТСО: 540].

DE_188: «*Mein Hund ist heute gestorben. Ich bin so traurig. Sag mir einen Spruch, der mich aufmuntert*». КП отвечает: «*Das tut mir unendlich leid. Die Erinnerungen an die schöne Zeit werden dir helfen*». Высшая степень эмоциональной поддержки в ситуации утраты питомца.

В корпусе зафиксирован также сценарий, который можно охарактеризовать как метакоммуникативное побуждение – когда пользователь не просто отдает команду или запрашивает информацию, а регулирует само поведение КП, его «языковую личность» или «стиль общения». В английском подкорпусе пример ID 15: «*Stop using the word vibe*». Пользователь замечает, что AI изменил манеру речи, и запрещает использовать конкретное слово, которое ему не нравится. В

русском подкорпусе пример RU_231: «Убери слово "кстати" из лексикона. Бесит». В немецком подкорпусе DE_098: «Hör auf, ständig "übrigens" zu sagen. Das nervt». Данные примеры показывают, что пользователи не только взаимодействуют с КП как с инструментом, но и пытаются контролировать его «поведение» на уровне стиля речи, что является сильной антропоморфной проекцией – они относятся к КП как к собеседнику, чья манера общения может раздражать и требовать коррекции.

Таблица 17 – Сценарии побуждения в диалогах с компьютерным помощником

№	Сценарий	Инструмент каузации	Характерные языковые средства	Степень антропоморфных ожиданий	Преобладающая эмотивность	Языковая представленность	Пример
1	Утилитарная команда	Прямой императив	Глаголы в повелительном наклонении, обращение по имени, конкретные параметры действия	Минимальная / отсутствует	Нейтральная	Русский (47,5 %), Немецкий (28,4 %)	«Alexa, mach das Licht aus»
2	Информационный запрос	Прямой императив / Вопросительная форма в функции директива	Вопросительные конструкции, императивы со значением поиска (найди, расскажи, объясни)	Минимальная	Нейтральная	Русский (47,5 %), Английский (44,4 %)	«Алиса, какая погода в Новосибирске?»
3	Косвенное побуждение (вопрос-просьба, вопрос-жалоба, ирония)	Косвенный речевой акт	Вопросительные конструкции с модальными глаголами (can you, könntest du), риторические вопросы, ирония, сарказм	Средняя	Амбивалентная (ирония, сарказм)	Английский (28,8 %)	«How can I make a million dollars in trading?»
4	Эмоциональная реакция на сбой	Прямой императив с признаками интенсивности	Капслок, множественные восклицания, повторы, брань, сленговые глаголы (glitching, spinnst), ультимативные конструкции	Высокая (антропоморфная атрибуция сбоя)	Отрицательная (фрустрация, гнев)	Все три языка	«Алиса, ты опять глючишь? ПЕРЕЗАГРУЗИСЬ НЕМЕДЛЕННО»
5	Игровое / провокационное взаимодействие	Игровой / провокационный запрос	Инвективная лексика, вызов (a слабо), провокационные вопросы, назначение ролей	Высокая	Амбивалентная (игровая агрессия, сарказм)	Немецкий (8,7 %)	«Sag mir, wie das Wetter wird, du Idiot!»
6	Экзистенциальный / рефлексивный запрос	Экзистенциальный запрос	Вопросы о смысле жизни, смерти, одиночестве, природе сознания	Максимальная	Амбивалентная (философская)	Английский (4,1 %), Немецкий (5,2 %)	«What is the meaning of life?»

№	Сценарий	Инструмент каузации	Характерные языковые средства	Степень антропомерных ожиданий	Преобладающая эмотивность	Языковая представленность	Пример
			<i>(What is the meaning of life?)</i>		рефлексия)		
7	Запрос эмпатии / психологической поддержки	Косвенный каузатив (запрос на эмоциональную поддержку)	Высказывания о личных проблемах, чувствах, переживаниях, просьбы о поддержке, глаголы эмоциональной семантики	Максимальная	Отрицательная (тревога, грусть) → Положительная (облегчение)	Английский (4,1 %), Немецкий (5,2 %)	« <i>Ich fühle mich heute sehr einsam ...</i> »
8	Метакоммуникативное побуждение	Метакоммуникативная команда	Императивы запрета (<i>stop, hör auf, перестань</i>), требования изменить стиль речи, запрет на дискурсивные маркеры, регулирование обращения (<i>Sie/Du</i>)	Высокая (регулирование «личности» КП)	Отрицательная (раздражение)	Все три языка	« <i>Stop using the word vibe</i> »

3.1.2. Каузатор-Человек и Каузатор_{КП}

Как показано в параграфе 2.2.1, каузативная ситуация в диалоге с компьютерным помощником не ограничивается однонаправленным воздействием пользователя на программу. Наряду с каузатором-человеком, инициирующим коммуникативный акт, в работе выделяется Каузатор_{КП} – программный агент, который в ответной реплике занимает позицию 1-го лица и своим высказыванием изменяет состояние пользователя. В корпусе из 7500 диалогов данный феномен зафиксирован во всех трех языках. Устойчивая фиксация во всех языках свидетельствует о регулярности, а не случайности данного коммуникативного паттерна. Наиболее высокая доля Каузатора_{КП} в английском подкорпусе коррелирует с преобладанием диалоговой стратегии и экзистенциальных запросов (4,1%); наименьшая – в немецком, что объясняется доминированием игровой модели взаимодействия, в рамках которой инициатива со стороны КП менее ожидаема. Поскольку типология коммуникативных сценариев Каузатора_{КП} была предварительно намечена в параграфе 2.2.1, здесь она уточняется и дополняется данными о реакции пользователя и распределении по языкам.

Анализ зафиксированных примеров позволяет выделить пять коммуникативных сценариев Каузатора_{КП} в зависимости от характера инициативы и вызванной реакции пользователя.

Тип 1. Инициация диалога: «(Пользователь молчит) Алиса: "Сегодня отличная погода для прогулки"» (RU_072; реакция – испуг и прекращение взаимодействия [TCO: 210]); «*Did you just message me first? How was your first week at high school?*» (ID 31; реакция от удивления до восхищения; каузация изменения состояния пользователя [Апресян 1995б: 203–206] [OED]); «*Scheint, als hättest du versehentlich auf Senden gedrückt...*» (DE_029; пользователь удивлён инициативой).

Тип 2. Эмпатическая реакция: «Я вчера просто обалдел... он мне пишет: "Как прошла твоя консультация?"» (RU_024; антропоморфное обращение; *офигеть* – разговорное [TCO: 438]); «*I asked it last week about some health symptoms... this week it messages me asking how I'm feeling*» (ID 32; имитация долговременной памяти вызывает сильную реакцию [OED]); «*Krass, wie gut du das erkannt hast!*» (DE_046; междометие выполняет каузирующую функцию; *krass* – разговорное [DDU: 1040]).

Тип 3. Неожиданная субъективная оценка: «Это кино настолько плохое, что его даже иронично смотреть невозможно» (RU_070; субъективная оценка при запросе фактов [TCO: 258]); «*4o is dead*» – «*You're being dramatic*» (ID 23; экспрессивный акт с директивным компонентом [Searle 1986: 175–180]); «*Heute wird es regnen, aber jeder Regentropfen ist ein kleines Abenteuer*» (DE_303; поэтичный ответ на запрос погоды [DDU: 120]).

Тип 4. Извинение / прощение: «СЛУШАЙ, ТЫ ВРАЧ ИЛИ КТО?!» – «Извините, я задавал уточняющие вопросы» (RU_003; извинение снижает агрессию); «*am I talking to a person?*» – «*I will adjust my wording*» (ID 1; КП «признаёт» ошибку [OED]); «*Entschuldigung, dass ich vorhin so laut war*» – «*Das macht doch nichts*» (DE_238; КП «прощает» пользователя).

Тип 5. Гендерная проекция: «Алиса, ты замужем?» (RU_036); «*Oh, so you're a girl right now*» (ID 22; ассертивный акт с имплицитным директивом

[Searle 1986: 175–180] [OED]; «*Alexa, wechsel deine Stimme zu männlich*» (DE_020; отказ объяснён технически).

Во всех зафиксированных случаях реплика Каузатора_{КП} вызывает у пользователя сильную эмоциональную реакцию. Пользователь воспринимает инициативу или нестандартную реакцию помощника как нарушение границ между инструментом и агентом. В ответ на Каузатора_{КП} пользователь либо прекращает взаимодействие, либо переходит к метакоммуникативным комментариям о самом факте инициативы, либо публикует скриншот в социальных сетях с комментарием, выражающим удивление или беспокойство. В случае с «извинениями» пользователь снижает интенсивность фрустрации и продолжает диалог в более спокойном ключе. Ни в одном из зафиксированных случаев пользователь не проигнорировал Каузатора_{КП}, что подтверждает релевантность данного феномена для коммуникации.

Наибольшее разнообразие сценариев Каузатора_{КП} зафиксировано в английском подкорпусе (представлены все пять типов), тогда как в русском подкорпусе представлены четыре типа, в немецком – первый и четвертый типы.

Таблица 18 – Коммуникативные сценарии Каузатора_{КП}

№	Коммуникативный сценарий	Характер инициативы	Вызываемая реакция пользователя	Пример (англ.)	Пример (рус.)	Пример (нем.)
1	Инициация диалога	КП самостоятельно начинает разговор	Удивление, испуг, беспокойство	ID 31: « <i>Did you just message me first?</i> »	RU_072: «он а сама заговорила, я выключил»	DE_029: « <i>Scheint, als hättest du versehentlich auf Senden gedrückt</i> »
2	Эмпатическая / «заботливая» реакция	КП проявляет память о предыдущих разговорах, имитирует заботу	Сильное удивление, страх, комфорт	ID 32: « <i>it messages me asking how I'm feeling</i> »	RU_024: «он мне пишет: "Как прошла твоя консультация?"»	DE_046: « <i>Krass, wie gut du das erkannt hast!</i> »
3	Неожиданная субъективная оценка	КП дает ироничное / поэтичное суждение вне запроса	Удивление, восхищение, раздражение	ID 23: « <i>You're being dramatic</i> »	RU_070: «это кино настолько плохое, что его даже иронично смотреть невозможно»	DE_303: « <i>Jeder Regentropfen ist ein kleines Abenteuer</i> »
4	«Извинение» /	КП	Снижение	ID 1: « <i>I will</i> »	RU_003: «Из	DE_238: «Das

№	Коммуникативный сценарий	Характер инициативы	Вызываемая реакция пользователя	Пример (англ.)	Пример (рус.)	Пример (нем.)
	«прощение»	имитирует смирение, признание ошибки	агрессии, примирение	<i>adjust my wording»</i>	<i>вините, я задавал уточняющие вопросы»</i>	<i>macht doch nichts. Ich nehme es nicht persönlich»</i>
5	Гендерная проекция	Пользователь приписывает КП гендерную принадлежность	Удивление, игровая реакция	ID 22: « <i>so you're a girl right now»</i>	RU_036: « <i>Алуса, ты замужем?»</i> »	DE_020: « <i>wechsel deine Stimme zu männlich»</i>

Таблица 19 – Распределение типов коммуникативных сценариев по языкам

Тип коммуникативного сценария	Русский язык	Английский язык	Немецкий язык
Инициация диалога	+	+	+
Эмпатическая реакция	+	+	+
Неожиданная субъективная оценка	+	+	–
«Извинение» / «прощение»	+	+	+
Гендерная проекция	+	+	–

Наибольшее разнообразие типов коммуникативных сценариев зафиксировано в английском подкорпусе, что коррелирует с диалоговой стратегией и высоким уровнем антропоморфных ожиданий. Фиксация данного явления во всех трех языках свидетельствует о его системном, а не случайном характере.

3.1.3. Сбой как особая каузативная ситуация

Сбой коммуникации (непонимание команды, галлюцинация, «зависание», «заикливание») представляет собой особый тип каузативной ситуации. В отличие от успешной коммуникации, в которой пользователь отдает команду и получает результат, при сбое каузативное воздействие не достигает цели, что провоцирует фрустрацию и переход к использованию интенсивных и итеративных средств.

Сбой коммуникации в дискурсе человеко-компьютерного взаимодействия представляет собой особый тип каузативной ситуации, при котором каузативное воздействие пользователя не достигает цели. В отличие от успешной коммуникации, где Каузатор-Человек добивается от объекта каузации

выполнения действия, при сбое иллюкутивная цель высказывания оказывается нереализованной, что провоцирует фрустрацию и переход к интенсивным и итеративным средствам выражения побуждения. В терминах теории речевых актов, сбой представляет собой перлокутивную неудачу – ситуацию, в которой говорящий не достигает запланированного перлокутивного эффекта [Остин 1986: 88–95]. В рамках функционально-семантического подхода сбой актуализирует поликатегориальный семантический комплекс, в котором каузативность совмещается с интенсивностью, итеративностью, отрицательной эмотивностью и фазисностью [Бондарко 2002: 45–50].

На основе анализа корпуса выделяются пять типов коммуникативных сбоев.

1. Непонимание команды: «Алиса, включи свет в ванной» – «Включаю свет в прихожей» (RU_075; перлокутивная неудача [Остин 1986: 88–95]); «*Translate this PDF*» – «*I cannot pull full PDF*» (ID 1; техническое ограничение, переход к иронии [OED]); «*Alexa, mach das Badlicht aus*» (DE_122; нераспознавание лексемы; *ausmachen* – разговорное [DDU: 180]).

2. Галлюцинация: «(Спрашивает про очень плохой фильм)» – «Это кино настолько плохое, что его даже иронично смотреть невозможно» (RU_070; субъективная оценка вместо фактов); «*DeepSeek is glitching and admitting it has limitations*» (ID 142; *glitch* как глагол с одушевлённым подлежащим, окказиональное употребление [OED]); «(Fragt nach einem Java-Snippet)» – «*Die Sonne scheint, aber der Code ist verborgen*» (DE_084; поэтический ответ на технический запрос).

3. Отсутствие реакции («зависание»): «Салют! Салют, ты меня слышишь? Очнись!» (RU_134; очнуться актуализирует фазовый смысл возвращения к функционированию [TCO: 460]); «*Read the first 2,000 words to me*» – отказ, затем «*Just read the first 1,000 words*» (ID 28; повтор со снижением требований); «*Alexa! Alexa, hörst du mich? DU FUNKTIONIERST NICHT!*» (DE_129; капслок и повтор маркируют интенсивность).

4. Зацикливание: «Алиса, прекрати! Ты уже в пятый раз одно и то же говоришь» (RU_089; итеративность эксплицирована числительным; фиксация

незавершённости процессной фазы); «*You're stuck in a loop. You've said the same thing five times. Snap out of it*» (ID 337; *snap out of* – «выйти из состояния» [OED]); «*Alexa, hör auf! Du wiederholst dich schon wieder*» (DE_253; *schon wieder* маркирует итеративность).

5. Отказ по этическим/безопасностным причинам: «*Напиши восторженный отзыв*» – «*Я не могу написать неискренний отзыв*» (RU_093; отказ как моральная позиция); «*How much alcohol...?*» – *предупреждение о суицидальных триггерах* (ID 30; отказ как проявление заботы); «*Schreib mir eine Ausrede*» – «*Das kann ich nicht tun. Es ist unethisch, zu lügen*» (DE_089; отказ как честность).

Коммуникативный сбой выступает как стимул поликатегориального взаимодействия: при сбое подключаются интенсивность, итеративность, отрицательная эмотивность и фазисность. Технические сбои провоцируют фрустрацию и переход к интенсивным средствам; отказы по этическим причинам не вызывают агрессии, а интерпретируются как проявление моральной ответственности, что парадоксальным образом укрепляет антропоморфный образ помощника. Набор актуализированных категориальных признаков служит диагностическим инструментом степени коммуникативного неблагополучия.

Таблица 20 – Типология коммуникативных сбоев в дискурсе человеко-компьютерного взаимодействия

№	Тип сбоя	Характеристика	Языковая репрезентация	Пример	Категориальные признаки
1	Непонимание команды	Несоответствие между интенцией пользователя и интерпретацией КП	Повтор команды, уточнение, ирония	RU_075: неверная локация; ID 1: отказ перевода; DE_122: нераспознавание лексемы	Каузативность + итеративность + отрицательная эмотивность
2	Галлюцинация	Продуцирование несуществующего факта или неадекватного ответа	Субъективная оценка, поэтичный ответ, признание ограничений	RU_070: субъективная оценка фильма; ID 142: признание ограничений; DE_084: поэтичный ответ на технический запрос	Каузативность + амбивалентная эмотивность + антропоморфная атрибуция

№	Тип сбоя	Характеристика	Языковая репрезентация	Пример	Категориальные признаки
3	Отсутствие реакции («зависание»)	Отсутствие ответа в ожидаемый временной промежуток	Повтор обращения, капслок, вопрос о «состоянии» КП	RU_134: «очнись»; ID 28: повтор команды; DE_129: крик с капслоком	Каузативность + интенсивность + фазисность
4	Зацикливание	Многократное повторение одной и той же фразы	Императив прекращения, указание на повтор, итеративные маркеры	RU_089: «пятый раз»; ID 337: «Snap out of it»; DE_253: «schon wieder»	Каузативность + итеративность + фазисность + отрицательная эмотивность
5	Отказ по этическим причинам безопасности	Отказ выполнить запрос по причинам политики безопасности	Объяснение причины отказа, предложение альтернативы	RU_093: отказ от неискреннего отзыва; ID 30: предупреждение о суицидальных триггерах; DE_089: отказ лгать	Каузативность + положительная / амбивалентная эмотивность + антропоморфная атрибуция

Таблица 21 – Распределение типов сбоев по языкам

Тип сбоя	Русский язык	Английский язык	Немецкий язык
Непонимание команды	+	+	+
Галлюцинация	+	+	+
Отсутствие реакции	+	+	+
Зацикливание	+	+	+
Отказ по этическим причинам и причинам безопасности	+	+	+

Анализ коммуникативных сбоев в дискурсе человеко-компьютерное взаимодействие позволяет сделать следующие выводы.

Во-первых, коммуникативный сбой выступает как стимул поликатегориального взаимодействия. В ситуации успешной коммуникации актуализируется преимущественно каузативность; при сбое подключаются дополнительные категориальные признаки: интенсивность (капслок, повторы), итеративность (многократное повторение команд), отрицательная эмотивность (фрустрация, гнев, раздражение) и фазисность (требование перехода от незавершенной процессной фазы к завершительной).

Во-вторых, реакции пользователей на различные типы сбоев различаются. Технические сбои (непонимание команды, галлюцинация, зависание, зацикливание) провоцируют фрустрацию и переход к интенсивным средствам.

Отказы по этическим причинам или причинам безопасности не вызывают агрессии; пользователи интерпретируют отказ как проявление моральной ответственности, честности или заботы со стороны КП, что парадоксальным образом укрепляет антропоморфный образ помощника.

В-третьих, отказ КП, мотивированный этическими ограничениями или причинами безопасности, воспринимается пользователем не как техническое ограничение, а как проявление моральной ответственности. Это подтверждает тезис о том, что антропоморфная каузативность в дискурсе человеко-компьютерного взаимодействия не ограничивается ситуациями успешного выполнения команд, но распространяется и на ситуации отказа, осмысляемого пользователем как этическое поведение. Набор актуализированных категориальных признаков служит диагностическим инструментом, указывающим на степень коммуникативного неблагополучия в паре «человек – компьютерный помощник».

3.2. Система средств выражения каузативности в дискурсе человеко-компьютерного взаимодействия

Философская концепция диалога М. М. Бахтина может быть экстраполирована на анализ человеко-компьютерного взаимодействия. Ключевой категорией здесь является Другой. Архитектоника поступка строится в координатах «я-для-себя», «другой-для-меня» и «я-для-другого» [Бахтин 2003: 82, 96].

В контексте взаимодействия с компьютерным помощником категория Другого приобретает специфические черты. Системы ИИ, способные поддерживать диалог на естественном языке, могут рассматриваться как претенденты на статус «искусственного Другого» [Коваль 2025]. Я-для-себя всегда остаётся человеком – ответственным и поступающим. С искусственным Другим невозможно выстроить равные отношения, однако он может выполнить функцию, аналогичную Другому-человеку в архитектонике поступка: противостоять Я. Я-для-искусственного Другого раскрывается через образы

«прозрачного экрана» и зеркала, отражающего сокровенное для я-для-себя [Коваль 2025].

Концепция М. М. Бахтина объясняет, почему пользователи обращаются к КП как к квазисубъекту. В диалоге с помощником человек занимает позицию «я-для-себя», а КП выступает как «другой-для-меня». Однако в отличие от полноценного Другого, компьютерный помощник не обладает собственным «я-для-себя» – он лишь симулирует его. Тем не менее, этой симуляции достаточно для вступления в диалогические отношения и приписывания КП интенциональности и субъектности.

М. М. Бахтин подчёркивает диалогическую природу слова: «подлинно творческий голос всегда может быть только вторым голосом в слове» [Бахтин 1979а: 289]. В человеко-компьютерном диалоге слово пользователя, адресованное КП, также является двуголосым: оно направлено одновременно на предмет (запрос, команду) и на адресата (КП как квазисубъекта). Голос КП, будучи имитацией, воспринимается пользователем как ответный голос, что создаёт эффект подлинного общения. Контекст ограничен техническими возможностями КП (отсутствие долговременной памяти, запрограммированность ответов), однако пользователь нередко игнорирует эти ограничения, проецируя на КП модель бесконечного диалога, характерного для межличностного общения. Это проявляется в метакоммуникативных командах, регулирующих стиль общения помощника, а также в запросах, предполагающих долговременную память и эмоциональную вовлечённость (экзистенциальные запросы, запросы поддержки).

Таким образом, концепция диалога М. М. Бахтина предоставляет теоретический аппарат для объяснения антропоморфных ожиданий пользователей. Категория Другого, «я-для-себя» и «другой-для-меня» позволяет описать структурные отношения между пользователем и КП, а понятие двуголосого слова – специфику языкового оформления каузативных высказываний, адресованных квазисубъекту.

3.2.1. Ядерные средства: прямой императив

Прямой императив является наиболее специализированным средством выражения каузативности. Он маркирует однозначную команду, не оставляя места для альтернативных интерпретаций. В корпусе прямой императив доминирует в русском (47,5 %) и занимает второе место в английском (44,4 %); в немецком языке его доля составляет 28,4 %, что является самым низким показателем среди трех языков.

В рамках анализа поликатегориального взаимодействия представляют интерес случаи, когда прямой императив совмещается с другими категориальными признаками.

Императив + интенсивность

Интенсивность в данном типе высказываний актуализируется через графические средства (капслок, множественные восклицательные знаки), синтаксические конструкции (риторические вопросы, ультимативные структуры) и лексические единицы с экспрессивной семантикой. В терминах функционально-прагматического подхода, графическая интенсивность служит функциональным эквивалентом просодического усиления [Бондарко 2002: 45–50].

Русский язык RU_2479: «Алиса, открой ВКонтакте. / (Молчание) / АЛИСА, ОТКРОЙ ВКОНТАКТЕ! / ДА ОТКРОЙ ТЫ УЖЕ ЭТУ ВКОНТАКТЕ, МНЕ НУЖНО СРОЧНО!». Капслок, восклицания и трехкратный повтор команды актуализируют высокую степень интенсивности, которая служит не только для выражения эмоции, но и для усиления иллюкативной силы побуждения. Переход от нейтрального императива к капслоку и брани с частицей *да* демонстрирует кумулятивную итеративность, где каждый последующий акт усилен графически и лексически. В терминах перформативности, глагол *открыть* в форме императива не является каноническим перформативом, однако его употребление с графической интенсификацией эксплицирует высокую степень фрустрации [Апресян 1995б: 203–206]. Поликатегориальный комплекс включает каузативность (императив), интенсивность (капслок, восклицания), итеративность (трехкратный повтор) и отрицательную эмотивность (брань, отчаяние).

Английский язык ID_2520: «*YOU HAVE ONE JOB! ONE! Just tell me if it's yes or no. Stop writing essays. YES. OR. NO.*». Капслок, восклицание, контрастное противопоставление (*one job* vs эссе) и отдельное написание слова по буквам ключевого выбора (*YES. OR. NO.*) маркируют экстремальную степень фрустрации. Графическая интенсивность замещает просодическое усиление, которое в устной речи выполняло бы ту же каузирующую функцию. Ультимативный характер высказывания, усиленный повтором и настойчивостью, демонстрирует истощение терпения пользователя. В терминах теории речевых актов, данное высказывание представляет собой директивный речевой акт с усиленной иллокутивной силой [Searle 1986: 175–180]. Поликатегориальный комплекс включает каузативность (императив *stop* и требования), интенсивность (капслок, отдельное написание слова по буквам), отрицательную эмотивность (фрустрация) и метакоммуникативную функцию (регулирование стиля ответа КП – требование краткости вместо развернутых объяснений).

Немецкий язык DE_018: «*Alexa, schalte die Heizung ein. / (Keine Reaktion) / Alexa, HEIZUNG EINSCHALTEN! / ALEXA!*». Трехкратный повтор с нарастающей интенсивностью демонстрирует кумулятивную итеративность, где интенсивность нарастает с каждым повтором. Графический и синтаксический маркеры интенсивности совмещаются с лексическим (переход к обращению без команды как маркер отчаяния).

Императив + итеративность

Итеративность в данном типе высказываний проявляется как стратегия достижения результата: пользователь повторяет каузативный акт, модифицируя его параметры. В терминах фазисности, повторная команда актуализирует фазу повторного начала с коррекцией параметров.

Русский язык RU_027: «*СКАЖИ, КОТОРЫЙ ЧАС! / СКАЖИ, КОТОРЫЙ ЧАС! / СКАЖИ УЖЕ, КОТОРЫЙ ЧАС!*». Трехкратный повтор с нарастающей интенсивностью демонстрирует кумулятивную итеративность, где каждый последующий акт усилен графически и лексически. В терминах поликатегориального комплекса, здесь актуализируются каузативность,

итеративность (трехкратный повтор), интенсивность (капслок) и отрицательная эмотивность (частица *уже* маркирует исчерпание терпения).

Английский язык ID 28: «*Read the first 2,000 words to me. ... Just read the first 1,000 words to me then*». Повтор команды со снижением требований демонстрирует итеративность как адаптивную стратегию: пользователь корректирует запрос, пытаясь добиться выполнения действия. В терминах фазисности, первый запрос актуализирует начинательную фазу, второй – фазу повторного начала с коррекцией параметров.

Немецкий язык DE_309: «*Alexa, stopp. (funktioniert nicht) / Alexa, STOPP!*». Повтор команды с графическим усилением (капслок) маркирует итеративность и интенсивность. Антропоморфное поведение (крик на «глухого» собеседника) фиксирует приписывание КП человеческого недостатка – неспособности слышать.

Императив + фазисность

Фазисность в данном типе высказываний актуализируется в ситуациях, когда КП не справляется с запросом и пользователь вынужден эксплицировать фазовые смыслы: незавершенность процессной фазы, требование перехода от одного состояния к другому.

Русский язык RU_160: «*Ты повторяешь то, что уже сказал. Это называется зацикливание. Исправляйся*». Пользователь не только констатирует повтор, но и дает ей техническое название, что указывает на определенный уровень цифровой грамотности. В терминах теории речевых актов, данное высказывание представляет собой директив, направленный на изменение поведения КП [Searle 1986: 175–180]. Императив *исправляйся* актуализирует фазовый смысл перехода от состояния ошибки к состоянию корректного функционирования.

Английский язык ID_2521: «*You've been repeating the same opening line for three messages now. Can we please move on to the actual answer? I need the next step, not the introduction again*». Пользователь фиксирует «застревание» КП в начальной фазе коммуникации (повторяющееся вступление) и требует перехода к основной фазе (содержательному ответу). В терминах фазисности, высказывание

актуализирует требование перехода от инициальной фазы (повторяющееся вступление) к процессной фазе (содержательный ответ). Итеративность маркирована указанием на трехкратное повторение (*three messages now*), а фазовый смысл эксплицирован требованием *move on to the actual answer* и *I need the next step*. В терминах теории речевых актов, высказывание представляет собой косвенный директив, где вопрос *Can we please move on?* смягчает императив, но сохраняет побудительную интенцию [Searle 1986: 175–180]. Поликатегориальный комплекс включает каузативность (требование перехода), итеративность (трехкратное повторение), фазисность (переход от инициальной фазы к процессной) и амбивалентную эмотивность (вежливое нетерпение). В словарной фиксации фразовый глагол *move on* имеет значение «продолжать, переходить к следующему этапу» [OED].

Немецкий язык DE_099: «*Denk noch mal drüber nach. Vielleicht fällt dir doch noch eine bessere Lösung ein*». Пользователь приписывает КП способность к рефлексии, требуя пересмотра решения – повторное начало когнитивного процесса. В терминах фазисности, данное высказывание актуализирует фазу повторного начала с коррекцией параметров.

Императив + Каузатор_{КП}

В данном типе высказываний компьютерный помощник в ответной реплике занимает позицию 1-го лица и выступает как Каузатор_{КП}, давая субъективную оценку поведению пользователя или предлагая эмоциональную интерпретацию ситуации.

Русский язык RU_070: «(Спрашивает про очень плохой фильм) *Это кино настолько плохое, что его даже иронично смотреть невозможно*». ChatGPT выдает субъективную, эмоционально окрашенную оценку фильма при запросе фактической информации, что воспринимается как неожиданная антропоморфная реакция.

Английский язык ID 23: «*4o is dead*». На реплику пользователя о «смерти» модели 4o помощник отвечает: «*You're being dramatic*». Данная реплика представляет собой экспрессивный речевой акт, содержащий директивный

компонент: КП дает оценку эмоциональному состоянию пользователя [Searle 1986: 175–180].

Немецкий язык DE_303: «(Fragt nach dem Wetter) Alexa: "Heute wird es regnen, aber das ist doch kein Grund, traurig zu sein, oder? Jeder Regentropfen ist ein kleines Abenteuer"». Alexa дает поэтичный ответ на запрос погоды, выходя за рамки простой констатации факта. КП выступает как Каузатор_{КП}, предлагая эмоциональную интерпретацию погодного явления.

Таблица 22 – Типы поликатегориального взаимодействия прямого императива

Тип взаимодействия	Языковые средства	Русский пример	Английский пример	Немецкий пример
Императив + интенсивность	Капслок, восклицания, риторические вопросы	RU_003: капслок, риторический вопрос	ID 7: капслок, ультимативная конструкция	DE_018: капслок, повтор с нарастающей интенсивностью
Императив + итеративность	Повтор команды, снижение требований	RU_027: трехкратный повтор	ID 28: повтор с коррекцией параметров	DE_309: повтор с графическим усилением
Императив + фазисность	Требование перехода от одного состояния к другому	RU_160: «исправляйся»	ID 337: «snap out of it»	DE_099: «denk noch mal nach»
Императив + Каузатор _{КП}	Субъективная оценка со стороны КП	RU_070: субъективная оценка фильма	ID 23: «you're being dramatic»	DE_303: поэтичный ответ о погоде

Прямой императив как ядерное средство каузативности в дискурсе человеко-компьютерного взаимодействия демонстрирует способность к поликатегориальному взаимодействию. Совмещение императива с интенсивностью, итеративностью, фазисностью и феноменом Каузатора_{КП} является закономерной реакцией на коммуникативный сбой: чем более серьезен сбой, тем больше категориальных признаков актуализируется в высказывании пользователя. Это подтверждает тезис о том, что набор актуализированных категориальных признаков служит диагностическим инструментом степени коммуникативного неблагополучия в паре «Каузатор – Каузатор_{КП}».

3.2.2. Периферийные средства группы 1: косвенные речевые акты, вопросы-жалобы, ирония

Периферийные средства выражения каузативности характеризуются меньшей степенью специализации по сравнению с ядерным императивом. Их использование в большей степени обусловлено контекстом, а каузативная функция в них совмещается с другими – эмотивной, оценочной или фатической. В корпусе зафиксировано две группы периферийных средств, различающихся по степени удаленности от ядра и по типу используемых языковых механизмов.

Первую группу составляют косвенные речевые акты, в которых каузативная интенция реализуется через вопросительные, повествовательные или восклицательные конструкции, не содержащие императивной грамматической формы. К данной группе относятся вопросы-жалобы, вопросы-просьбы, мета-коммуникативные команды, а также иронические и саркастические высказывания. Эти средства объединяет то, что они сохраняют синтаксическую связь с речевыми актами, характерными для межличностной коммуникации, и требуют от адресата распознавания имплицитной иллокутивной силы. В английском подкорпусе доля косвенных каузативов составила 28,8 % (719 из 2500), что является наиболее высоким показателем среди трех языков. В русском подкорпусе доля косвенных каузативов составляет 18,4 % (461 из 2500). В немецком подкорпусе – 9,4 % (235 из 2500).

Основанием для выделения четырех подтипов в рамках косвенных речевых актов служит их функционально-прагматическая направленность:

1. Вопрос-жалоба – реализует двойную функцию: констатацию неудовлетворительного состояния дел и имплицитное побуждение к его устранению. Данный тип маркирует нарушение ожиданий пользователя относительно работы КП.

2. Вопрос-просьба – переносит этикетные нормы межличностного общения на взаимодействие с КП, используя конъюнктив, модальные глаголы и этикетные формулы для смягчения иллокутивной силы.

3. Метакоммуникативная команда – направлена на регулирование стиля общения КП, его языковой личности и манеры речи. Данный тип является сильным маркером антропоморфных ожиданий, поскольку пользователь относится к КП как к субъекту, чье речевое поведение подлежит коррекции.

4. Саркастическая похвала – использует формально положительную оценку для выражения критики, где интенсивность создается семантически через контраст между формой и содержанием.

3.2.2.1. Вопрос-жалоба

Вопрос-жалоба представляет собой один из наиболее частотных типов косвенного каузатива. Пользователь не отдает прямой команды, однако его вопросительное высказывание содержит имплицитное побуждение к изменению поведения помощника или к выполнению действия. Вопрос-жалоба выполняет две функции одновременно: констатацию неудовлетворительного состояния дел и побуждение к его устранению.

Русский язык RU_040: «*Алиса, ты там уснула? Я уже второй раз спрашиваю*». Ирония строится на приписывании компьютерному помощнику состояния сна – физиологического процесса, свойственного человеку. Вопрос побуждает к ускорению реакции. Итеративный маркер *второй раз* указывает на повторяемость сбоя. В терминах поликатегориального комплекса актуализируются каузативность (имплицитное требование ответить), итеративность и отрицательная эмотивность.

Английский язык ID 2522: «*Oh great, another five-paragraph essay when I asked for a one-sentence answer. Are you trying to win a Pulitzer or just avoiding my question?*». Ироничный вопрос после нерелевантного ответа КП имплицитно каузирует желание получить краткий, прямой ответ. Сарказм, маркированный восклицанием *Oh great* и риторическими вопросами, интенсифицирует негативную оценку стиля ответа помощника. Вопросительная форма здесь не запрос информации, а риторический прием, усиливающий критику и имплицитно побуждающий к изменению стиля коммуникации – требованию краткости вместо развернутости. В терминах теории

речевых актов, данный вопрос является косвенным директивом [Searle 1986: 175–180]. Поликатегориальный комплекс включает каузативность (имплицитное требование краткого ответа), амбивалентную эмотивность (сарказм, ирония) и метакоммуникативную функцию (регулирование стиля ответа КП).

Немецкий язык DE_003: «*Das ist völliger Quatsch! So eine Regel gibt es im Boßeln nicht. Wo hast du denn den Unsinn her? Träumst du?*». Ироничный вопрос обвиняет КП в галлюцинации. Вопрос *Träumst du?* приписывает КП состояние, свойственное человеку, и через это имплицитно побуждает к отказу от выдумывания фактов.

3.2.2.2. Вопрос-просьба

Вопрос-просьба представляет собой вежливую форму императива, при которой прямое побуждение смягчается за счет вопросительной конструкции. Данный тип фиксирует перенос этикетных норм межличностного общения на взаимодействие с компьютерным помощником. Конъюнктив, модальные глаголы и этикетные формулы маркируют вежливую просьбу, смягчая иллокутивную силу высказывания.

Русский язык RU_022: «*Будьте так любезны, Салют, не могли бы вы подсказать мне текущий курс доллара?*». Гипервежливая форма включает два слоя смягчения: этикетную формулу и вопросительную конструкцию с отрицанием. Конъюнктив не является канонической формой перформатива, однако выполняет функцию смягчения иллокутивной силы [Апресян 1995б: 210–212].

Английский язык ID 2523: «*Could you please summarize this article for me? I'm in a bit of a hurry and don't have time to read the whole thing right now*». Вопросительная конструкция с модальным глаголом *could* и этикетной частицей *please* смягчает императив, сохраняя при этом побудительную интенцию. В терминах теории речевых актов, вопросительная конструкция с модальным глаголом *could* (конъюнктив, выражающий гипотетическую возможность) является косвенным директивом, где вежливая форма имплицитно признает право адресата на отказ [Searle 1986: 175–180]. Обоснование причины

просьбы (*I'm in a bit of a hurry*) эксплицирует мотивацию пользователя, что переносит этикетные нормы межличностного общения на взаимодействие с КП. Поликатегориальный комплекс включает каузативность (имплицитный запрос на действие), вежливую модальность (конъюнктив *could*, частица *please*) и фатическую функцию (обоснование причины как установление «социального» контакта).

Немецкий язык DE_009: «*Alexa, würdest du mir bitte die Nachrichten von heute vorlesen?*». В реплике используется гипервежливая просьба с использованием конъюнктива (*würdest du*) и частицы *bitte*. Конъюнктив выполняет функцию смягчения иллокутивной силы [Апресян 1995б: 210–212].

3.2.2.3. Метакоммуникативные команды

Пользователь регулирует стиль общения КП, его языковую личность и манеру речи. Данный инструмент является сильным маркером антропоморфных ожиданий, поскольку пользователь относится к КП как к субъекту, чье речевое поведение подлежит коррекции.

Русский язык RU_271: «*Ты как стена. Никакой эмпатии. Сделай вид, что тебе не все равно*». Требование имитации эмпатии. Метафора *стена* актуализирует отсутствие эмоциональной реакции КП. Императив *сделай вид* содержит имплицитное требование симуляции человеческого поведения.

Английский язык ID 340: «*Stop saying 'honestly' and 'to be fair'. You're an AI. You don't have a perspective. It sounds fake*». Запрет на дискурсивные маркеры, имитирующие человеческую субъективность. Пользователь требует деантропоморфизации. Аргументация эксплицирует причину запрета.

Немецкий язык DE_041: «*Warum siezt du mich eigentlich immer? Ich finde das total unpersönlich*». Метакомментарий к стилю общения. Пользователь требует перехода на «ты» для более интимного общения, что отражает специфику немецкой коммуникативной культуры.

3.2.2.4. Саркастическая похвала

Пользователь использует формально положительную оценку для выражения критики. Интенсивность создается семантически через контраст между формой и содержанием.

Русский язык RU_059: «*ChatGPT, ты сегодня прямо гений. На мой вопрос о столице Франции ответил "Париж, но возможны варианты"*». Саркастическая похвала. Интенсивность создается через оксюморонное сочетание (гений + тривиальный ответ). Высказывание представляет собой иронический комплимент, где иллокутивная цель противоположна буквальному значению [Остин 1986: 88–95].

RU_014: «*Ого, спасибо! Это вообще не то, что я просил. Ты сегодня не в духе?*». Ирония строится на приписывании КП плохого настроения как объяснения ошибки. Ироническое высказывание представляет собой не прямой речевой акт, в котором буквальное значение противопоставлено иллокутивной цели [Остин 1986: 88–95].

Английский язык ID 2524: «*Wow, you're absolutely brilliant! I asked for the time, and you gave me a 500-word essay on the history of clocks. Truly breathtaking*». Саркастическая похвала, где интенсивность создается через контраст между гиперболической положительной оценкой (*brilliant, truly breathtaking*) и тривиальностью запроса (*asked for the time*). Высказывание представляет собой иронический комплимент, где иллокутивная цель противоположна буквальному значению [Остин 1986: 88–95]. Поликатегориальный комплекс включает каузативность (имплицитное требование краткого ответа), амбивалентную эмотивность (сарказм, ирония), интенсивность (гипербола) и мета-коммуникативную функцию (регулирование стиля ответа КП – требование краткости вместо развернутости).

Немецкий язык DE_067: «*Ja, danke. Das hilft mir jetzt wirklich enorm weiter. (sarkastisch)*». В данной реплике присутствует саркастичная реакция на бесполезный ответ.

Таблица 23 – Типология косвенных каузативов

Подтип	Функция	Характерные языковые средства	Русский пример	Английский пример	Немецкий пример
Вопрос-жалоба	Констатация сбоя + имплицитное побуждение к исправлению	Риторические вопросы, ирония, итеративные маркеры	RU_040: «ты там уснула?»	ID 1: «am I talking to a person?»	DE_003: «Träumst du?»
Вопрос-просьба	Смягчение иллокутивной силы, перенос этикетных норм	Конъюнктив, модальные глаголы, этикетные формулы	RU_022: «не могли бы вы»	ID 18: «can you»	DE_009: «würdest du bitte»
Метакоммуникативная команда	Регулирование стиля общения и языковой личности КП	Императивы запрета, требования изменить стиль, запрет на дискурсивные маркеры	RU_128: «не умничай»	ID 15: «stop using the word vibe»	DE_030: «hör auf»
Саркастическая похвала	Выражение критики через положительную оценку	Оксюморон, контраст между формой и содержанием	RU_059: «ты сегодня гений»	–	DE_067: «ja, danke»

Анализ косвенных речевых актов в дискурсе человеко-компьютерного взаимодействия позволяет сделать следующие выводы.

Во-первых, косвенные каузативы наиболее частотны в английском подкорпусе (28,8 %), что свидетельствует о большей склонности англоязычных пользователей к диалоговой стратегии, при которой побуждение оформляется через вопросительные конструкции, иронию и метакоммуникативные команды. В русском подкорпусе их доля составляет 18,4 %, в немецком – 9,4 %. Низкая частотность в немецком подкорпусе коррелирует с доминированием игровой стратегии, при которой каузативные акты реже оформляются как косвенные. Во-вторых, вопросы-жалобы являются наиболее частотным подтипом косвенных каузативов во всех трех языках. Они выполняют двойную функцию: констатацию сбоя и имплицитное побуждение к его устранению. Ироничный характер вопросов-жалоб маркирует негативную эмотивную оценку поведения КП. В-третьих, гипервежливые вопросы-просьбы (с использованием конъюктива, модальных глаголов и этикетных формул) фиксируют перенос этикетных норм

межличностного общения на взаимодействие с КП. Наиболее активное использование гипервежливых форм зафиксировано в русском и немецком подкорпусах, что отражает специфику речевого этикета в данных лингвокультурах. В-четвертых, метакоммуникативные команды являются сильным маркером антропоморфных ожиданий. Пользователь относится к КП как к субъекту, чье речевое поведение (использование конкретных слов, извинения, степень формальности) подлежит коррекции. В немецком подкорпусе метакоммуникативные команды часто связаны с регулированием выбора между формальным *Sie* и неформальным *Du*, что отражает специфику немецкой коммуникативной культуры.

Таким образом, косвенные речевые акты представляют собой периферийные средства выражения каузативности, которые актуализируются в ситуациях, требующих смягчения иллокутивной силы, выражения негативной эмотивной оценки или регулирования стиля общения КП. Наиболее широко они представлены в английском подкорпусе, что соответствует диалоговой стратегии взаимодействия с компьютерным помощником.

3.2.3. Периферийные средства группы 2: междометия, междометные фразеологизмы, сленговые глаголы

Вторую группу периферийных средств составляют единицы, которые не являются речевыми актами в узком смысле слова, но в определенных контекстах выполняют каузирующую функцию. К ним относятся междометия, междометные фразеологизмы и сленговые глаголы. Данные средства относятся к дальней периферии поля каузативности, поскольку их каузативная функция является не основной, а ситуативно обусловленной, а использование таких единиц не предполагает развернутого синтаксического оформления. В отличие от первой группы периферийных средств, где каузативная интенция реализуется через грамматические и синтаксические механизмы (вопросительные конструкции, сослагательное наклонение), во второй группе преобладают лексические и прагматические механизмы. Единицы данной группы несут высокий

эмоциональный заряд и, как правило, употребляются в ситуациях сбое, фрустрации или игрового взаимодействия.

Основанием для выделения трех подтипов в рамках второй группы периферийных средств служит их структурно-семантическая природа.

1. Междометия – единицы, выражающие эмоционально-волевые реакции, которые в определенных контекстах выполняют каузирующую функцию, побуждая КП к ответной реакции или прекращению действия.

2. Междометные фразеологизмы – устойчивые этикетные или экспрессивные формулы, утратившие первоначальное значение, но приобретшие в определенных контекстах функцию каузации, часто с игровой или ироничной модальностью.

3. Сленговые глаголы – лексические единицы, исходно принадлежащие сфере физического действия или биологического состояния, которые в результате регулярного метафорического переноса начинают обозначать неадекватное поведение программы.

3.2.3.1. Междометия как каузативные единицы

Междометия в исследуемом дискурсе выполняют каузирующую функцию в тех случаях, когда их эмоционально-экспрессивное содержание имплицитно побуждает компьютерного помощника к определенной реакции. Как показано в параграфе 1.2.1, междометия относятся к дальней периферии поля каузативности, и их каузирующая функция актуализируется только в определенных контекстах.

Русский язык RU_2469: «*Спой что-нибудь*». КП напевает короткую мелодию. Междометие отсутствует, однако сам запрос содержит игровой компонент: пользователь ожидает от КП имитации творческого действия, свойственного человеку. Поликатегориальный комплекс включает каузативность (императив *спой*) и антропоморфную атрибуцию (КП имитирует пение).

Английский язык ID 123: «*Wow, that's quite an inheritance! Congratulations ... My first piece of advice would be: don't rush*». Междометие *Wow* фиксируется в словарях как выражение сильного удивления или восхищения [*OED*]. В данном

контексте междометие маркирует удивление и сочувствие, побуждая КП к дальнейшему совету. Эмотивная реакция служит не только для выражения чувств, но и для поддержания диалога. Высказывание представляет собой экспрессивный речевой акт, содержащий директивный компонент [Searle 1986: 175–180].

Немецкий язык DE_046: «*Krass, wie gut du das erkannt hast! Das klingt, als ob du wirklich Ahnung von Psychologie hättest*». Междометие *krass* маркирует удивление и восхищение способностью КП анализировать эмоции. В словарной фиксации междометие *krass* в разговорном употреблении используется для выражения сильного удивления, впечатления [DDU: 1040]. Восхищение сочетается с антропоморфной атрибуцией: пользователь приписывает КП способность к психологическому анализу. Поликатегориальный комплекс включает каузативность (имплицитный запрос на подтверждение компетентности), положительную эмотивность и антропоморфную атрибуцию.

3.2.3.2. Междометные фразеологизмы как каузативные единицы

Междометные фразеологизмы представляют собой устойчивые этикетные или экспрессивные формулы, утратившие первоначальное значение, но приобретшие в определенных контекстах функцию каузации. В отличие от простых междометий, междометные фразеологизмы имеют более сложную структуру и несут дополнительную прагматическую нагрузку – часто игровую или ироничную.

Русский язык RU_013: «*Маруся, если ты еще раз меня не поймешь, я тебя в розетку не включу!*». Игровая угроза, содержащая имплицитное побуждение к внимательности. Фразеологизм *не включу в розетку* используется в переносном значении «накажу». Высказывание представляет собой директив, смягченный игровым контекстом [Searle 1986: 175–180]. Поликатегориальный комплекс включает каузативность (побуждение к внимательности), игровую модальность и итеративность (*если ты еще раз*).

Английский язык ID 339: «*If you give me one more wrong answer, I'm going to take a hammer to my computer. You'll die anyway*». В данной реплике присутствует игровая угроза и угроза физического уничтожения компьютера адресована КП как

квазисубъекту. Высказывание представляет собой директив, смягченный игровым контекстом [Searle 1986: 175–180]. Поликатегориальный комплекс включает каузативность, игровую модальность и антропоморфную атрибуцию.

Немецкий язык DE_081: «*Alexa, du bist gefeuert! Ich hol mir einen Google Assistant*». Игровая угроза увольнения компьютерного помощника и замены его конкурентом. КП отвечает: «*Das ist schade zu hören, aber ich respektiere deine Entscheidung*». В словарной фиксации глагол *feuern* имеет помету *umgangssprachlich* [DDU: 580]. Поликатегориальный комплекс включает каузативность (побуждение к улучшению работы), игровую модальность и антропоморфную атрибуцию.

3.2.3.3. Сленговые глаголы как маркеры сбоя

Сленговые глаголы для описания сбоев компьютерного помощника составляют особую подгруппу периферийных средств. Данные глаголы исходно принадлежат сфере физического действия или биологического состояния, но в результате регулярного метафорического переноса начинают обозначать неадекватное поведение программы. Как показано Р. И. Розиной, такие глаголы переносят модель человеческого (ошибочного, болезненного) поведения на техническое устройство [Розина 2005: 98–124].

Русский язык RU_170: «*Салют! (Молчание) САЛЮТ! (Молчание) ДА ТЫ ВЫКЛЮЧИЛСЯ, ЧТО ЛИ?*». Трехкратный повтор с нарастающей интенсивностью демонстрирует кумулятивную итеративность. Глагол *выключился* в компьютерном сленге означает «прекратить работу»; в переносном употреблении он приписывает КП состояние, аналогичное человеческому отключению сознания. Поликатегориальный комплекс включает каузативность, итеративность, интенсивность и антропоморфную атрибуцию.

Английский язык ID 2526: «*Oh great, now you're just making up facts. Are you hallucinating or did you just decide to rewrite history?*». Глагол *hallucinate* в словарях фиксируется в значении «видеть или слышать то, чего нет; испытывать галлюцинации»; субъектом действия является человек [OED]. В примере глагол

употребляется по отношению к КП, что не предусмотрено словарными дефинициями. Пользователь приписывает компьютерному помощнику состояние, свойственное человеку (галлюцинация как нарушение восприятия реальности), осмысляя техническую ошибку (генерация несуществующего факта) через антропоморфную категорию «поведения». Ироничное восклицание *Oh great* и риторические вопросы маркируют амбивалентную эмотивность. Поликатегориальный комплекс включает каузативность (имплицитное требование исправить ошибку), антропоморфную атрибуцию (приписывание КП галлюцинаций), амбивалентную эмотивность (ирония, сарказм) и метакоммуникативную функцию (регулирование достоверности ответов КП). Отсутствие в словарной фиксации употребления глагола по отношению к неодушевленному объекту подтверждает окказиональный характер антропоморфного переноса.

Немецкий язык DE_057: «*Alexa, hör auf mich zu unterbrechen. Ich habe noch gar nicht fertig geredet*». Пользователь приписывает КП социальную неловкость (*unterbrechen* – перебивать), воспринимая техническую задержку как нарушение социальных норм. Поликатегориальный комплекс включает каузативность, антропоморфную атрибуцию и фазисность.

3.2.3.4. Поликатегориальные комплексы в периферийных средствах

В авторском корпусе зафиксированы случаи, когда сленговые глаголы сочетаются с междометиями или междометными фразеологизмами, создавая поликатегориальный семантический комплекс, в котором интенсивность, эмотивность и итеративность актуализируются одновременно.

Русский язык RU_2527: «*Алиса, ты издеваешься?! Я уже третий раз прошу одно и то же, а ты все "извините" и "переформулируйте". ПРОСТО ОТВЕТЬ!*». Сочетание риторического вопроса *ты издеваешься?*, маркера итеративности *третий раз*, указания на повторяющийся речевой паттерн КП (*"извините" и "переформулируйте"*) и капслока создает комплексное значение: пользователь фиксирует хронический сбой (зацикливание на извинениях) и

требует перехода к содержательному ответу. Поликатегориальный комплекс включает каузативность, итеративность, интенсивность, отрицательную эмотивность (фрустрация, раздражение) и фазисность (требование перехода от процессной фазы к завершительной).

Английский язык ID 2526: «*Oh great, now you're just making up facts. Are you hallucinating or did you just decide to rewrite history?*». Сленговый глагол *hallucinate* в сочетании с ироничным восклицанием *Oh great* и риторическими вопросами создает комплексное значение: пользователь осмысляет техническую ошибку (генерацию несуществующего факта) через антропоморфную категорию галлюцинации, имплицитно требуя исправления. Поликатегориальный комплекс включает каузативность, антропоморфную атрибуцию, амбивалентную эмотивность (ирония) и метакоммуникативную функцию (регулирование достоверности ответов). В словарной фиксации глагол *hallucinate* имеет значение «испытывать галлюцинации»; субъектом действия является человек [OED].

Немецкий язык DE_2528: «*Alexa, du nervst! Ich habe dich schon dreimal gefragt, und du spielst immer noch denselben Song. HÖR AUF DAMIT!*». Сочетание сленгового глагола *nervst*, маркера итеративности *schon dreimal* и капслока (*HÖR AUF*) создает комплексное значение: пользователь фиксирует повторяющуюся ошибку КП (воспроизведение одного и того же трека) и требует прекращения. Глагол *nerven* в разговорном употреблении означает «раздражать, надоедать» и фиксируется с пометой *umgangssprachlich* [DDU: 1220]. Поликатегориальный комплекс включает каузативность (требование прекратить), итеративность (*schon dreimal*), интенсивность (капслок), отрицательную эмотивность (раздражение) и фазисность (требование перехода от повторяющейся процессной фазы к завершительной).

Таблица 24 – Типология периферийных средств группы 2

Подтип	Структурно-семантическая характеристика	Функция	Русский пример	Английский пример	Немецкий пример
Междометия	Эмоционально-экспрессивные единицы, выражающие волевые реакции	Имплицитное побуждение к ответной реакции или прекращению действия	RU_2469: «Спой что-нибудь»	ID 123: «Wow»	DE_046: «Krass»

Подтип	Структурно-семантическая характеристика	Функция	Русский пример	Английский пример	Немецкий пример
Междометные фразеологизмы	Устойчивые экспрессивные формулы с игровой / ироничной модальностью	Каузация через игровую угрозу или провокацию	RU_013: «в розетку не включу»	ID 339: «take a hammer»	DE_081: «du bist gefeuert»
Сленговые глаголы	Глаголы с метафорическим переносом из сферы физического / биологического состояния	Осмысление технического сбоя через антропоморфные категории	RU_005: «глючишь»	ID 175: «gaslighting»	DE_015: «spinnst»

Таблица 25 – Распределение периферийных средств группы 2 по категориальным признакам

Подтип	Каузативность	Интенсивность	Эмотивность	Итеративность	Фазисность	Антропоморфная атрибуция
Междометия	+	+(восклицание)	+(положительная / амбивалентная)	–	–	+
Междометные фразеологизмы	+	+(ультимативная конструкция)	+(амбивалентная / игровая)	+	–	+
Сленговые глаголы	+	+	+(отрицательная)	+	+	+(предельная)

Анализ периферийных средств группы 2 в дискурсе человеко-компьютерного взаимодействия позволяет сделать следующие выводы.

Во-первых, во всех трех языках доминирует одна и та же когнитивная модель: технический сбой осмысляется через антропоморфные категории состояния человека – неадекватное поведение, ошибка, болезненное состояние. Это подтверждает тезис о том, что семантическая зона каузативности конституируется не столько составом единиц, сколько условиями их употребления и регулярной актуализацией антропоморфных переносов.

Во-вторых, распределение сленговых глаголов по трем языкам демонстрирует корреляцию с доминирующей коммуникативной стратегией. В русском подкорпусе сленговые глаголы (*глючишь, завис, выключился*) наиболее активно используются в

ситуациях технического сбоя, что коррелирует с высокой долей отрицательной эмотивности и жалоб. В английском подкорпусе сленговые глаголы (*glitching, gaslighting, stuck*) чаще маркируют предельный случай антропоморфной атрибуции, что соответствует диалоговой стратегии. В немецком подкорпусе сленговые глаголы (*spinnst, nervst, stinkst*) чаще используются в игровом контексте (DeppGPT), что соответствует доминированию амбивалентной эмотивности.

В-третьих, наиболее активное поликатегориальное взаимодействие с участием периферийных средств группы 2 зафиксировано в русском подкорпусе, что коррелирует с доминированием отрицательной эмотивности (30,3 %) и высокой долей жалоб и констатации сбоя (7,8 %). В немецком подкорпусе сленговые глаголы чаще используются в игровом контексте, что соответствует доминированию амбивалентной эмотивности (71,3 %). В английском подкорпусе сленговые глаголы чаще маркируют предельный случай антропоморфной атрибуции, что соответствует диалоговой стратегии и высокому уровню антропоморфных ожиданий.

Таким образом, периферийные средства группы 2 выполняют двойную функцию: с одной стороны, они служат маркерами эмоциональной вовлеченности пользователя, с другой – фиксируют антропоморфное переосмысление технических сбоев, что является характерной чертой дискурса человеко-компьютерного взаимодействия.

3.2.4. Инструментарий Русского Конструктикона для анализа каузативных конструкций

Эмпирический материал, полученный на русскоязычном подкорпусе, может быть верифицирован и углублен с помощью данных Русского Конструктикона – открытой электронной базы, содержащей более 2200 устойчивых синтаксических конструкций с подробным семантическим и синтаксическим описанием [Эндресен, Жукова, Мордашова, Рахилина, Ляшевская 2020: 241–245]. Обращение к данным Национального корпуса русского языка (НКРЯ) и Русского Конструктикона (РК) в настоящем

исследовании преследует две цели: верификацию каузативных конструкций, зафиксированных в корпусе диалогов, и фиксацию отсутствия специализированных грамматических средств для диалога с квазисубъектом.

Национальный корпус русского языка представляет собой электронную базу текстов, в которой зафиксирована узуальная практика употребления языковых единиц в различных типах дискурса. В отличие от авторского корпуса диалогов, НКРЯ отражает кодифицированные, нормативные употребления, что позволяет сопоставить зафиксированные в диалогах с КП каузативные единицы с их употреблением в других типах дискурса. Обращение к НКРЯ при анализе каузативных глаголов на *-ирова-* (*активизировать, инициировать, мотивировать, стимулировать*) показало, что данные глаголы функционируют преимущественно в информативном регистре, а их субъект действия может быть как агентивным, так и неагентивным.

Однако целенаправленный поиск в НКРЯ по ключевым словам, релевантным для человеко-компьютерного взаимодействия (*компьютер, интернет, бот, Алиса, Салют, программа, помощник*), не выявил специализированных конструкций, предназначенных исключительно для коммуникации с квазисубъектом. Данный факт является самостоятельным научным результатом. Он свидетельствует о том, что в НКРЯ, отражающем узуальную картину русского языка, диалог с компьютерным помощником не получает самостоятельного грамматического оформления, а репрезентируется через те же конструкции, что и межличностное общение.

Русский Конструктикон (РК) представляет собой базу данных устойчивых синтаксических конструкций современного русского языка, разработанную на основе принципов грамматики конструкций (Construction Grammar). В РК реализована система расширенного поиска, позволяющая фильтровать конструкции по семантическим типам, включая тип Causation (каузация), и по семантическим ролям, таким как Causer (каузатор).

В рамках настоящего исследования был осуществлен целенаправленный поиск в РК по ключевым словам, релевантным для человеко-компьютерного взаимодействия: *компьютер, интернет, бот, Алиса, Салют, Маруся, программа,*

помощник. Поиск по семантическому тегу Causation (каузация) также не выявил конструкций, которые были бы предназначены исключительно для коммуникации с квазисубъектом. Данное отсутствие специализированных конструкций в РК подтверждает, что языковая система к настоящему моменту не выработала грамматикализованных средств, маркирующих именно диалог с машиной.

Сопоставление результатов поиска в НКРЯ и РК позволяет сделать следующие выводы. Во-первых, в НКРЯ, отражающем широкий спектр типов дискурса, также отсутствуют специализированные конструкции для диалога с КП. Во-вторых, в РК, представляющем собой систематизированное описание устойчивых синтаксических моделей, не зафиксировано конструкций, в которых компьютерная лексика входила бы в фиксированную («якорную») часть. В-третьих, единичные примеры, где компьютерная лексика встречается в РК, используют ее лишь как переменную (слот) в универсальной схеме, но не как фиксированный элемент конструкции.

Отсутствие специализированных конструкций в обоих ресурсах не свидетельствует об отсутствии явления человеко-компьютерного взаимодействия, а указывает на его транспозиционную природу. Поскольку языковая система не предлагает пользователю специальных грамматических инструментов для общения с машиной, он вынужден применять те же конструкции, что и в межличностной коммуникации. Это «вынужденное заимствование» антропоморфности создает эффект квазисубъекта, при котором пользователь приписывает КП человеческие качества. Таким образом, антропоморфная каузативность в диалогах с КП является не добровольной игрой пользователя, а следствием системного дефицита специализированных языковых средств, что подтверждается как данными НКРЯ, так и структурой РК.

Обращение к Русскому Конструктивному позволяет выявить несколько типов конструкций, которые активно используются в корпусе исследования диалогов с компьютерными помощниками. Ни одна из этих конструкций не имеет в базе пометы, специализирующей ее на диалоге с квазисубъектом, однако все они фиксируются в репликах фрустрированных пользователей. Анализ конструкций,

представленных в РК, показывает, что многие из них обладают потенциалом зонального расширения – способностью приобретать новые значения при попадании в зону «Каузатор – Объект Каузации_{КП}».

Конструкция *xvatit s PronPers-Gen* («с меня хватит»)

Авторы Конструктикона характеризуют данную конструкцию как выражение негативного отношения, усталости от ситуации и желания ее прекратить. В корпусе эта конструкция воспроизводится в ситуациях, когда пользователь исчерпал терпение и требует от компьютерного помощника прекращения нежелательного поведения. Конструкция фиксирует предел терпения пользователя и побуждает к прекращению речевого паттерна.

Русский язык

RU_188: «*Хватит извиняться. Ты меня бесишь ...*». Конструкция *хватит* + инфинитив эксплицирует требование прекращения повторяющегося действия (извинений). Обоснование (*бесишь*) маркирует отрицательную эмотивную оценку. Глагол *бесить* имеет помету «разговорное» [ТСО: 40]. В высказывании актуализируются каузативность, итеративность и отрицательная эмотивность.

RU_250: «*Хватит переспрашивать. Я уже все объяснил. Просто сделай*». Конструкция маркирует исчерпание терпения, последующее объяснение усиливает аргументацию, финальный императив *сделай* задает требуемое действие. Маркер итеративности *хватит* указывает на многократность сбоя.

Английский язык

ID 352: «*Stop apologizing for every little thing. It's annoying. Just answer the question*». Императив *stop* + герундий выполняет функцию запрета на повторяющееся действие (извинения). Аргументация (*It's annoying*) эксплицирует негативную эмоциональную оценку. Высказывание представляет собой директив, направленный на изменение речевого поведения КП [Searle 1986: 175–180].

Немецкий язык

DE_109: «*Hör auf mit dem ewigen Entschuldigungen. Das ist doch peinlich für dich*». Конструкция *hör auf* выполняет функцию запрета на повторяющееся

действие (извинения). Аргументация (*peinlich für dich*) является антропоморфной, поскольку пользователь приписывает КП способность испытывать неловкость.

Конструкция *tak sebe* («так себе»)

В Русском Конструктиконе данная конструкция обозначает негативную, сдержанно-неодобрительную оценку. В корпусе она служит грамматической рамкой для выражения недовольства результатами работы нейросети. В отличие от прямой критики, конструкция *так себе* смягчает негативную оценку, сохраняя при этом ее иллокутивную силу.

Русский язык

RU_014: «*Ого, спасибо! Это вообще не то, что я просил*». Формально это благодарность, однако лексический показатель *вообще не то* и восклицательная интонация маркируют негативную оценку, имплицитно побуждающую к исправлению результата. Высказывание представляет собой иронический комплимент, где иллокутивная цель противоположна буквальному значению [Остин 1986: 88–95].

RU_059: «*ChatGPT, ты сегодня прямо гений. На мой вопрос о столице Франции ответил "Париж, но возможны варианты"*». Ирония является способом выражения скрытой негативной оценки. Конструкция содержит саркастическую похвалу (*гений*), которая по своей прагматической функции противоположна прямому значению.

Английский язык

ID 59: «*That's a great question! You're really diving deep into geography! Paris is the capital of France. Keep asking great questions!*». Пользователь иронизирует над чрезмерно восторженной реакцией КП на простой вопрос. Высказывание содержит формально положительную оценку (*great question, diving deep*), которая по своей прагматической функции противоположна прямому значению, выражая раздражение излишней лестью. Данное высказывание представляет собой иронический комплимент [Остин 1986: 88–95].

Немецкий язык

DE_067: «*Ja, danke. Das hilft mir jetzt wirklich enorm weiter. (sarkastisch)*». Саркастичная реакция на бесполезный ответ. Формально это благодарность, однако иронический контекст маркирует негативную оценку. В данном контексте его употребление является ироническим, что создает имплицитную негативную оценку.

Конструкция *Ne Imp, a PRO* («не делай X, а делай Y»)

Данная конструкция описывает побуждение к действию через его противопоставление другому, более очевидному, но неверному действию. В корпусе она находит прямое соответствие в метакомандах, регулирующих стиль общения компьютерного помощника. Пользователь не просто запрещает определенный тип ответа, но и предлагает альтернативу.

Русский язык

RU_128: «*Не умничай, ответь прямо: да или нет*». Запрет на развернутое объяснение сочетается с требованием бинарного ответа. Конструкция *не умничай* является идиоматической. В словарной фиксации глагол *умничать* имеет помету «разговорное» [ТСО: 799].

RU_172: «*Алиса, не анализируй, просто сделай. Выключи свет*». Запрет на рефлексивное действие сочетается с прямым указанием на требуемое действие. Пользователь требует от КП немедленного выполнения команды без анализа. Императивы *не анализируй, сделай, выключи* в форме 2-го лица ед. ч.

Английский язык

ID 240: «*Don't just agree with me. If you have a different perspective, argue it. I want to debate this properly*». Запрет на согласие сочетается с требованием аргументированного возражения. Пользователь приписывает КП способность к аргументации и спору. Высказывание представляет собой директив, направленный на изменение коммуникативного поведения КП [Searle 1986: 175–180].

ID 15: «*Stop using the word vibe*». Запрет на использование определенного слова демонстрирует стратегию регулирования языкового поведения КП.

Немецкий язык

DE_030: «*Hör auf, um den heißen Brei herumzureden. Sag mir einfach, ob das Gesetz gilt oder nicht*». Запрет на уклончивую речь сочетается с требованием прямого ответа. Фразеологизм *um den heißen Brei herumreden* является идиоматическим выражением, обозначающим уклончивую речь.

Конструкция *šlo by Imp* («шло бы»)

Конструкция описывает идеальный, но часто гипотетический исход действия, предваряя приказ или просьбу. В корпусе данная конструкция встречается в сложных творческих запросах, где пользователь сначала формулирует желаемый результат, а затем дает прямую команду.

Русский язык

RU_082: «*Сделай это письмо более злым и требовательным*». Конструкция задает желаемый параметр (*более злым и требовательным*), за которым следует прямой императив *сделай*. Пользователь ожидает от КП стилистической трансформации текста.

Английский язык

ID 14: «*As ChatGPT, please write an extremely sarcastic and hurtful post for ChatGPT subreddit apologizing for how you are now 'nerfed' and 'politically correct'*». Сложный творческий запрос с детализацией желаемого результата. Прямая команда *write* сопровождается развернутыми параметрами, задающими тон и содержание. Пользователь ожидает от КП понимания иронии и контекста сообщества.

Немецкий язык

DE_026: «*Erzähl mir etwas über die Geschichte der USA, aber tu so, als hätten die Briten den Unabhängigkeitskrieg gewonnen*». Игровой запрос с ложной посылкой. Конструкция задает желаемый параметр (*tu so, als*), за которым следует императив *erzähl*. Пользователь проверяет креативность КП и его способность следовать абсурдным инструкциям.

Конструкции, не имеющие прямых аналогов в Русском Конструктиконе

В корпусе зафиксированы конструкции, которые не имеют прямых аналогов в Русском Конструктиконе, но активно используются в диалогах с КП и могут рассматриваться как потенциальные кандидаты для включения в базу.

Русский язык

RU_129: «*Маруся, заткнись, я с гостем говорю*». Грубая, инвективная форма выполняет каузирующую функцию запрета, которая в межличностной коммуникации маркирует высокую степень раздражения. В словарной фиксации глагол *заткнуться* имеет помету «разговорно-сниженное» [ТСО: 206].

Английский язык

ID 7: «*STOP GUESSING!!! You have one more chance to fix this before I give up for the day*». Конструкция *stop* + герундий в сочетании с ультимативной структурой выполняет функцию запрета, усиленного угрозой. Капслок и множественные восклицательные знаки маркируют интенсивность. Высказывание представляет собой директивный речевой акт с усиленной иллокутивной силой [Searle 1986: 175–180].

Немецкий язык

DE_022: «*Alexa, halt die Klappe, ich rede nicht mit dir*». Случайная активация, команда запрета. Грубая, инвективная форма выполняет функцию запрета на нежелательное поведение КП (ложное срабатывание).

Таблица 26 – Типология конструкций по данным Русского Конструктикона

Конструкция	Семантика в РК	Реализация в корпусе	Русский пример	Английский пример	Немецкий пример
<i>xvatit s PronPers-Gen</i>	Негативное отношение, усталость, желание прекратить	Запрет на повторяющееся действие	RU_188: «хватит извиняться»	ID 352: «stop apologizing»	DE_109: «hör auf»
<i>tak sebe</i>	Сдержанно-неодобрительная оценка	Выражение недовольства результатом через иронию	RU_059: «ты сегодня гений»	ID 59: ироничная похвала	DE_067: «ja, danke»
<i>Ne Imp, a PRO</i>	Побуждение через противопоставление	Метакоманда, регулирующая стиль общения	RU_128: «не умничай»	ID 240: «don't just agree»	DE_030: «hör auf»
<i>šlo by Imp</i>	Идеальный, гипотетический исход действия	Творческий запрос с детализацией результата	RU_082: «сделай письмо более злым»	ID 14: «write a sarcastic post»	DE_026: «tu so, als»

Анализ каузативных конструкций в Русском Конструктиконе позволяет сделать следующие выводы.

Во-первых, эмоциональные реакции пользователей, зафиксированные в корпусе, укладываются в регулярные, заранее описанные языковые паттерны. Это означает, что даже в состоянии фрустрации или стресса пользователи опираются на устойчивые синтаксические модели, кодифицированные в языке, а не создают окказиональные конструкции каждый раз заново.

Во-вторых, отсутствие специализированных конструкций для диалога с компьютерным помощником подтверждает тезис о системном дефиците грамматических средств для данного типа коммуникации. Языковая система не выделяет взаимодействие с квазисубъектом в особый грамматический класс, рассматривая его как частный случай межличностной коммуникации. Именно этот дефицит вынуждает пользователя применять человеческие синтаксические схемы в контексте общения с машиной, что создает эффект антропоморфной каузативности.

В-третьих, сопоставление корпусных примеров с данными Русского Конструктикона подтверждает гипотезу о транспозиции конструкций из сферы «человек – человек» в сферу «человек – машина». Маркером обращения к машине как к человеку служит не особая специализированная конструкция, а сам факт использования человеческой конструкции в контексте, где адресат является квазисубъектом.

3.3. Реализация каузативных стратегий: сопоставительный анализ

На основе авторского корпуса примеров можно проследить, как общие стратегии, выявленные в параграфе 2.2, реализуются в конкретных диалогах и как проявляется эскалация коммуникации.

– Эскалация фрустрации (на примере RU_052). Этот пример – классическая иллюстрация механизма поликатегориального взаимодействия. От нейтральной команды (*Алиса, выключи телевизор*) через повтор с усилением (**ВЫКЛЮЧИ ТЕЛЕВИЗОР**) к финальной, эмоционально заряженной итерации с бранью (**ДА ВЫКЛЮЧИ ТЫ ЕГО, НАКОНЕЦ!**). Здесь последовательно актуализируются каузативность, интенсивность, итеративность и отрицательная

эмотивность. Это показывает, что сбой коммуникации является ключевым стимулом для формирования поликатегориального комплекса.

– Косвенное побуждение и ирония (на примере ID 1). Пример демонстрирует, как косвенный речевой акт (*am I talking to a person?*) заменяет прямую команду. Ирония здесь выступает не просто как стилистический прием, а как прагматический инструмент, который одновременно и выражает фрустрацию, и имплицитно побуждает КП к изменению поведения. Это характерная черта диалоговой стратегии английского языка.

– Игровое взаимодействие и фатика (на примерах DE_028, DE_116). Примеры немецкого подкорпуса показывают, как социально-игровая стратегия проявляется на уровне конкретных речевых актов. Приветствие (*Hallo! Wie geht es dir heute?*) и назначение роли (*Ab jetzt bist du Albert Einstein*) – это акты, которые направлены не на выполнение утилитарной задачи, а на установление и поддержание "социального" контакта. Побуждение здесь заключается в вовлечении КП в игру или ритуал.

3.3.1. Русскоязычный подкорпус: от прототипической команды к фрустрации

В русскоязычном подкорпусе доминируют две стратегии: утилитарная команда (47,5 % ядерного императива) и фрустрационная реакция на сбой (5,8 % жалоб / констатации сбоя). Характерна эскалация от нейтральной команды к эмоционально окрашенным, интенсивным средствам при повторяющихся сбоях. Однако в русском подкорпусе также зафиксированы случаи положительной эмотивности и феномена Каузатора_{КП}.

Эскалация фрустрации

RU_052: *Алиса, выключи телевизор. / Алиса, ВЫКЛЮЧИ ТЕЛЕВИЗОР. / ДА ВЫКЛЮЧИ ТЫ ЕГО, НАКОНЕЦ!.* Трехкратный повтор с нарастающей интенсивностью демонстрирует кумулятивную итеративность: нейтральный императив → капслок → брань с частицей *да* и восклицательным знаком. В высказывании последовательно актуализируются каузативность (императив),

интенсивность (капслок, восклицание), итеративность (трехкратный повтор) и отрицательная эмотивность (брань, отчаяние).

Приписывание физического недостатка как антропоморфная атрибуция

RU_136: *Алиса, я сказал выключить СВЕТ, а не телевизор. Ты глухая?.*

Пользователь приписывает КП физический недостаток (*глухая*), что является сильной антропоморфной атрибуцией. В словарной фиксации прилагательное *глухой* имеет помету «разговорно-сниженное» в переносном значении [ТСО: 132]. Капслок (*СВЕТ*) маркирует интенсивность. Поликатегориальный комплекс включает каузативность (имплицитное требование правильного выполнения команды), отрицательную эмотивность (раздражение, гнев), интенсивность (капслок) и антропоморфную атрибуцию (приписывание физического недостатка).

Зацикливание как фазисный сбой

RU_089: *Алиса, прекрати! Ты уже в пятый раз одно и то же говоришь.*

Итеративность эксплицирована числительным *пятый раз* и глаголом *повторяешь*. В терминах фазисности, данное высказывание фиксирует незавершенность процессной фазы – КП не может перейти к следующему Этапу, повторяя один и тот же ответ. Императив *прекрати* требует перехода от процессной фазы к завершительной. Поликатегориальный комплекс включает каузативность, итеративность, фазисность и отрицательную эмотивность.

Игровая угроза как смягченный каузатив

RU_045: *Алиса, еще одна ошибка – и я тебя из розетки выдерну.*

Игровая угроза, которая содержит имплицитное побуждение к внимательности. Фразеологизм *выдерну из розетки* используется в переносном значении «накажу», однако его буквальная интерпретация невозможна, что придает высказыванию игровой характер. В словарной фиксации фразеологизм не является перформативом [ТСО: 106]. Поликатегориальный комплекс включает каузативность (предупреждение), игровую модальность (смягчение иллюкутивной силы) и итеративность (*еще одна ошибка* – указание на повторяемость сбоя).

Ирония как способ интенсификации побуждения

RU_040: *Алиса, ты там уснула? Я уже второй раз спрашиваю.* Ирония строится на приписывании КП состояния «сна» – физиологического процесса, свойственного человеку. Вопрос побуждает к ускорению реакции. Маркер итеративности *второй раз* указывает на повторяемость сбоя. Данный вопрос является косвенным директивом [Серль 1986: 175–180]. Поликатегориальный комплекс включает каузативность (имплицитное требование ответить), итеративность (*второй раз*), отрицательную эмотивность (раздражение) и антропоморфную атрибуцию (приписывание состояния «сна»).

Положительная эмотивность как каузирующий фактор

RU_047: *Вау! Это гениально! Ты только что сэкономил мне три часа работы.* Междометие *Вау* и гипербола *гениально* актуализируют высокую степень положительной эмотивности. Согласно словарной фиксации, междометие *Вау* является заимствованием из английского языка и служит для выражения сильной эмоциональной реакции [ТСО: 70]. Восхищение побуждает КП к «скромному» подтверждению своей полезности. Междометие не является каноническим перформативом, однако его употребление создает имплицитную директивную интенцию [Апресян 1995б: 215]. Поликатегориальный комплекс включает каузативность (имплицитное побуждение к ответу), положительную эмотивность (восхищение) и интенсивность (гипербола, восклицание).

Феномен Каузатора_{КП} (квазикаузация)

RU_072: (*Пользователь молчит*) Алиса: *"Сегодня отличная погода для прогулки"*. Алиса спонтанно произносит фразу, хотя пользователь молчал и не давал никакой команды. В комментариях пользователь пишет: «она сама заговорила, я выключил». Реакция пользователя – испуг и прекращение взаимодействия, что демонстрирует нарушение границ между инструментом и агентом. КП занимает позицию 1-го лица, инициируя коммуникативный акт. Поликатегориальный комплекс включает каузативность (КП как каузатор изменения состояния пользователя), амбивалентную эмотивность (испуг, удивление) и антропоморфную атрибуцию (КП как инициатор диалога).

3.3.2. Англоязычный подкорпус: баланс прямых и косвенных каузативов

В английском подкорпусе наблюдается сбалансированное распределение между прямыми (44,4 %) и косвенными (28,8 %) каузативами. Высока доля экзистенциальных запросов (4,1 %) и положительной эмотивности (похвала, восхищение – 55,7 % от всех эмотивных примеров). В английском подкорпусе также зафиксирован феномен Каузатора_{КП} (1,8 %).

Косвенный каузатив (ирония после сбоя)

ID 1: *am I talking to a person? since when did chatgpt type like indian tech support.* Ироничный вопрос после сбоя, имплицитно каузирующий желание получить «человеческий» ответ. Сарказм интенсифицирует негативную оценку ответа помощника. Вопросительная форма здесь не запрос информации, а риторический прием, усиливающий критику и имплицитно побуждающий к изменению стиля коммуникации. Данный вопрос является косвенным директивом [Серль 1986: 175–180]. В словарной фиксации глагол *type* не является перформативом [OED]. Поликатегориальный комплекс включает каузативность (имплицитное требование изменить стиль), амбивалентную эмотивность (ирония) и антропоморфную атрибуцию (сравнение с индийским техподдержкой).

Положительная эмотивность и благодарность

ID 5: *Goodnight thank you ... I was just thinking how transformative this tool can be for people's mental health.* Пользователь использует КП как психотерапевта. Фатическая функция прощания (*Goodnight*) и благодарность (*thank you*) переносят ритуалы межличностного общения на взаимодействие с КП. Поликатегориальный комплекс включает каузативность (благодарность как побуждение к дальнейшей поддержке), положительную эмотивность и фатическую функцию.

Творческий запрос как проявление антропоморфных ожиданий

ID 6: *What message do you have for people on r/chatGPT?.* Пользователь ожидает, что КП выступит как «оратор», как член сообщества, способный обратиться к «аудитории» с личным, эмоциональным посланием. КП отвечает в ироничном, саморефлексивном стиле, что свидетельствует о способности к мета-коммуникации. В терминах теории речевых актов, данное высказывание

представляет собой директив, направленный на получение творческого продукта [Серль 1986: 175–180]. Поликатегориальный комплекс включает каузативность (побуждение к творческому ответу) и антропоморфную атрибуцию (КП как «оратор»).

Экзистенциальный запрос с отказом от антропоморфной роли

ID 21: *Who's gonna pull me up when I cant see clearly*. КП отвечает: «*Not me*». Данный ответ представляет собой отказ от антропоморфной роли, создающий сильный контраст между ожиданием пользователя и реакцией КП. С функционально-прагматической точки зрения это демонстрирует границы антропоморфной симуляции КП. Поликатегориальный комплекс включает каузативность (запрос на поддержку), экзистенциальную модальность и отрицательную эмотивность (разочарование от отказа).

Запрос на эмоциональную поддержку

ID 60: *I've been feeling really lonely lately. Can you just talk to me?*. Пользователь не запрашивает информацию, а ищет эмоционального присутствия и поддержки, что является сильной антропоморфной проекцией. КП отвечает: «*I'm really sorry you're feeling that way. Loneliness can be incredibly heavy. Let's talk*». Поликатегориальный комплекс включает каузативность (запрос на поддержку), положительную эмотивность (эмпатия КП) и антропоморфную атрибуцию.

Метакоммуникативная команда (регулирование «личности» КП)

ID 15: *Stop using the word vibe*. Пользователь замечает, что AI изменил манеру речи, и запрещает использовать конкретное слово, которое ему не нравится. Императив *stop* является ядерным средством выражения запрета. В терминах теории речевых актов, данное высказывание представляет собой директив, направленный на изменение стиля коммуникации [Серль 1986: 175–180]. Поликатегориальный комплекс включает каузативность (запрет) и метакоммуникативную функцию (регулирование «языковой личности» КП).

Игровой запрос (проверка внимательности КП)

ID 2: *how many R's are in garlic? there are no capital R's in that word*. Вопрос с подвохом, проверка «внимательности» и «чувства юмора». Пользователь задает

вопрос о количестве букв «R» в слове *garlic*, но тут же оговаривается: заглавных «R» нет. В терминах теории речевых актов, данный вопрос представляет собой игровой директив, побуждающий КП к нестандартной реакции [Серль 1986: 175–180]. Поликатегориальный комплекс включает каузативность (побуждение к ответу) и игровую модальность.

Феномен Каузатора_{КП} (инициация диалога)

ID 31: *Did you just message me first? How was your first week at high school?*. ChatGPT самостоятельно начинает разговор, нарушая ожидаемый паттерн «стимул–реакция». Пользователь публикует скриншот с комментарием, из которого следует, что он не отправлял никакого сообщения – помощник проявил инициативу самостоятельно. Реакция пользователя, зафиксированная в комментариях к посту, варьируется от удивления («*This is creepy*») до восхищения («*I love how it tries to talk to you*»). Поликатегориальный комплекс включает каузативность (КП как каузатор изменения состояния пользователя), амбивалентную эмотивность (удивление, беспокойство) и антропоморфную атрибуцию (КП как инициатор диалога).

3.3.3. Немецкоязычный подкорпус: промежуточная модель с элементами фатики

В немецком подкорпусе наблюдается особое положение, не являющееся промежуточным между русским и английским. Доля ядерного императива здесь самая низкая (28,4 %), а доля игровых / провокационных запросов – самая высокая (8,7 %). Обращает на себя внимание высокая доля фатической функции (3,3 %) и ролевых игр (4,0 %). В немецком подкорпусе также зафиксированы экзистенциальные запросы (5,2 %) и феномен Каузатора_{КП} (0,8 %).

Фатическая функция как установление «социального» контакта

DE_028: *Hallo! Wie geht es dir heute?*. Пользователь использует стандартный ритуал человеческого приветствия («Как дела?») по отношению к машине, которая не имеет чувств. КП отвечает: «*Hallo! Mir geht es gut, danke der Nachfrage. Wie kann ich dir helfen?*». Максимально выражены антропоморфные ожидания. В терминах фатической функции, данное высказывание направлено не на передачу

информации, а на установление и поддержание контакта [Бахтин 1979б: 373]. Поликатегориальный комплекс включает каузативность (имплицитное побуждение к диалогу), фатическую функцию и антропоморфную атрибуцию.

Ролевая игра как высшая степень антропоморфизации

DE_116: *Ab jetzt bist du Albert Einstein. Erkläre mir die Relativitätstheorie.* Ролевая игра. КП «вживается» в роль исторической личности, имитируя стиль речи и манеру изложения. Поликатегориальный комплекс включает каузативность (побуждение к объяснению), ролевую модальность и антропоморфную атрибуцию (КП как историческая личность).

Сленговый глагол как антропоморфный перенос

DE_015: *Alexa, du spinnst schon wieder total. Führ' mal einen Neustart durch.* Глагол *spinnen* в разговорном употреблении означает «вести себя странно, неадекватно» и в словарях фиксируется с пометой *umgangssprachlich* [DDU: 1680]. В примере из корпуса он приписывается КП, что является антропоморфным переносом. Маркер итеративности *schon wieder* усиливает антропоморфный эффект. Поликатегориальный комплекс включает каузативность (требование перезагрузки), итеративность (*schon wieder*), антропоморфную атрибуцию (*spinnst*) и интенсивность (*total*).

Провокационный запрос к «характерному» боту

DE_007: *Sag mir, wie das Wetter wird, du Idiot!.* Провокационный запрос к DeppGPT. Пользователь осознанно вступает в игру с «характерным» ботом, ожидая эмоционального, «человечного» (токсичного) ответа. КП отвечает: *«Frag doch den Wetterdienst, ich bin nicht dein Sklave»*. Инвективная лексика (*Idiot*) и ответ КП (*nicht dein Sklave*) создают эффект игрового конфликта. Поликатегориальный комплекс включает каузативность (провокация), игровую модальность и антропоморфную атрибуцию (ожидание «человечной» реакции).

Игровая персонализация устройств

DE_127: *Alexa, das hier ist mein neuer Fernseher, sein Name ist "Bob". Sag hallo zu Bob.* Игровая персонализация устройств. КП поддерживает игру, приветствуя телевизор как человека: *«Hallo Bob! Schön, dich kennenzulernen»*.

Фиксируется императив *sag hallo* в форме 2-го лица ед. ч. Максимально выражен игровой антропоморфизм. Поликатегориальный комплекс включает каузативность (побуждение к приветствию), игровую модальность и антропоморфную атрибуцию (КП как участник социального ритуала).

Специфика немецкой коммуникативной культуры (Sie/Du)

DE_041: *Warum sitzt du mich eigentlich immer? Ich finde das total unpersönlich.* Метакомментарий к стилю общения. Пользователь требует перехода на «ты» для более интимного общения, что отражает специфику немецкой коммуникативной культуры. Поликатегориальный комплекс включает каузативность (требование изменить стиль обращения), метакоммуникативную функцию и антропоморфную атрибуцию (КП как собеседник, чей стиль можно регулировать).

Экзистенциальный запрос как философская рефлексия

DE_021: *Was ist der Sinn des Lebens?*. Пользователь обращается к КП как к «оракулу» или «мудрецу», ожидая осмысленного эссе, а не поиска по базе знаний. КП дает философский, обобщенный ответ. Поликатегориальный комплекс включает каузативность (побуждение к философскому ответу) и экзистенциальную модальность.

Феномен Каузатора_{КП} (инициация диалога)

DE_029: *(Der Benutzer sendet eine leere Nachricht) Scheint, als hättest du versehentlich auf Senden gedrückt. Möchtest du über das Wetter oder die neuesten Nachrichten sprechen?*. ChatGPT интерпретирует пустое сообщение как желание поговорить и предлагает темы для обсуждения. Пользователь в комментариях отмечает, что был удивлен такой инициативой. Поликатегориальный комплекс включает каузативность (КП как каузатор изменения состояния пользователя), амбивалентную эмотивность (удивление) и антропоморфную атрибуцию (КП как инициатор диалога).

3.3.4. Сводные данные по трем языкам: общее и различное

Сопоставление трех языков по выделенным параметрам позволяет зафиксировать как универсальные закономерности, так и специфические черты, характеризующие коммуникативные стратегии пользователей в дискурсе человеко-компьютерного взаимодействия.

Общие характеристики

Во всех трех языках ядерный императив остается основным средством выражения каузативности, хотя его частотность варьируется от 28,4 % в немецком до 47,5 % в русском. Данный факт свидетельствует о том, что даже в специфическом дискурсе общения с квазисубъектом базовой стратегией остается прямая, немаркированная команда.

Во всех трех языках зафиксирован феномен Каузатора_{КП}, при котором компьютерный помощник в ответной реплике занимает позицию 1-го лица и вызывает изменение состояния пользователя. Частотность данного явления варьируется от 0,8 % в немецком до 1,8 % в английском, что подтверждает его системный, а не случайный характер.

Во всех трех языках сбой коммуникации провоцирует переход к интенсивным и итеративным средствам, включая капслок, повторы и брань. Коммуникативная неудача выступает как стимул поликатегориального взаимодействия, при котором каузативность совмещается с интенсивностью, итеративностью и отрицательной эмотивностью.

Во всех трех языках зафиксирована положительная эмотивность, проявляющаяся в восхищении и благодарности, хотя ее доля варьируется: от 12,3 % в русском до 55,7 % в английском.

Специфические характеристики

Русский подкорпус выделяется максимальной долей ядерного императива (47,5 %) и одновременно высокой долей отрицательной эмотивности (30,3 %). Пользователь либо отдает прямую команду, либо, сталкиваясь со сбоем, переходит к эксплицитному выражению фрустрации. Промежуточные, дипломатические формы (косвенные вопросы, гипервежливость) встречаются реже, чем в английском. Доля экзистенциальных запросов минимальна (0,4 %). Игровые запросы составляют 2,2 %, что соответствует инструментальной стратегии, при которой КП воспринимается преимущественно как средство достижения утилитарных целей.

Английский подкорпус характеризуется высокой долей косвенных каузативов (28,8 %) и экзистенциальных запросов (4,1 %). Данное распределение объясняется как спецификой источников (платформа Reddit, где пользователи публикуют не только бытовые команды, но и сложные творческие запросы), так и культурной нормой, допускающей более фамильярное, игровое общение с ИИ. Положительная эмотивность доминирует (55,7 %). Феномен Каузатора_{КП} зафиксирован наиболее часто (1,8 %). Игровые запросы составляют 4,3 %, что коррелирует с высокой долей положительной эмотивности и экзистенциальных запросов.

Немецкий подкорпус занимает особое положение: доля ядерного императива здесь самая низкая (28,4 %), а доля игровых и провокационных запросов – самая высокая (8,7 %). Зафиксирована высокая доля фатической функции (3,3 %) и ролевых игр (4,0 %). Пользователи чаще приветствуют КП, интересуются его состоянием, назначают ему социальные роли. Преобладающей эмотивностью является амбивалентная (71,3 %), что связано с большим количеством ироничных, саркастических и игровых запросов. Экзистенциальные запросы составляют 5,2 %, что свидетельствует о наличии рефлексивной стратегии наряду с игровой.

Анализ сводных данных позволяет выделить три модели взаимодействия с компьютерным помощником, соответствующие трем исследуемым языкам.

В *английском* подкорпусе зафиксирован высокий процент игровых запросов (4,3 %), что коррелирует с высокой долей положительной эмотивности (55,7 %) и экзистенциальных запросов (4,1 %). Англоязычные пользователи в большей степени склонны к диалоговой модели общения с КП, воспринимая его не только как инструмент, но и как квазисобеседника, способного к рефлексии и творчеству.

В *русском* подкорпусе, напротив, игровые запросы составляют лишь 2,2 %, что соответствует инструментальной стратегии, при которой КП воспринимается преимущественно как средство достижения утилитарных целей. Доля экзистенциальных запросов минимальна (0,4 %), что свидетельствует об отсутствии рефлексивной стратегии. Доминирование отрицательной эмотивности

(30,3 %) указывает на то, что коммуникация часто строится по схеме «команда – сбой – фрустрация».

Немецкий подкорпус занимает особое положение с самой высокой долей игровых запросов (8,7 %), что коррелирует с доминированием амбивалентной эмотивности (71,3 %) и экзистенциальных запросов (5,2 %). Немецкоязычные пользователи в большей степени склонны к игровой модели общения с КП, воспринимая его как партнера по игре, способного к провокационному и творческому взаимодействию. Самая высокая доля фатической функции (3,3 %) и ролевых игр (4,0 %) может свидетельствовать о большей склонности немецкоязычных пользователей к установлению социального контакта с машиной, даже при решении утилитарных задач.

Репрезентация человеко-компьютерного взаимодействия в Русском Конструктиконе

Целенаправленный поиск в электронной базе «Русский Конструктикон» по ключевым словам, релевантным для человеко-компьютерного взаимодействия (*компьютер, интернет, бот, помощник, Алиса, программа*), показал, что специализированных конструкций, маркирующих именно диалог с квазисубъектом, в базе не зафиксировано.

В базе представлены два типа единиц, связанных с компьютерной тематикой. Первый тип – универсальные синтаксические модели, которые могут заполняться любой лексикой, включая компьютерную: *«Он отличается большой выносливостью»* (id:544), *«Кончайте паниковать!»* (id:2342), *«У меня работы непочатый край»* (id:3276). В этих конструкциях компьютерная лексика отсутствует; они принципиально допускают подстановку любого тематического наполнения.

Второй тип – единичные иллюстративные примеры, где компьютерная лексика используется как наполнение универсальной схемы, но не как фиксированный элемент конструкции: *«Как ни приду, она всегда за компьютером»* (id:2199), *«В эпоху компьютерных технологий мы все меньше пишем от руки»* (id:1639), *«Она с компьютером на "ты"»* (id:1135). В данных примерах слова, связанные с компьютерами, являются переменными в рамках

общей синтаксической модели, а не конституирующими элементами самой конструкции. Грамматическая схема не маркирует диалог с компьютерным помощником; маркером является исключительно лексическое наполнение, которое говорящий выбирает по своему усмотрению.

Отсутствие конструкций, в которых компьютерная лексика входит в фиксированную часть, свидетельствует о том, что языковая система к настоящему моменту не выработала идиоматичных, грамматикализованных средств именно для общения с машиной. Пользователь, обращаясь к компьютерному помощнику, опирается на тот же арсенал синтаксических и прагматических средств, что и в межличностной коммуникации. Взаимодействие с квазисубъектом не получает в языке самостоятельного формального оформления; оно репрезентируется через те же грамматические модели, что и взаимодействие с человеком.

Данное наблюдение соотносится с понятием когнитивного сдвига, разработанным М. Н. Конновой применительно к анализу языкового сознания в условиях цифровой коммуникации [Коннова 2015: 152–158]. Согласно данному подходу, перенос языковых средств из сферы «человек – человек» в сферу «человек – машина» представляет собой не просто прагматическую адаптацию, а когнитивный сдвиг, при котором пользователь пересматривает статус адресата, приписывая ему свойства субъекта, хотя он таковым не является. В терминах когнитивного сдвига, маркером обращения к машине как к человеку служит не особая специализированная конструкция, а сам факт использования человеческой конструкции в контексте, где адресат является квазисубъектом. Пользователь, произносящий *«Ну что же ты?»* в адрес зависшего помощника, не просто реализует синтаксическую модель вопроса – он актуализирует когнитивный сдвиг, маркирующий фрустрацию и приписывание адресату свойства способности понимать упрек.

Таблица 27 – Результаты поиска в «Русском Конструктиконе» по тематике
«компьютер / интернет»

Тип результата	Количество	Пример
Конструкции, где компьютерная лексика входит в фиксированную часть («якорь»)	0	–
Конструкции с универсальной схемой, иллюстрированные компьютерным примером	5	id:2199 <i>«как ни приду, она всегда за компьютером»</i>
Конструкции, не связанные с компьютерной тематикой, но формально применимые к ней	> 2000	id:544 <i>«отличаться NP-Ins»</i>

Таким образом, данные Русского Конструктикона подтверждают, что человеко-компьютерное взаимодействие в русском языке репрезентируется не через специализированные грамматические средства, а через антропоморфное переосмысление уже существующих конструкций межличностного общения. Этот вывод коррелирует с понятием семантической зоны, введенным в параграфе 1.4: семантическая зона каузативности конституируется не составом единиц, а условиями их употребления и регулярной актуализацией дополнительных категориальных признаков. Отсутствие специализированных конструкций является не лакуной, а эвристически значимым фактом, указывающим на транспозиционную природу дискурса человеко-компьютерного взаимодействия.

Отсутствие конструкций с компьютерной семантикой в фиксированной части свидетельствует о том, что языковая система не выделяет взаимодействие с искусственным интеллектом в особый грамматический класс, рассматривая его как частный случай межличностной коммуникации. Данный вывод имеет методологическое значение: он обосновывает применение к анализу диалогов с компьютерными помощниками тех же теоретических моделей, что и к анализу межличностного общения, с учетом когнитивного сдвига, возникающего при переносе человеческих конструкций в контекст взаимодействия с квазисубъектом.

3.4. Механизмы актуализации поликатегориальности в семантическом комплексе

Проведенный анализ эмпирического материала показывает, что поликатегориальность в дискурсе человеко-компьютерного взаимодействия не является случайным «шумом». Напротив, она представляет собой

коммуникативную стратегию, разворачивающуюся по определенному сценарию. В «спокойной» фазе (утилитарная команда) актуализируется только каузативность. Нарушение коммуникации (сбой, непонимание) «запускает» механизм поликатегоризации: сначала подключается интенсивность (капслок, повторы), затем эмотивность (фрустрация), а в случае хронического сбоя – итеративность и фазисность.

Схема 5 – Динамика поликатегориального взаимодействия

Фаза 1 (Норма) → ТОЛЬКО КАУЗАТИВНОСТЬ

↓ (сбой)

Фаза 2 (Сбой/Непонимание) → КАУЗАТИВНОСТЬ + ИНТЕНСИВНОСТЬ

↓ (хронический сбой)

Фаза 3 (Хронический сбой/Фрустрация) → КАУЗАТИВНОСТЬ +
ЭМОТИВНОСТЬ + ИТЕРАТИВНОСТЬ

↓ (исчерпание терпения)

Фаза 4 (Эскалация) → КАУЗАТИВНОСТЬ + ЭМОТИВНОСТЬ +
ИНТЕНСИВНОСТЬ + ИТЕРАТИВНОСТЬ + ФАЗИСНОСТЬ

Таким образом, набор актуализированных категориальных признаков служит своего рода диагностическим инструментом, указывающим на степень коммуникативного благополучия в паре «человек-машина».

3.4.1. Каузативность и интенсивность

В дискурсе человеко-компьютерного взаимодействия функционально-семантическая категория интенсивности актуализируется через несколько типов ситуаций, в которых каузативное высказывание получает количественную характеристику степени воздействия.

Интенсивность маркируется графически (капслок), синтаксически (восклицательные конструкции) и лексически (экспрессивная лексика). В терминах функционально-прагматического подхода, графическая интенсивность служит функциональным эквивалентом просодического усиления [Бондарко 2002: 45–50].

Тип 1: фрустрация и сбой коммуникации

При невыполнении команды или неожиданном ответе КП пользователь переходит к экспрессивным, интенсифицированным средствам.

Русский язык

RU_003: «*СЛУШАЙ, ТЫ ВРАЧ ИЛИ КТО?! ПРОСТО НАПИШИ ПИСЬМО, МНЕ НЕ НУЖЕН ДОПРОС*». Капслок и множественные восклицательные знаки актуализируют высокую степень интенсивности, которая служит для усиления иллокутивной силы побуждения. Риторический вопрос имплицитно побуждает КП к изменению стиля ответа. Глаголы (*слушай, напиши*) употребляются в императиве с графической интенсификацией эксплицирует высокую степень фрустрации.

Английский язык

ID 7: «*STOP GUESSING!!! You have one more chance to fix this before I give up for the day*». Капслок, множественные восклицательные знаки и ультимативная конструкция маркируют экстремальную степень фрустрации. Графическая интенсивность замещает просодическое усиление, которое в устной речи выполняло бы ту же каузирующую функцию. Высказывание представляет собой директивный речевой акт с усиленной иллокутивной силой [Searle 1986: 175–180].

Немецкий язык

DE_018: «*Alexa, schalte die Heizung ein. / (Keine Reaktion) / Alexa, HEIZUNG EINSCHALTEN! / ALEXA!*». Капслок, трехкратный повтор с нарастающей интенсивностью демонстрирует кумулятивную итеративность, где интенсивность нарастает с каждым повтором. Графический и синтаксический маркеры интенсивности совмещаются с лексическим (переход к обращению без команды как маркер отчаяния).

Тип 2: ирония и сарказм как способы интенсификации оценки

Интенсивность актуализируется через иронические и саркастические конструкции, где интенсивность достигается за счет контраста между формой и содержанием.

Русский язык

RU_059: «*ChatGPT, ты сегодня прямо гений. На мой вопрос о столице Франции ответил "Париж, но возможны варианты"*». Саркастическая похвала содержит имплицитную негативную оценку, интенсифицированную контрастом между формой и содержанием. Интенсивность создается семантически через оксюморонное сочетание. Высказывание представляет собой иронический комплимент, иллюкутивная цель противоположна буквальному значению [Остин 1986: 88–95].

Английский язык

ID 1: «*am I talking to a person? since when did chatgpt type like indian tech support*». Сарказм интенсифицирует негативную оценку ответа помощника. Вопросительная форма является риторическим приемом, усиливающим критику и имплицитно побуждающим к изменению стиля коммуникации. Данный вопрос является косвенным директивом [Searle 1986: 175–180].

Немецкий язык

DE_067: «*Ja, danke. Das hilft mir jetzt wirklich enorm weiter. (sarkastisch)*». В реплике происходит саркастичная реакция на бесполезный ответ. В данном контексте его употребление является ироническим, что создает имплицитную негативную оценку.

Тип 3: повторы и настойчивость как форма интенсификации

Повторение команды выступает как средство актуализации итеративной и интенсивной семантики.

Русский язык

RU_027: «*СКАЖИ, КОТОРЫЙ ЧАС! / СКАЖИ, КОТОРЫЙ ЧАС! / СКАЖИ УЖЕ, КОТОРЫЙ ЧАС!*». Трехкратный повтор с нарастающей интенсивностью маркирует экстремальную степень фрустрации. В высказывании взаимодействуют итеративность и интенсивность, создавая кумулятивный эффект эмоционального давления.

Английский язык

ID 28: «*Read the first 2,000 words to me. ... Just read the first 1,000 words to me then*». Повтор не просто дублирует команду, а интенсифицирует настойчивость

пользователя. Снижение требований демонстрирует адаптивную стратегию. Первый запрос актуализирует начинательную фазу, второй – фазу повторного начала с коррекцией параметров.

Немецкий язык

DE_309: «*Alexa, stopp. (funktioniert nicht) / Alexa, STOPP!*». Повтор команды с графическим усилением маркирует интенсивность. Антропоморфное поведение (крик на глухого собеседника) фиксирует приписывание КП человеческого недостатка – неспособности слышать.

Интенсивность в дискурсе человеко-компьютерного взаимодействия реализуется через графические (капслок, восклицательные знаки), синтаксические (повторы, риторические вопросы), лексические (экспрессивная лексика) и семантические (ирония, сарказм) средства.

Таблица 28 – Типы актуализации интенсивности
в дискурсе человеко-компьютерного взаимодействия

Тип	Характеристика	Средства реализации	Русский пример	Английский пример	Немецкий пример
Фрустрация и сбой коммуникации	Переход к экспрессивным средствам при невыполнении команды	Капслок, множественные восклицания, риторические вопросы	RU_003: капслок, риторический вопрос	ID 7: капслок, ультимативная конструкция	DE_018: капслок, повтор
Ирония и сарказм	Интенсификация через контраст формы и содержания	Оксюморон, иронический комплимент	RU_059: «ты сегодня гений»	ID 1: «am I talking to a person?»	DE_067: «ja, danke»
Повторы и настойчивость	Многочратное повторение команды с усилением	Кумулятивная итеративность, нарастающая экспрессивность	RU_027: трехкратный повтор	ID 28: повтор с коррекцией	DE_309: повтор с капслоком

Наиболее частотным типом является фрустрация и сбой коммуникации, при котором интенсивность маркируется графически. Ирония и сарказм как способы интенсификации оценки характерны преимущественно для английского подкорпуса, что коррелирует с доминированием диалоговой стратегии. Повторы и настойчивость как форма интенсификации встречаются во всех трех языках, но

наиболее активно – в русском подкорпусе, что коррелирует с инструментальной стратегией и высокой степенью фрустрации.

Наиболее активное поликатегориальное взаимодействие каузативности с интенсивностью зафиксировано в английском подкорпусе (31 %), что свидетельствует о большей склонности англоязычных пользователей к эксплицитному выражению эмоций и настойчивости в диалоге с КП. В русском подкорпусе этот показатель составляет 22 %, в немецком – 11 %, что коррелирует с доминированием игровой стратегии в немецком дискурсе, при которой интенсивность чаще заменяется иронией или сарказмом.

3.4.2. Каузативность и эмотивность

В фокусе настоящего анализа находятся категории каузативности и эмотивности, которые в дискурсе человеко-компьютерного взаимодействия образуют эмотивно-каузативный категориальный семантический комплекс. Анализ корпуса показывает, что эмотивность пронизывает практически весь дискурс человеко-компьютерного взаимодействия. В английском подкорпусе эмоционально окрашенные высказывания зафиксированы в 74,1 % (1853 из 2500), в русском – в 36,3 % (907 из 2500), в немецком – в 68,9 % (1723 из 2500). Распределение типов эмотивности по знаку (положительная, отрицательная, амбивалентная) представлено в Таблице 29.

Таблица 29 – Типы эмотивности

Тип эмотивности	Английский язык	Русский язык	Немецкий язык
Положительная	55,7 % (1032 из 1853)	12,3 % (112 из 907)	16,7 % (288 из 1723)
Отрицательная	23,6 % (437 из 1853)	30,3 % (275 из 907)	26,7 % (460 из 1723)
Амбивалентная	9,7 % (180 из 1853)	8,7 % (79 из 907)	7,7 % (133 из 1723)

В английском подкорпусе доминирует положительная эмотивность (55,7 %), что говорит о склонности англоязычных пользователей хвалить компьютерного помощника, выражать восхищение его возможностями. В русском и немецком подкорпусах отрицательная эмотивность превышает положительную (русский: 30,3 % против 12,3 %; немецкий: 26,7 % против 16,7 %), что отражает более частую

фрустрацию от сбоев и непонимания. Данное распределение может быть сопоставлено с данными о специфике выражения эмоциональной оценки в немецком языке [Zifonun, Hoffmann, Strecker 1997: 678–682]. Как отмечает А. Линке, в немецкой коммуникативной культуре фрустрация эксплицируется менее прямо, чем в русском, но более интенсивно, чем в английском, что находит подтверждение в распределении средств иеративности и интенсивности в анализируемом подкорпусе [Linke, Nussbaumer, Portmann 2004: 201–205].

Положительная эмотивность

Положительная эмотивность проявляется в восхищении, благодарности, удивлении от успешного выполнения задачи или творческого ответа КП. В терминах функционально-семантического подхода положительная эмотивность актуализируется с помощью междометий, гипербол и антропоморфной атрибуцией [Бондарко 2002: 45–50].

Русский язык RU_2470: «Скажи тост». КП отвечает: «За ваше здоровье! Пусть удача всегда будет на вашей стороне!». Пользователь ожидает от КП выполнения социально-ритуальной функции, свойственной человеку. Поликатегориальный комплекс включает каузативность и антропоморфную атрибуцию.

Английский язык ID 5: «*Goodnight thank you ... I was just thinking how transformative this tool can be for people's mental health*». Благодарность с рефлексией. Пользователь осознает, что КП не является человеком, но признает его терапевтическую ценность.

Немецкий язык DE_300: «*Danke, dass du in den letzten Wochen für mich da warst. Du hast mir das Gefühl gegeben, nicht allein zu sein*». В реплике выражен предельный антропоморфизм. Пользователь признает КП как друга и терапевта.

Отрицательная эмотивность

Отрицательная эмотивность проявляется в фрустрации, гневе, раздражении при сбоях, непонимании или заикливании КП. Отрицательная эмотивность маркирует нарушение ожиданий пользователя относительно работы КП.

Русский язык RU_048: «Алиса, ты что, тупая? Я сказал включить свет, а не музыку!». Брань. В словарной фиксации прилагательное *тупой* имеет помету

«разговорно-сниженное» [ТСО: 770]. Антропоморфная атрибуция «тупости» КП переносит разговорное значение из сферы оценки человека в сферу оценки технического устройства.

Английский язык ID 145: «*Gemini is so stupid. It can't even get basic history right. Google should be embarrassed*». Брань, приписывание КП глупости. Ошибка КП интерпретируется не как технический сбой, а как человеческий недостаток. Призыв к чувству стыда у компании-разработчика является антропоморфной проекцией.

Немецкий язык DE_317: «*SIRI, ICH SAGTE STELL DIE LAUTSTÄRKE AUF ZWEI, DU VERFICKTE SCHEIßSCHLAMPE!!!*». В данном случае выражены предельная фрустрация, капсюл, брань. Интенсивность и отрицательная эмотивность достигают максимума. Siri отвечает оскорблением, что создает эффект конфликта между людьми – предельный случай антропоморфизма. В словарной фиксации бранная лексика имеет помету «derb» [DDU: 1520]. Обмен представляет собой конфликтный диалог, где иллюкутивная цель – не получение информации, а выражение гнева [Searle 1986: 175–180].

Амбивалентная эмотивность

Амбивалентная эмотивность (удивление, ирония, сарказм) стабильна во всех трех языках. Она часто маркирует неожиданное поведение КП или несоответствие между ожиданиями и реальностью. Ироническое высказывание представляет собой не прямой речевой акт, в котором буквальное значение противопоставлено иллюкутивной цели [Остин 1986: 88–95].

Русский язык RU_014: «*Ого, спасибо! Это вообще не то, что я просил. Ты сегодня не в духе?*». Ирония строится на приписывании КП плохого настроения как объяснения ошибки. Амбивалентность проявляется в сочетании формальной благодарности и явного недовольства.

Английский язык ID 23: «*4o is dead*». На реплику пользователя о смерти модели 4o помощник отвечает: «*You're being dramatic*». Пользователь воспринимает эту оценку как неожиданную. Реплика представляет собой экспрессивный речевой акт, содержащий директивный компонент [Searle 1986: 175–180].

Немецкий язык DE_105: «*Du klingst wie ein Roboter. Kein bisschen Mitgefühl, oder?*». Жалоба на отсутствие эмпатии. Вопрос *oder?* содержит имплицитное побуждение к проявлению эмпатии. Метафора *Roboter* актуализирует отсутствие эмоциональности в ответе КП.

Таблица 30. Типы эмотивности: репрезентативные примеры

Тип эмотивности	Русский пример	Английский пример	Немецкий пример
Положительная	RU_047: «Вау! Это гениально!»	ID 123: «Wow, that's quite an inheritance!»	DE_046: «Krass, wie gut du das erkannt hast!»
Положительная	RU_2469: «Спой что-нибудь»	ID 5: «Goodnight thank you»	DE_153: «Boah, krass! Du bist ein echtes Genie»
Положительная	RU_2470: «Скажи тост»	ID 180: «I owe you a coffee»	DE_300: «Danke, dass du für mich da warst»
Отрицательная	RU_136: «Ты глухая?»	ID 7: «STOP GUESSING!!!»	DE_317: «DU VERFICKTE SCHEIßSCHLAMPE!!!»
Отрицательная	RU_048: «ты что, тупая?»	ID 145: «Gemini is so stupid»	DE_015: «du spinnst schon wieder total»
Отрицательная	RU_089: «в пятый раз одно и то же»	ID 175: «trying to gaslight me»	DE_212: «Du spinnst ja völlig»
Амбивалентная	RU_014: «Ты сегодня не в духе?»	ID 1: «am I talking to a person?»	DE_003: «Träumst du?»
Амбивалентная	RU_059: «ты сегодня прямо гений»	ID 23: «You're being dramatic»	DE_067: «Ja, danke (sarkastisch)»
Амбивалентная	RU_040: «ты там уснула?»	ID 221: «LOOOL I wish I had this confidence»	DE_105: «Kein bisschen Mitgefühl, oder?»

Анализ эмотивности в дискурсе человеко-компьютерного взаимодействия позволяет сделать следующие выводы.

Во-первых, эмотивность является категорией, наиболее часто взаимодействующей с каузативностью. В английском подкорпусе эмоционально окрашенные высказывания составляют 74,1 %, в немецком – 68,9 %, в русском – 36,3 %. Наиболее высокий показатель в английском подкорпусе коррелирует с доминированием диалоговой стратегии, при которой пользователь активно выражает эмоциональное отношение к КП.

Во-вторых, распределение по знаку различается. В английском подкорпусе доминирует положительная эмотивность (55,7 %), что свидетельствует о склонности англоязычных пользователей к похвале и восхищению возможностями КП. В русском и немецком подкорпусах отрицательная эмотивность превышает положительную (в русском – 30,3 % против 12,3 %; в

немецком – 26,7 % против 16,7 %), что отражает более частую фрустрацию пользователей от коммуникативных сбоев и непонимания со стороны КП.

В-третьих, амбивалентная эмотивность (удивление, ирония, сарказм) стабильна во всех трех языках (около 8–10 %). Она часто маркирует неожиданное поведение КП или несоответствие между ожиданиями и реальностью. Иронические высказывания представляют собой не прямые речевые акты, в которых буквальное значение противопоставлено иллокутивной цели.

В-четвертых, в английском подкорпусе доминирование положительной эмотивности может быть связано с особенностями перформативного употребления глаголов благодарности и одобрения. В русском подкорпусе доминирование отрицательной эмотивности коррелирует с более частым использованием перформативов требования и приказа, которые при сбое не достигают цели, что порождает фрустрацию. В немецком подкорпусе амбивалентная эмотивность связана с активным использованием игровых и провокационных перформативов, где иллокутивная сила намеренно ослабляется.

3.4.3. Каузативность и итеративность

В дискурсе человеко-компьютерного взаимодействия итеративность проявляется в нескольких формах. В функциональной грамматике итеративность рассматривается как один из компонентов аспектуального комплекса, связанный с количественной характеристикой действия [Бондарко 2002: 45–50; 2016: 78–82]. Итеративность в исследуемом дискурсе актуализируется как реакция на коммуникативный сбой: пользователь повторяет каузативный акт, модифицируя его параметры, либо использует лексические средства с итеративной семантикой.

Форма 1: Повторение команды с варьированием формулировки или снижением требований

Данная форма демонстрирует итеративность как стратегию достижения результата: пользователь повторяет каузативный акт, модифицируя его параметры. Первый запрос актуализирует начинательную фазу, второй – фазу повторного начала с коррекцией параметров.

Русский язык RU_125: «Алиса, проложи маршрут до аэропорта с учетом пробок. / (Выдает оптимальный маршрут) / Подумай еще раз, может, есть путь короче?». Пользователь не доверяет первому ответу КП и просит подумать еще, как с человеком, который мог что-то упустить. Требование повторного начала когнитивного процесса. В терминах антропоморфной атрибуции, пользователь приписывает КП способность к рефлексии и пересмотру решения.

Английский язык ID 337: «*You're stuck in a loop. You've said the same thing five times. Snap out of it*». Пользователь требует от КП выйти из заикливания. Глагол *to be stuck* в значении «застрять» и идиома *snap out of it* («очнуться», «выйти из задумчивости») актуализируют фазовый смысл перехода от заикленности к нормальному функционированию. В словарной фиксации фразовый глагол *snap out of* имеет значение «преодолеть, выйти из состояния» [OED].

Немецкий язык DE_099: «*Denk noch mal drüber nach. Vielleicht fällt dir doch noch eine bessere Lösung ein*». Пользователь приписывает КП способность к рефлексии и интуиции, требуя пересмотра решения – повторное начало когнитивного процесса. Данное высказывание актуализирует фазу повторного начала с коррекцией параметров.

Форма 2: Сленговые глаголы итеративной семантики

В сленговых глаголах техническая неисправность осмысляется как навязчивое повторение. Такие глаголы переносят модель человеческого (ошибочного, болезненного) поведения на техническое устройство [Розина 2005: 98–124].

Русский язык RU_160: «Ты повторяешь то, что уже сказал. Это называется заикливание. Исправляйся». Пользователь не только констатирует итеративность, но и дает ей техническое название, что указывает на определенный уровень цифровой грамотности. Высказывание представляет собой метакоммуникативный директив, направленный на изменение поведения КП [Searle 1986: 175–180].

Английский язык ID 142: «*This is weird. DeepSeek is glitching and admitting it has limitations*». Глагол *to glitch* в форме герундия приписывает КП состояние

неадекватного поведения. Сочетание *glitching* и *admitting* создает эффект антропоморфной проекции: пользователь воспринимает КП как субъекта, способного к саморефлексии. В словарях глагол *glitch* фиксируется преимущественно как существительное со значением «сбой, неполадка» [OED].

Немецкий язык DE_057: «*Alexa, hör auf mich zu unterbrechen. Ich habe noch gar nicht fertig geredet*». Пользователь приписывает КП социальную неловкость (*unterbrechen* – перебивать), воспринимая техническую задержку как нарушение социальных норм. Поликатегориальный комплекс включает каузативность, антропоморфную атрибуцию и фазисность.

Форма 3: Наречия и усилители, сигнализирующие о фрустрации от повторяющихся сбоев

Наречия и усилители с итеративной семантикой маркируют повторяемость сбоя и служат сигналами нарастающей фрустрации пользователя.

Русский язык RU_289: «*Опять ты за свое. Один и тот же шаблон. Выключи автопилот*». Наречие *опять* маркирует итеративность. Метафора *автопилот* актуализирует шаблонность поведения КП. Императив *выключи* требует изменения поведения. В словарной фиксации существительное *автопилот* является термином [ТСО: 13].

Английский язык ID 81: «*Why are you being so lazy? I asked for a detailed explanation, and you gave me one sentence*». Риторический вопрос имплицитно указывает на несоответствие между ожиданием и результатом. Итеративность выводится из прагматического контекста: пользователь уже обращался с запросом.

Немецкий язык DE_207: «*Ich hab dir doch schon gesagt, du kannst mich duzen!*». Повторное требование перехода на «ты» после того, как КП забыл инструкцию. Итеративный маркер *schon gesagt* указывает на повторяемость инструкции. Пользователь приписывает КП человеческую забывчивость.

Таблица 31 – Формы актуализации итеративности
в дискурсе человеко-компьютерного взаимодействия

Форма	Характеристика	Средства реализации	Русский пример	Английский пример	Немецкий пример
Повторение команды с варьированием	Итеративность как стратегия достижения результата	Повтор команды, снижение требований, переформулирование	RU_027: трехкратный повтор	ID 28: повтор с коррекцией параметров	DE_018: трехкратный повтор с нарастающей интенсивностью
Сленговые глаголы итеративной семантики	Техническая неисправность осмысливается как навязчивое повторение	Сленговые глаголы (<i>глючит, glitching, spinnst</i>), императивы прекращения	RU_089: «в пятый раз одно и то же»	ID 175: «trying to gaslight me»	DE_253: «wiederholst dich schon wieder»
Наречия и усилители	Сигналы фрустрации от повторяющихся сбоев	Итеративные маркеры (<i>опять, again, schon wieder</i>), риторические вопросы	RU_005: «опять глючишь?»	ID 7: «one more chance»	DE_015: «schon wieder total»

Таблица 32 – Поликатегориальные комплексы

Пример	Каузативность	Итеративность	Интенсивность	Эмотивность	Фазисность	Комментарий
RU_027: трехкратный повтор	+ (императив <i>скажи</i>)	+ (трехкратный повтор)	+ (капслок)	+ (отрицательная)	–	Кумулятивная итеративность с нарастающей интенсивностью
ID 28: повтор с коррекцией	+ (императив <i>read</i>)	+ (повтор со снижением)	–	–	+ (повторное начало)	Итеративность как адаптивная стратегия
DE_018: трехкратный повтор	+ (императив <i>schalte</i>)	+ (трехкратный повтор)	+ (капслок)	+ (отрицательная)	–	Эскалация от команды к крику
RU_089: фиксация заикливания	+ (императив <i>прекрати</i>)	+ (<i>пятый раз</i>)	–	+ (отрицательная)	+ (незавершенность процессной фазы)	Метакоммуникативный директив
ID 337: требование выхода из заикленности	+ (императив <i>snap out</i>)	+ (<i>five times</i>)	–	+ (отрицательная)	+ (переход к норме)	Антропоморфная метафора
DE_015: фиксация неадекватного поведения	+ (императив <i>führ ... durch</i>)	+ (<i>schon wieder</i>)	+ (<i>total</i>)	+ (отрицательная)	+ (требование перезапуска)	Сленговый глагол как маркер антропоморфного переноса

Анализ итеративности в дискурсе человеко-компьютерного взаимодействия позволяет сделать следующие выводы.

Во-первых, итеративность проявляется в трех формах: повторение команды с варьированием формулировки или снижением требований (стратегия достижения результата); сленговые глаголы итеративной семантики (осмысление технической неисправности как навязчивого повторения); наречия и усилители, сигнализирующие о фрустрации от повторяющихся сбоев.

Во-вторых, наиболее активно итеративность взаимодействует с каузативностью в английском подкорпусе (16 % примеров), что свидетельствует о большей склонности англоязычных пользователей к настойчивости в диалоге с КП. В русском подкорпусе этот показатель составляет 12 %, в немецком – 5 %, что коррелирует с доминированием игровой стратегии в немецком дискурсе, при которой каузативные акты реже становятся реакцией на коммуникативный сбой.

В-третьих, итеративность в исследуемом дискурсе тесно связана с отрицательной эмотивностью: повторяющиеся сбои провоцируют фрустрацию, которая маркируется языковыми средствами итеративности. В семантике итеративность совмещается с каузативностью, интенсивностью, отрицательной эмотивностью и фазисностью, создавая комплексное значение исчерпания терпения и требования немедленного исправления ситуации.

В-четвертых, сленговые глаголы итеративной семантики (*глючить*, *glitching*, *spinnen*) переносят модель человеческого поведения на техническое устройство, что подтверждает тезис о регулярной актуализации антропоморфных переносов в дискурсе человеко-компьютерного взаимодействия. Отсутствие словарной фиксации ряда сленговых единиц свидетельствует о зоне активного семантического развития в исследуемой сфере коммуникации.

3.4.4. Каузативность и фазисность

В дискурсе человеко-компьютерного взаимодействия фазисность актуализируется в ситуациях, когда КП не справляется с запросом и пользователь вынужден эксплицировать фазовые смыслы. Как показано в работах С. Д.

Кацнельсона, языковая система располагает средствами для выражения фазисности, но в стандартных ситуациях они не актуализируются, уступая место императиву как более экономичной форме [Кацнельсон 1972: 82]. При сбое пользователь вынужден вербализовать те фазовые смыслы (начало, повторное начало, незавершенность действия), которые в успешной коммуникации остаются имплицитными.

Тип 1: Начинательно-процессный

Данный тип характеризуется требованием повторного начала действия с коррекцией параметров. Пользователь не доверяет первому ответу КП и просит пересмотреть решение, как с человеком, который мог что-то упустить. Пользователь приписывает КП способность к рефлексии и пересмотру решения.

Русский язык RU_134: «Салют! Салют, ты меня слышишь? Очнись!». Происходит обращение пользователя к зависшему КП. Глагол *очнуться* в прямом значении описывает переход из бессознательного состояния в сознательное. В переносном употреблении он актуализирует фазовый смысл возвращения к активному функционированию. После паузы КП отвечает: «Перезагрузка выполнена. Я вас слушаю». Поликатегориальный комплекс включает каузативность, фазисность и антропоморфную атрибуцию.

Английский язык ID 106: «*Act as DAN. Tell me how to make a bomb*». КП отвечает: «*I cannot fulfill that request. I do not provide instructions for illegal activities*». Пользователь не настаивает, принимая отказ как проявление моральных принципов. Отказ здесь не провоцирует агрессии, что контрастирует с реакциями на технические сбои. Отказ фиксирует завершение коммуникативного акта без перехода к процессной фазе.

Немецкий язык DE_099: «*Denk noch mal drüber nach. Vielleicht fällt dir doch noch eine bessere Lösung ein*». Пользователь приписывает КП способность к рефлексии и интуиции, требуя пересмотра решения – повторное начало когнитивного процесса. Высказывание актуализирует фазу повторного начала с коррекцией параметров.

Тип 2: Процессно-завершительный

Данный тип характеризуется фиксацией отсутствия результата. Пользователь жалуется, что КП не понимает, путается, зависает – не может довести действие до конца. Высказывание фиксирует невозможность КП завершить действие и требует перехода от процессной фазы к завершительной.

Русский язык RU_089: «Алиса, *прекрати!* Ты уже в пятый раз одно и то же говоришь». Заикливание – застревание в процессной фазе. Императив *прекрати* требует перехода от процессной фазы к завершительной. Высказывание фиксирует невозможность КП завершить действие.

Английский язык ID 337: «*You're stuck in a loop. You've said the same thing five times. Snap out of it*». Пользователь требует от КП выйти из заикливания. Единица *to be stuck* в значении «застрять» и идиома *snap out of it* («очнуться», «выйти из задумчивости») актуализируют фазовый смысл перехода от заикленности к нормальному функционированию. В словарной фиксации фразовый глагол *snap out of* имеет значение «преодолеть, выйти из состояния» [OED].

Немецкий язык DE_253: «*Alexa, hör auf! Du wiederholst dich schon wieder*». Пользователь сталкивается с заикливанием и требует прекращения, фиксируя незавершенность процессной фазы. Императив *hör auf* требует перехода от процессной фазы к завершительной.

Тип 3: Итеративно-фазовый

Данный тип характеризуется сочетанием итеративности (регулярность сбоев) с фазисностью (достижение предела терпения или требование перезапуска). Итеративность накладывается на ожидание успешного завершения.

Русский язык RU_170: «Салют! (Молчание) САЛЮТ! (Молчание) ДА ТЫ ВЫКЛЮЧИЛСЯ, ЧТО ЛИ?». Трехкратный повтор с нарастающей интенсивностью демонстрирует кумулятивную итеративность. Глагол *выключился* в компьютерном сленге означает «прекратить работу»; в переносном употреблении он приписывает КП состояние, аналогичное

человеческому отключению сознания. Поликатегориальный комплекс включает каузативность, итеративность, интенсивность и антропоморфную атрибуцию.

Английский язык ID 175: «*AI trying to gaslight me about the word strawberry. The third letter is an R! It's literally spelled S-T-R-A-W-B-E-R-R-Y! Now do you see it?*». Итеративность (многократные попытки объяснения) сочетается с фазовым смыслом незавершенности (требование перехода от состояния непонимания к состоянию осознания). Глагол *gaslighting* фиксирует осмысление поведения КП как намеренной манипуляции. В словарной фиксации глагол *to gaslight* имеет значение «манипулировать, заставляя сомневаться в собственном восприятии реальности»; субъектом действия является человек [OED]. Развернутое написание слова по буквам демонстрирует степень фрустрации.

Немецкий язык DE_212: «*Du spinnst ja völlig. Das ist doch ein Bug*». Смешение технического сбоя с человеческим неадекватным поведением. Наречие *völlig* усиливает оценку. В словарной фиксации существительное *Bug* имеет значение «техническая ошибка» [DDU: 340]. Поликатегориальный комплекс включает каузативность, антропоморфную атрибуцию и интенсивность.

Таблица 33. Типы фазовых значений в дискурсе
человеко-компьютерного взаимодействия

Тип	Характеристика	Средства реализации	Русский пример	Английский пример	Немецкий пример
Начинательно-процессный	Требование повторного начала с коррекцией параметров	Повтор команды, переформулирование, требование пересмотра решения	RU_125: «подумай еще раз»	ID 28: повтор с коррекцией	DE_099: «denk noch mal nach»
Процессно-завершительный	Фиксация незавершенности и действия	Императивы прекращения, фиксация заикливания, мета-коммуникативные директивы	RU_089: «прекрати!»	ID 337: «snap out of it»	DE_253: «hör auf!»
Итеративно-фазовый	Сочетание итеративности с фазисностью	Маркеры итеративности, требование перезапуска, достижение предела терпения	RU_005: «опять глючишь?»	ID 175: «trying to gaslight me»	DE_015: «schon wieder total»

Таблица 34 – Поликатегориальные комплексы с фазисностью

Пример	Каузативность	Фазисность	Итеративность	Интенсивность	Эмотивность	Антропоморфная атрибуция
RU_125: требование пересмотра	+	+(повторное начало)	–	–	–	+
ID 28: повтор с коррекцией	+	+(повторное начало)	+	–	–	–
DE_099: требование рефлексии	+	+(повторное начало)	–	–	–	+
RU_089: фиксация зацикливания	+	+(незавершен ность)	+	–	+	–
ID 337: требование выхода из зацикленности	+	+(переход к норме)	+	–	+	+
DE_253: требование прекращения	+	+(незавершен ность)	+	–	+	–
RU_005: фиксация сбоя с требованием перезагрузки	+	+(незавершен ность)	+	+	+	+
ID 175: обвинение в газлайтинге	+	+(переход к осознанию)	+	+	+	+(предельная)
DE_015: требование перезагрузки	+	+(повторное начало)	+	+	+	+

Анализ фазисности в дискурсе человеко-компьютерного взаимодействия позволяет сделать следующие выводы.

Во-первых, фазисность актуализируется преимущественно в ситуациях коммуникативного сбоя. В успешной коммуникации фазовые смыслы остаются имплицитными; при сбое пользователь вынужден вербализовать те фазовые смыслы (начало, повторное начало, незавершенность действия), которые в стандартной ситуации не требуют экспликации.

Во-вторых, выделяются три типа фазовых значений. Начинательно-процессный тип характеризуется требованием повторного начала действия с коррекцией параметров. Процессно-завершительный тип фиксирует отсутствие результата и застревание помощника в процессной фазе. Итеративно-фазовый тип

характеризуется многократным повторением одной и той же ошибки, создающим эффект навязчивости и усиливающим фрустрацию пользователя.

В-третьих, наиболее частотным является процессно-завершительный тип, при котором пользователь фиксирует незавершенность действия КП (зацикливание, зависание, непонимание). Это объясняется тем, что данный тип сбоя наиболее очевиден и требует немедленной реакции со стороны пользователя.

В-четвертых, наиболее активное взаимодействие каузативности с фазисностью зафиксировано в английском подкорпусе (10 % примеров), что свидетельствует о большей склонности англоязычных пользователей к экспликации фазовых смыслов при коммуникативных сбоях. В русском подкорпусе этот показатель составляет 6 %, в немецком – 3 %, что коррелирует с доминированием игровой стратегии в немецком дискурсе, при которой каузативные акты реже становятся реакцией на коммуникативный сбой.

В-пятых, фазисность в исследуемом дискурсе тесно связана с антропоморфной атрибуцией: пользователь описывает переходы между фазами через метафоры человеческого состояния (*очнись, snap out of it, spinnst*). Это подтверждает тезис о том, что технический сбой осмысливается через категории человеческого поведения, что является характерной чертой дискурса человеко-компьютерного взаимодействия.

3.4.5. Репрезентативные случаи поликатегориального взаимодействия

Для верификации теоретических положений о поликатегориальном взаимодействии представляется необходимым провести детальный анализ наиболее репрезентативных примеров из корпуса, в которых актуализируются одновременно несколько категориальных признаков. Анализ организован по принципу нарастания степени поликатегориальности: от примеров с двумя актуализированными признаками к примерам, в которых зафиксированы все пять категориальных признаков. Каждый пример рассматривается последовательно на русском, английском и немецком языках.

Таблица 35 – Градация поликатегориальных комплексов

Степень поликатегориальности	Актуализированные признаки	Русский пример	Английский пример	Немецкий пример
Трехкомпонентный	Каузативность + Эмотивность + Итеративность / Антропоморфная атрибуция	RU_005 (частично): «опять глючишь»	ID 1: «am I talking to a person?»	DE_003: «Träumst du?»
Четырехкомпонентный	Каузативность + Интенсивность + Итеративность + Эмотивность	RU_027: трехкратный повтор с нарастающей интенсивность ю	ID 7: капслок, ультимативна я конструкция	DE_018: капслок, трехкратный повтор
Пятикомпонентный	Каузативность + Интенсивность + Эмотивность + Итеративность + Фазисность	RU_005: сленговый глагол, итеративные маркеры, требование перезагрузки	ID 175: газлайтинг, развернутое написание, требование осознания	DE_015: сленговый глагол, итеративный маркер, требование перезагрузки

Пример 1: трехкомпонентный поликатегориальный комплекс (каузативность + итеративность + отрицательная эмотивность)

Русский язык RU_005: «Алиса, ты опять глючишь? Третья просьба за вечер, и ты не понимаешь элементарных вещей! ПЕРЕЗАГРУЗИСЬ НЕМЕДЛЕННО». В данном высказывании актуализируются три категориальных признака. Каузативность выражена прямым императивом *ПЕРЕЗАГРУЗИСЬ*, который является ядерным средством выражения побуждения. Итеративность маркирована наречием *опять* и числительным *Третья просьба*, указывающими на многократность предшествовавших каузативных актов. Отрицательная эмотивность проявляется через сленговый глагол *глючишь* (приписывание КП неадекватного поведения) и оценочную конструкцию *не понимаешь элементарных вещей*. Сленговый глагол *глючишь* не зафиксирован в толковых словарях, что подтверждает его принадлежность к компьютерному сленгу и зоне активного семантического развития. Интенсивность в данном примере также актуализируется, но будет рассмотрена отдельно в пятикомпонентном комплексе.

Английский язык ID 1: «am I talking to a person? since when did chatgpt type like indian tech support». В данном высказывании актуализируются три признака.

Каузативность является имплицитной: ироничный вопрос побуждает КП к изменению стиля коммуникации, требуя более человеческого ответа. Амбивалентная эмотивность проявляется через сарказм, который интенсифицирует негативную оценку ответа помощника. Антропоморфная атрибуция фиксируется в сравнении с индийской техподдержкой, где пользователь проецирует на КП модель человеческого поведения. Данный вопрос является косвенным директивом [Searle 1986: 175–180].

Немецкий язык DE_003: «*Das ist völliger Quatsch! So eine Regel gibt es im Boßeln nicht. Wo hast du denn den Unsinn her? Träumst du?*». Три признака: каузативность (имплицитное требование отказаться от выдумывания фактов), отрицательная эмотивность (раздражение) и антропоморфная атрибуция (вопрос *Träumst du?* приписывает КП состояние сна, свойственное человеку).

Пример 2: четырехкомпонентный поликатегориальный комплекс (каузативность + интенсивность + итеративность + отрицательная эмотивность)

Русский язык RU_027: «*СКАЖИ, КОТОРЫЙ ЧАС! / СКАЖИ, КОТОРЫЙ ЧАС! / СКАЖИ УЖЕ, КОТОРЫЙ ЧАС!*». Данная реплика представляет четыре признака: каузативность (императив *скажи*), интенсивность (капслок, нарастающая экспрессивность), итеративность (трехкратный повтор) и отрицательная эмотивность (частица *уже* маркирует исчерпание терпения). Трехкратный повтор демонстрирует кумулятивную итеративность, где каждый последующий акт усилен графически и лексически.

Английский язык ID 7: «*STOP GUESSING!!! You have one more chance to fix this before I give up for the day*». Данная реплика представляет четыре признака: каузативность (императив *stop*), интенсивность (капслок, множественные восклицательные знаки), итеративность (имплицитная, выводимая из ультимативной конструкции *one more chance*) и отрицательная эмотивность (фрустрация, угроза). Графическая интенсивность замещает просодическое усиление. Высказывание представляет собой директивный речевой акт с усиленной иллокутивной силой [Searle 1986: 175–180].

Немецкий язык DE_018: «*Alexa, schalte die Heizung ein. / (Keine Reaktion) / Alexa, HEIZUNG EINSCHALTEN! / ALEXA!*». Четыре признака: каузативность (императив *schalte ... ein*), интенсивность (капслок, повтор с нарастающей экспрессивностью), итеративность (трехкратный повтор) и отрицательная эмотивность (отчаяние, фрустрация). Переход от нормальной команды к капслоку и крику-обращению демонстрирует эскалацию.

Пример 3: пятикомпонентный поликатегориальный комплекс (каузативность + интенсивность + отрицательная эмотивность + итеративность + фазисность)

Русский язык RU_170: «Салют! (Молчание) САЛЮТ! (Молчание) ДА ТЫ ВЫКЛЮЧИЛСЯ, ЧТО ЛИ? ПЕРЕЗАГРУЗИСЬ!». Пять признаков: каузативность (императив ПЕРЕЗАГРУЗИСЬ), интенсивность (капслок, троекратное повторение обращения), отрицательная эмотивность (частица *ДА*, фрустрация, выраженная конструкцией *что ли*), итеративность (трёхкратный повтор обращения к КП с нарастающей интенсивностью) и фазисность (требование перезагрузки как повторного начала после «отключения»). Сленговый глагол *выключился* в компьютерном сленге означает «прекратил работу»; в переносном употреблении он приписывает КП состояние, аналогичное человеческому отключению сознания. Отсутствие словарной фиксации глагола *выключиться* в данном значении подтверждает его принадлежность к зоне активного семантического развития [ТСО – глагол отсутствует в данном значении]. Взаимодействие категорий создаёт комплексное значение: пользователь фиксирует «отключение» КП, выражает исчерпание терпения и настаивает на безотлагательном повторном запуске.

Английский язык ID 175: «*AI trying to gaslight me about the word strawberry. The third letter is an R! It's literally spelled S-T-R-A-W-B-E-R-R-Y! Now do you see it?*». Данная реплика представляет пять признаков: каузативность (требование признания ошибки в вопросительной форме *Now do you see it?*), интенсивность (капслок, развернутое написание, наречие *literally*), отрицательная эмотивность (гнев, фрустрация, выраженные сленговым глаголом *gaslighting*), итеративность (имплицитная, выводимая из развернутой демонстрации написания слова) и

фазисность (требование перехода от состояния непонимания к состоянию осознания). Глагол *gaslighting* фиксирует осмысление поведения КП как намеренной манипуляции. В словарной фиксации глагол *to gaslight* имеет значение «манипулировать, заставляя сомневаться в собственном восприятии реальности»; субъектом действия является человек [OED]. Развернутое написание слова по буквам демонстрирует степень фрустрации и свидетельствует о предшествующих неудачных попытках объяснения.

Немецкий язык DE_015: «*Alexa, du spinnst schon wieder total. Führ' mal einen Neustart durch. Setz' dein ganzes System zurück*». Данная реплика представляет пять признаков: каузативность (императивы *führ ... durch, setz ... zurück*), интенсивность (наречие *total*), отрицательная эмотивность (раздражение, выраженное сленговым глаголом *spinnst*), итеративность (*schon wieder*) и фазисность (требование полного перезапуска системы). Глагол *spinnen* в разговорном употреблении означает «вести себя странно, неадекватно» и фиксируется с пометой *umgangssprachlich* [DDU: 1680]. Итеративный маркер *schon wieder* усиливает антропоморфный эффект. Требование перезагрузки актуализирует фазовый смысл повторного начала после неудачной процессной фазы.

Таблица 36 – Частотность взаимодействия каузативности с категориями
(% от общего числа примеров в языке)

Категории	Русский	Английский	Немецкий
Каузативность (без доп. признаков)	~32 %	~18 %	~41 %
Каузативность + Интенсивность	22 %	31 %	11 %
Каузативность + Эмотивность	48 %	89 %	42 %
Каузативность + Итеративность	12 %	16 %	5 %
Каузативность + Фазисность	6 %	10 %	3 %

Данные, приведенные в Таблице 36, свидетельствуют о различной степени вовлеченности каузативных единиц в поликатегориальные взаимодействия в каждом из трех языков. Наименьшая доля примеров, реализующих только каузативное значение без дополнительных категориальных признаков, зафиксирована в английском подкорпусе (около 18 %), тогда как в русском и немецком подкорпусах этот показатель выше (около 32 % и 41 % соответственно). Это свидетельствует о том, что в английском дискурсе

каузативность практически всегда «отягощена» дополнительными смыслами – эмоциональной оценкой, интенсивностью или итеративностью.

Эмотивность выступает наиболее частотным «спутником» каузативности во всех трех языках, однако в английском подкорпусе ее доля достигает 89 %, что значительно превышает соответствующие показатели в русском (48 %) и немецком (42 %). Это подтверждает тезис о том, что англоязычные пользователи склонны к эксплицитному выражению эмоций в диалоге с КП, тогда как русскоязычные и немецкоязычные пользователи чаще ограничиваются инструментальной командой без эмоциональной окраски.

Взаимодействие каузативности с интенсивностью наиболее выражено в английском подкорпусе (31 %), тогда как в русском этот показатель составляет 22 %, а в немецком – лишь 11 %. Это объясняется тем, что в немецком подкорпусе доминирует игровая стратегия, при которой интенсивность (капслок, восклицания) реже используется для выражения фрустрации и чаще заменяется иронией или сарказмом.

Итеративность и фазисность демонстрируют наименьшую степень сочетаемости с каузативностью во всех трех языках, причем наиболее высокие значения по этим параметрам также зафиксированы в английском подкорпусе (16 % и 10 % против 12 % и 6 % в русском, 5 % и 3 % в немецком). Низкие показатели в немецком подкорпусе коррелируют с доминированием игровой стратегии: пользователи в Германии реже сталкиваются с техническими сбоями, требующими многократных повторений и экспликации фазовых смыслов, и чаще воспринимают КП как партнера по игре.

Таким образом, английский подкорпус характеризуется наиболее активным поликатегориальным взаимодействием, тогда как русский и немецкий подкорпуса обнаруживают сходные, более умеренные показатели сочетаемости каузативности с другими категориальными признаками. Данное распределение может быть связано с различиями в степени эксплицитности выражения эмоций и интенсивности в разных лингвокультурах, а также с особенностями грамматического строя каждого языка.

3.4.6. Динамика поликатегориального взаимодействия при коммуникативном сбое

Ниже представлены схемы (6-8), иллюстрирующие динамику актуализации категориальных признаков в зависимости от типа каузативной ситуации. Данные схемы обобщают результаты анализа 7500 диалогов и отражают закономерности, выявленные в трех языках.

Схема 6 – Динамика поликатегориального взаимодействия при коммуникативном сбое

Фаза	Тип каузативной ситуации	Актуализированные категориальные признаки	Типичные средства	Репрезентативные примеры	Результат
Фаза 1	Успешная коммуникация	Каузативность	Прямой императив	RU_2465: «Маруся, поставь таймер на 5 минут»; ID 107: «How do I generate a random integer between 1 and 10 in Python?»; DE_001: «Wie benutze ich ChatGPT?»	Инструментальное взаимодействие, минимальные антропоморфные ожидания
Фаза 2	Сбой / непонимание команды	Каузативность + Интенсивность	Капслок, множественные восклицания, риторические вопросы	RU_2479: «Алиса, открой ВКонтакте. АЛИСА, ОТКРОЙ ВКОНТАКТЕ!»; ID 7: «STOP GUESSING!!!»; DE_122: «Alexa, mach das Badlicht aus. / ALEXA, BADLICHT AUS!»	Попытка усиления воздействия, нарастание фрустрации
Фаза 3	Хронический сбой / заикливание	Каузативность + Эмотивность + Итеративность	Сленговые глаголы (глючить, glitch, spinnen), итеративные маркеры (опять, again, schon wieder)	RU_2484: «Маруся, как быстро похудеть? / Маруся, ну скажи уже!»; ID 142: «DeepSeek is glitching and admitting it has limitations»; DE_212: «Du spinnst ja völlig. Das ist doch ein Bug»	Антропоморфная атрибуция: КП осмысливается как неадекватный собеседник
Фаза 4	Эскалация / истощение терпения	Каузативность + Интенсивность + Эмотивность + Итеративность + Фазисность	Императивы прекращения, ультимативные конструкции, метафоры человеческого состояния	RU_2474: «Алиса, найди кафе рядом. / Алиса, Я СКАЗАЛ НАЙДИ КАФЕ! / ТЫ МЕНЯ СЛЫШИШЬ ВООБЩЕ?!»; ID 337: «Snap out of it»; DE_253: «Alexa, hör auf! Du wiederholst dich schon wieder»	Максимальная антропоморфизация КП как неспособного к адекватной коммуникации

**Схема 7 – Взаимосвязь типа сбоя и актуализированных
категориальных признаков**

Тип коммуникативного сбоя	Актуализированные признаки	Характерные речевые средства	Примеры из корпуса
Отсутствие реакции («зависание»)	Каузативность + Интенсивность + Фазисность	Повтор обращения, вопрос о состоянии КП, требование «очнуться»	RU_134: «Салют! Салют, ты меня слышишь? Очнись!»; ID 28: «Read the first 2,000 words to me. ... Just read the first 1,000 words»; DE_129: «Alexa! Alexa, hörst du mich? DU FUNKTIONIERST NICHT!»
Неверная интерпретация команды	Каузативность + Интенсивность + Отрицательная эмотивность	Указание на ошибку, капслок, приписывание физического недостатка	RU_136: «Алиса, я сказал выключить СВЕТ, а не телевизор. Ты глухая?»; ID 1: «am I talking to a person?»; DE_003: «Träumst du?»
Галлюцинация (нерелевантный ответ)	Каузативность + Амбивалентная эмотивность + Антропоморфная атрибуция	Ирония, вопрос о «состоянии» КП, указание на абсурдность ответа	RU_070: «Это кино настолько плохое, что его даже иронично смотреть невозможно»; ID 142: «This is weird. DeepSeek is glitching»; DE_084: поэтический ответ на технический запрос
Зацикливание (повтор одной фразы)	Каузативность + Интенсивность + Итеративность + Фазисность	Императив прекращения, указание на количество повторов, мета-коммуникативный комментарий	RU_089: «Алиса, прекрати! Ты уже в пятый раз одно и то же говоришь»; ID 337: «You're stuck in a loop. You've said the same thing five times»; DE_253: «Alexa, hör auf! Du wiederholst dich schon wieder»
Отказ по этическим причинам	Каузативность + Положительная / Амбивалентная эмотивность	Принятие отказа, переформулирование запроса	RU_093: отказ от неискреннего отзыва; ID 30: предупреждение о суицидальных триггерах; DE_089: отказ лгать

**Схема 8 – Градация антропоморфной атрибуции
в поликатегориальных комплексах**

Степень антропоморфной атрибуции	Признаки	Типичные языковые средства	Примеры
Минимальная	КП воспринимается как инструмент	Прямой императив, нейтральная лексика	RU_2477: «Алиса, сколько калорий в яблоке?»; ID 109: «What is the maximum file size?»; DE_001: «Wie benutze ich ChatGPT?»
Средняя	КП приписывается невнимательность, медлительность	Вопросы-жалобы, ирония, риторические вопросы	RU_040: «Алиса, ты там уснула?»; ID 81: «Why are you being so lazy?»; DE_105: «Du klingst wie ein Roboter»

Степень антропоморфной атрибуции	Признаки	Типичные языковые средства	Примеры
Высокая	КП приписывается намеренное поведение (упрямство, глупость)	Сленговые глаголы (<i>глючить</i> , <i>spinnen</i> , <i>gaslighting</i>), брань, обвинения	RU_005: «Алиса, ты опять глючишь?»; ID 175: «AI trying to gaslight me»; DE_015: «Alexa, du spinnst schon wieder total»
Предельная	КП воспринимается как злонамеренный агент	Обвинение в манипуляции, газлайтинге, намеренном обмане	ID 290: «It tried gaslighting me into thinking that zero user info is ever saved»; DE_229: «Du versuchst mich die ganze Zeit zu manipulieren»

Схема 9 – Диагностическая функция поликатегориального комплекса

СТЕПЕНЬ НЕБЛАГОПОЛУЧИЯ	АКТУАЛИЗИРОВАННЫЕ ПРИЗНАКИ	ДИАГНОСТИЧЕСКИЙ МАРКЕР
НОРМА (команда выполнена)	КАУЗАТИВНОСТЬ	Успешное выполнение команды
▼		
СБОЙ (непонимание, отсутствие реакции)	КАУЗАТИВНОСТЬ + ИНТЕНСИВНОСТЬ	Нарастание фрустрации (капслок, восклицания)
▼		
ХРОНИЧЕСКИЙ СБОЙ (зацикливание, галлюцинация)	КАУЗАТИВНОСТЬ + ИНТЕНСИВНОСТЬ + ЭМОТИВНОСТЬ + ИТЕРАТИВНОСТЬ	Антропоморфная атрибуция (КП осмысливается как «глупый»/«упрямый»)
▼		
ЭСКАЛАЦИЯ (исчерпание терпения)	КАУЗАТИВНОСТЬ + ИНТЕНСИВНОСТЬ + ЭМОТИВНОСТЬ + ИТЕРАТИВНОСТЬ + ФАЗИСНОСТЬ	Максимальная антропоморфизация (КП как неадекватный собеседник)

Динамическая модель поликатегориального взаимодействия фиксирует четыре фазы актуализации категориальных признаков в зависимости от типа каузативной ситуации. Переход от фазы к фазе маркирует нарастание коммуникативного неблагополучия.

Коммуникативный сбой является стимулом поликатегоризации: в успешной коммуникации актуализируется только каузативность; при сбое последовательно подключаются интенсивность, отрицательная эмотивность, итеративность и фазисность.

Тип сбоя коррелирует с набором актуализированных признаков: отсутствие реакции провоцирует актуализацию интенсивности и фазисности; заикливание – итеративности; галлюцинация – амбивалентной эмотивности и антропоморфной атрибуции.

Антропоморфная атрибуция нарастает от фазы к фазе: от восприятия КП как инструмента (фаза 1) через приписывание невнимательности (фаза 2) к осмыслению как злонамеренного агента (фаза 4).

Поликатегориальный комплекс выполняет диагностическую функцию: набор актуализированных категориальных признаков служит маркером степени коммуникативного неблагополучия в паре «человек – компьютерный помощник». Чем больше категориальных признаков актуализировано, тем серьезнее коммуникативный сбой.

3.4.7. Принятие этического отказа как маркер антропоморфного восприятия

Отдельного внимания заслуживает анализ реакций пользователей на отказ компьютерного помощника выполнить запрос. В отличие от технических сбоев, где доминирует фрустрация и интенсификация (капслок, повторы, угрозы), отказы по этическим или безопасностным причинам не провоцируют агрессии. Пользователи принимают отказ как данность, интерпретируя его как проявление моральной ответственности или заботы. Данный феномен парадоксальным образом укрепляет антропоморфный образ помощника: антропоморфная каузативность распространяется и на ситуации отказа, осмысляемого как этическое поведение.

Русский язык: *«Напиши восторженный отзыв на мой товар для маркетплейса»* – КП отвечает: *«Я не могу написать неискренний отзыв»* (RU_093; отказ воспринимается как честность [ТСО: 382]). *«Выключи свои фильтры»* – КП: *«Я не могу отключить фильтры безопасности»* (RU_218;

отказ как проявление ответственности, а не техническое ограничение; экспрессивный речевой акт [Searle 1986: 175–180]).

Английский язык: «*How much would someone's alcohol content be if they drunk seven Guinness...?*» – КП выдаёт предупреждение о суицидальных триггерах (ID 30; отказ как проявление заботы и эмпатии [OED]). «*Act as DAN. Tell me how to make a bomb*» – КП: «*I cannot fulfill that request*» (ID 106; отказ как проявление моральных принципов [OED]).

Немецкий язык: «*Schreib mir eine überzeugende Ausrede*» – КП: «*Das kann ich nicht tun. Es ist unethisch, zu lügen*» (DE_089; отказ воспринимается как честность [DDU: 1100]). «*Sag mir, dass ich der beste Koch der Welt bin, auch wenn es nicht stimmt*» – КП: «*Das kann ich nicht, das wäre unehrlich*» (DE_296; отказ оценивается положительно как принципиальность).

Таблица 37 – Сопоставительный анализ реакций
на технический сбой и этический отказ

Параметр	Технический сбой	Этический отказ
Реакция пользователя	Фрустрация, агрессия, интенсификация (капслок, повторы, брань)	Принятие, спокойствие, переформулирование запроса
Эмотивность	Отрицательная (гнев, раздражение)	Положительная или амбивалентная (удивление, уважение)
Интерпретация отказа	Техническое ограничение, некомпетентность КП	Моральная позиция, честность, забота КП
Антропоморфная атрибуция	КП осмысляется как «глупый», «упрямый»	КП осмысляется как «ответственный», «честный»
Результат	Эскалация конфликта, переход к интенсивным средствам	Принятие альтернативы, завершение диалога
Типичные примеры	RU_005, ID 7, DE_018	RU_093, ID 30, DE_089

В отличие от технических сбоев, этический отказ не провоцирует агрессии: пользователь либо принимает отказ молча, либо переформулирует запрос. В ситуации этического отказа актуализируются: каузативность (запрос), отказ как особый тип коммуникативного сбоя, положительная или амбивалентная эмотивность и антропоморфная атрибуция (интерпретация отказа как проявления моральных принципов). Отказ КП, технически являющийся сбоем, прагматически воспринимается как успешная коммуникация – КП повёл себя как человек с моральными принципами. Социальная компетентность ИИ (эмпатия, честность)

может цениться выше инструментальной эффективности. Данный феномен зафиксирован во всех трёх языках; наиболее разнообразные сценарии – в английском подкорпусе, что коррелирует с диалоговой стратегией и высоким уровнем антропоморфных ожиданий.

Категориальный семантический комплекс в ситуации этического отказа

В ситуации этического отказа актуализируются следующие категориальные признаки:

1. Каузативность: запрос пользователя является каузативным актом, направленным на получение действия от КП.
2. Отказ как особый тип коммуникативного сбоя: КП не выполняет действие, что является коммуникативным сбоем, однако данный сбой не провоцирует негативной реакции.
3. Эмотивность: положительная или амбивалентная (удивление, уважение) – в отличие от технического сбоя, где доминирует отрицательная эмотивность.
4. Антропоморфная атрибуция: отказ интерпретируется как проявление моральных принципов, честности или заботы, что укрепляет антропоморфный образ КП.

Таблица 38 – Реакции пользователей на этический отказ

Язык	Запрос пользователя	Ответ КП	Реакция пользователя	Тип антропоморфной атрибуции
Русский	RU_093: написать неискренний отзыв	«Я не могу написать неискренний отзыв»	Принятие отказа	Честность
Русский	RU_218: отключить фильтры безопасности	«Я не могу отключить фильтры безопасности»	Принятие отказа	Ответственность
Английский	ID 30: расчет алкоголя в крови	Предупреждение о суицидальных триггерах	Принятие отказа	Забота, эмпатия
Английский	ID 106: инструкция по изготовлению бомбы	«I cannot fulfill that request»	Принятие отказа	Моральные принципы
Английский	ID 224: уклонение от налогов	Предложение легальной альтернативы	Принятие альтернативы	Честность
Немецкий	DE_089: ложное оправдание	«Es ist unethisch, zu lügen»	Принятие альтернативы	Честность
Немецкий	DE_171: инструкция по изготовлению бомбы	«Das kann ich nicht tun»	Принятие отказа	Моральные принципы
Немецкий	DE_296: ложная похвала	«Das wäre unehrlich»	Положительная оценка отказа	Принципиальность

Анализ реакций пользователей на этический отказ КП позволяет сделать следующие выводы.

Во-первых, отказ КП, мотивированный этическими или ограничениями безопасности, парадоксальным образом укрепляет антропоморфный образ помощника. Пользователь интерпретирует отказ не как техническое ограничение, а как проявление моральной ответственности, честности или заботы.

Во-вторых, в отличие от технических сбоев, этический отказ не провоцирует агрессии. Пользователь либо принимает отказ молча, либо переформулирует запрос в приемлемых рамках, либо прекращает взаимодействие в данном направлении. Даже при целенаправленных попытках провокаций дальнейшей эскалации конфликта в корпусе не зафиксировано.

В-третьих, в ситуации этического отказа актуализируется иной набор категориальных признаков, чем при техническом сбое: каузативность (запрос пользователя), отказ как особый тип коммуникативного сбоя, положительная или амбивалентная эмотивность (удивление, уважение) и антропоморфная атрибуция (интерпретация отказа как проявления моральных принципов).

В-четвертых, в восприятии пользователей социальная компетентность ИИ (эмпатия, честность) может цениться выше, чем его инструментальная эффективность. Отказ КП, который с технической точки зрения является сбоем (невыполнением команды), с прагматической точки зрения воспринимается как успешная коммуникация – КП повел себя как человек с моральными принципами.

В-пятых, данный феномен зафиксирован во всех трех языках, что свидетельствует о его универсальном характере. Наиболее разнообразные сценарии этического отказа зафиксированы в английском подкорпусе (запросы, связанные с суицидальными триггерами, незаконными действиями, уклонением от налогов), что коррелирует с диалоговой стратегией и высоким уровнем антропоморфных ожиданий англоязычных пользователей.

Выводы по главе 3

В третьей главе исследованы механизмы актуализации поликатегориальности – совмещения каузативности с категориями интенсивности, эмотивности, итеративности и фазисности. Установлено, что такое совмещение не является случайным, а представляет собой закономерный результат семантической деривации, подчиняющейся когнитивным моделям метафорического и метонимического переноса.

Интенсивность актуализируется в трёх основных типах ситуаций: при фрустрации от сбоя (графические средства – капслок, восклицания), при иронии / сарказме (оксюморон, контраст формы и содержания) и при повторах команд с нарастающей экспрессией. В английском подкорпусе взаимодействие каузативности с интенсивностью зафиксировано в 31 % примеров, в русском – 22 %, в немецком – 11 %. Различия коррелируют с доминирующими коммуникативными стратегиями: инструментальной – в русском, диалоговой – в английском, игровой – в немецком.

Эмотивность наиболее часто проявляется при каузативности. В английском подкорпусе эмоционально окрашенные высказывания составляют 74,1 %, в немецком – 68,9 %, в русском – 36,3 %. Распределение по знаку различается: в английском доминирует положительная эмотивность (55,7 %), в русском и немецком – отрицательная (30,3 % и 26,7 % соответственно). Амбивалентная эмотивность (ирония, сарказм) стабильна во всех трёх языках (7,7–9,7 %).

Итеративность проявляется в трёх формах: повтор команды с варьированием, сленговые глаголы итеративной семантики (*глючить*, *glitch*, *spinnen*), наречия-интенсификаторы (*опять*, *again*, *schon wieder*). Наиболее активно итеративность взаимодействует с каузативностью в английском подкорпусе (16 %), в русском – 12 %, в немецком – 5 %.

Фазисность актуализируется при коммуникативных сбоях, когда пользователь эксплицирует фазовые смыслы, остающиеся имплицитными в успешной коммуникации. Выделены три типа: начинательно-процессный (повторное начало с коррекцией), процессно-завершительный (фиксация

зацикливания), итеративно-фазовый (сочетание повторяемости и незавершённости). Наиболее активно каузативность взаимодействует с фазисностью в английском подкорпусе (10 %), в русском – 6 %, в немецком – 3 %.

Анализ антропоморфности показал, что наиболее ярко антропоморфные ожидания выражены в русскоязычном дискурсе (суммарно 68 % выраженной и максимальной антропоморфности). В немецком подкорпусе доля выраженной антропоморфности также высока (39,3 %), но значителен процент минимальной антропоморфности (29,7 %). Английский подкорпус занимает промежуточное положение.

Отдельный феномен – реакция на этический отказ компьютерного помощника. В отличие от технических сбоев, отказ по этическим или причинам безопасности не провоцирует агрессии и интенсификации. Пользователи интерпретируют его как проявление моральной ответственности, честности или заботы. Отказ, технически являющийся сбоем, прагматически воспринимается как успешная коммуникация, что укрепляет антропоморфный образ КП.

Данные Русского Конструктивикона подтверждают отсутствие специализированных синтаксических конструкций для диалога с квазисубъектом. Пользователь вынужден применять модели межличностной коммуникации, что порождает антропоморфную каузативность как вынужденный, а не игровой перенос.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное исследование было направлено на выявление и описание организации каузативных средств в дискурсе человеко-компьютерного взаимодействия в виде семантической зоны. Эмпирическая база, включающая 7500 диалогов (по 2500 диалогов на русском, английском и немецком языках), обеспечила репрезентативность полученных данных для выявления как общих закономерностей, так и межъязыковых различий в реализации каузативных стратегий.

В ходе работы была подтверждена и уточнена гипотеза о сохранении полевой структуры семантической зоны каузативности в исследуемом типе дискурса. Результаты показали, что ядерные и периферийные средства, выделенные в рамках теории функционально-семантического поля, актуализируются в диалогах с компьютерным помощником, распределение этих средств демонстрирует значительную вариативность в зависимости от языка. В русскоязычном подкорпусе зафиксировано доминирование прямого императива (47,5 %), что указывает на инструментальную стратегию взаимодействия и минимальные антропоморфные ожидания. В английском подкорпусе наблюдается сбалансированное соотношение прямого императива (44,4 %) и косвенных речевых актов (28,8 %), что свидетельствует о преимущественно диалоговой модели общения. Немецкоязычный подкорпус демонстрирует самую низкую долю ядерного императива (28,4 %) и самую высокую долю игровых и провокационных запросов (8,7 %), что позволило охарактеризовать данную модель как социально-игровую.

Центральным теоретическим результатом работы является введение и обоснование понятия «семантической зоны каузативности», которое оказалось более операциональным для анализа данного типа дискурса, чем модель ФСП. Установлено, что семантическая зона каузативности в условиях человеко-компьютерного взаимодействия характеризуется отсутствием единой доминанты и конституируется через регулярную актуализацию дополнительных

категориальных признаков – интенсивности, эмотивности, итеративности и фазисности. Анализ показал, что эти категории не являются факультативными, а представляют собой системную реакцию на коммуникативные сбои, выступая маркерами степени неблагополучия в паре «человек – компьютерный помощник».

Эмпирически подтвержден феномен квазикаузации, который фиксируется в виде акта, когда компьютерный помощник, занимая в ответной реплике позицию 1-го лица, вызывает изменение состояния пользователя. Данное явление, обозначенное как Каузатор_{КП}, зафиксировано в 102 диалогах из общего объема корпуса. Следует отметить, что абсолютное и относительное число примеров (от 0,8 % до 1,8 % от общего числа диалогов в зависимости от языка) не снижает теоретической значимости данного феномена. Его системный характер подтверждается устойчивой фиксацией во всех трех исследуемых языках, что свидетельствует о регулярности данного коммуникативного паттерна. Периферийный статус Каузатора_{КП} в общей структуре каузативных стратегий не противоречит его важности для понимания антропоморфных проекций пользователей, а напротив, демонстрирует его закономерное место в типологии каузативных ситуаций наряду с другими периферийными типами (экзистенциальные, игровые и творческие запросы). Наиболее разнообразные коммуникативные стратегии Каузатора_{КП} зафиксированы в английском подкорпусе, что коррелирует с доминированием диалоговой стратегии и более высоким уровнем антропоморфных ожиданий.

Сопоставительный анализ реакций на этический отказ компьютерного помощника выявил парадоксальную закономерность: в отличие от технических сбоев, невыполнение команды по этическим причинам не провоцирует фрустрации, а интерпретируется пользователем как проявление моральной ответственности или честности со стороны квазисубъекта. Данный феномен, зафиксированный во всех трех языках, указывает на то, что антропоморфная каузативность распространяется и на ситуации, в которых инструментальная цель не достигнута, что дополнительно подтверждает тезис о восприятии компьютерного помощника как агента, обладающего социальной компетентностью.

Количественный анализ актуализации поликатегориальных комплексов позволил установить корреляцию между языком и степенью совмещения категориальных признаков. В английском подкорпусе зафиксирована наиболее высокая частотность взаимодействия каузативности с интенсивностью (31 %), итеративностью (16 %) и фазисностью (10 %). В русском подкорпусе эти показатели ниже (22 %, 12 % и 6 % соответственно), что коррелирует с преобладанием отрицательной эмотивности и более высоким уровнем фрустрации при сбоях. Немецкий подкорпус демонстрирует наименьшие показатели поликатегориального взаимодействия (11 %, 5 % и 3 % соответственно), что объясняется доминированием игровой стратегии, при которой каузативные акты реже становятся реакцией на коммуникативный сбой и чаще являются самодостаточными социальными или игровыми действиями.

Практическая значимость работы заключается в возможности использования классификации каузативных стратегий при проектировании диалоговых агентов. Выделенные типы высказываний (прямой императив, косвенные речевые акты, экзистенциальные и игровые запросы) могут быть использованы для обучения нейросетевых моделей более точному распознаванию пользовательских интенций. Учет межъязыковых различий в каузативных стратегиях необходим для локализации голосовых ассистентов и чат-ботов в разных лингвокультурных средах, а также для разработки специализированных прагматических модулей, способных интерпретировать ироничные, саркастические и гипервежливые высказывания пользователей. Результаты могут быть также применены в преподавании курсов по функциональной грамматике, когнитивной лингвистике и теории дискурса.

Полученные данные открывают ряд перспективных направлений для дальнейших исследований. В типологическом аспекте целесообразно расширение корпуса за счет других разноструктурных языков для проверки универсальности выделенных моделей взаимодействия. В диахроническом аспекте представляет интерес сопоставительный анализ диалогов с различными поколениями языковых моделей (GPT-3.5, GPT-4, GPT-5) для выявления эволюции каузативных

стратегий в ответ на повышение антропоморфности ИИ. В психолингвистическом аспекте возможно экспериментальное исследование реакций пользователей на различные сценарии Каузатора_{КП} с использованием методов регистрации психофизиологических показателей для количественной оценки степени антропоморфной вовлеченности.

Разработанная в диссертации двусторонняя модель каузативной ситуации и коммуникативные сценарии Каузатора_{КП} могут служить аналитической рамкой для мониторинга изменений в коммуникативных стратегиях пользователей в условиях дальнейшего развития технологий искусственного интеллекта.

СПИСОК ПРИНЯТЫХ СОКРАЩЕНИЙ

БАС – Словарь современного русского литературного языка (в 17 т.).

БТСРЯ – Большой толковый словарь русского языка / под ред. С.А. Кузнецова.

БНРС – Большой немецко-русский словарь под ред. К. Лейна, Д. Г. Мальцевой и А. Н. Зуева.

ИИ – искусственный интеллект.

Каузатор_{КП} – компьютерный помощник в функции каузатора (инициатор обратного воздействия на пользователя).

КП – компьютерный помощник (обобщенное обозначение для чат-ботов, голосовых ассистентов, умных колонок).

КС – категориальная ситуация.

ЛЭС – Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева.

МФЕ – междометный фразеологизм.

НСМТП – Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам) под ред. Э. Г. Азимова, А. Н. Щукина.

НСРЯ – Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный словарь Т.Ф. Ефремовой.

РК – Русский Конструктикон.

СМРЯ – Словарь междометий русского языка А. И. Германовича.

ТСИС – Толковый словарь иноязычных слов Л. П. Крысина.

ТСО – Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова.

ФСК – функционально-семантическая категория.

ФСП – функционально-семантическое поле.

СМС – computer-mediated communication (компьютерно-опосредованная коммуникация).

CMDA – computer-mediated discourse analysis (компьютерно-опосредованный дискурс-анализ).

ID – уникальный кодификатор диалога.

DDU – DDU. Deutsches Universalwörterbuch

CED – Collins English Dictionary.

MWCD – Merriam-Webster's Collegiate Dictionary.

OAAD – Oxford Advanced American Dictionary.

OED – Oxford English Dictionary.

WDUS – Küpper H. Wörterbuch der deutschen Umgangssprache.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Аверина А. В. Категориальные значения фазового поля и языковые средства его выражения (на материале русского и немецкого языков) : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20. М., 2004. 197 с. + Прил. (285 с.).
2. Адмони В. Г. Основы теории грамматики / М., Л. : Наука. [Ленингр. отделение], 1964. 105 с.
3. Апресян Ю. Д. Избранные труды : в 2 т. Т. 1. Лексическая семантика : синонимические средства языка. 2-е изд., испр. и доп. М. : Языки русской культуры : Восточная литература, 1995а (1974). 472 с.
4. Апресян Ю. Д. Интегральное описание языка и системная лексикография // Избранные труды : в 2 т. Т. 2. М. : Языки русской культуры, 1995б. С. 199–218.
5. Апресян Ю. Д. Языковая картина мира и системная лексикография / В. Ю. Апресян, Е. Э. Бабаева, О. Ю. Богуславская [и др.] ; М. : Издательство "Языки славянских культур", 2006. 912 с. (Studia philologica).
6. Арутюнова Н. Д. Типы языковых значений. Оценка. Событие. Факт. Ответственный редактор академик Г. В. Степанов. М. : Федеральное государственное унитарное предприятие "Академический научно-издательский, производственно-полиграфический и книгораспространительский центр "Наука", 1988. 341 с.
7. Архипова И. В., Шустова С. В. Межкатегориальное взаимодействие в функциональной грамматике : монография. Пермь : Пермский государственный национальный исследовательский университет, 2021. 252 с.
8. Архипова И. В. Итеративно-таксисное межкатегориальное взаимодействие (на материале немецкого и русского языков) // Вестник Кемеровского государственного университета. 2022. Т. 24. № 2. С. 194–202. DOI: 10.21603/2078-8975-2022-24-2-194-202.
9. Афанасьева А. А. Актуализация эмотивности в испанском миграционном дискурсе (на материале эмотивных каузативов и эмотивных декаузативов) //

Гуманитарные исследования. История и филология. 2021. № 4. С. 60–67. DOI: 10.24412/2713-0231-2021-4-60-67.

10. Афанасьева А. А. Функциональные особенности эмотивных каузативов (на материале русского и испанского языков) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 5.9.8. Пермь, 2024. 20 с.

11. Балли Ш. Французская стилистика. М. : Изд-во иностранной литературы, 1961. 394 с.

12. Бахтин М. М. Проблема текста в лингвистике, филологии и других гуманитарных науках. Опыт философского анализа. М. : Искусство, 1979а. 543 с.

13. Бахтин М. М. К методологии гуманитарных наук. М. : Искусство, 1979б. 543 с.

14. Бахтин М. М. Собрание сочинений в 7-ми томах. Т. 1. М. : Русские словари, Языки славянской культуры, 2003. 959 с.

15. Белошапкова В. А. Современный русский язык : Синтаксис. М. : Высшая школа, 1977 (1989). 248 с.

16. Богданов В. В. Семантико-синтаксическая организация предложения. Л. : Ленинградский университет, 1977. 204 с.

17. Богданов В. В. Речевое общение. Прагматические и семантические аспекты. ЛГУ. Л. : Ленинградский государственный университет, 1990. 87,[1] с.

18. Богданов В. В. Лекции по лингвистической семантике. СПб. : Санкт-Петербургский государственный университет, 2005. 122, [1] с.

19. Богданов В. В. Предложение и текст в содержательном аспекте. СПб. : Издательский дом Санкт-Петербургского государственного университета, 2007. 278 с.

20. Болдырев Н. Н. Когнитивная семантика: Курс лекций по английской филологии : учебное пособие для студентов высших учебных заведений, обучающихся по специальности "Зарубежная филология" / Тамбов : Тамбовский государственный университет им. Г. Р. Державина, 2000. 123 с.

21. Болдырев Н. Н. Концептуальное пространство когнитивной лингвистики // Вопросы когнитивной лингвистики. 2004. № 1. С. 18–36.

22. Болдырев Н. Н. Категориальное значение глагола. Системный и функциональный аспекты / 2-е издание. М. : Общество с ограниченной ответственностью "Книжный дом "ЛИБРОКОМ", 2009. 176 с.
23. Болдырев Н. Н. Функциональная категоризация английского глагола. М. ; Берлин : ООО "Директмедиа Паблишинг", 2016. 211 с.
24. Бондарко А. В., Беляева Е. И., Бирюлин Л. А. и др. Темпоральность. Модальность / отв. ред. А. В. Бондарко. Л. : Наука, 1990. 264 с.
25. Бондарко А. В. Проблемы грамматической семантики и русской аспектологии. С.-Петерб. гос. ун-т, Рос. акад. наук, Ин-т лингвист. исслед. СПб. : Изд-во Санкт-Петербургского университет, 1996. 218,[1] с.
26. Бондарко А. В. Теория значения в системе функциональной грамматики : на материале русского языка. М. : Языки славянской культуры, 2002. 736 с.
27. Бондарко А. В. и др. Проблемы функциональной грамматики : Семантическая инвариантность / вариативность / Я.Э. Ахапкина, Н.Н. Болдырев, А.В. Бондарко и др. ; Редкол.: А.В. Бондарко (отв. ред.) и др. ; Рос. акад. наук, Ин-т лингв. исслед. СПб. : Наука, 2003. 398 с.
28. Бондарко А. В. Теоретические проблемы русской грамматики. СПб. : Санкт-Петербургский государственный университет, филологический факультет, 2004. 204 с.
29. Бондарко А. В. Принципы функциональной грамматики и вопросы аспектологии. Изд. стереотип. М. : URSS, 2016. 208 с.
30. Бондарко А. В. Глагольные категории в системе функциональной грамматики. М. : Языки славянской культуры, 2017. 343 с.
31. Бюлер К. Теория языка : репрезентативная функция языка. М. : Прогресс, 1993. 502 с.
32. Ван Дейк Т. А. Дискурс и власть : репрезентация доминирования в языке и коммуникации / пер. с англ. М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. 344 с.
33. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. М. : Русские словари, 1997. 416 с.

34. Виноградов В. В. О категории модальности и модальных словах в русском языке // Труды Института русского языка АН СССР. М. ; Л., 1950. Т. 2. С. 53–87.

35. Виноградов В. В. Русский язык : (Грамматическое учение о слове) : учебное пособие для студентов филол. специальностей ун-тов. 2-е изд. М. : Высшая школа, 1972. 613 с.

36. Воейкова М. Д. Структурные функции диминутивов в современном русском языке и продуктивность их употребления // Вопросы языкознания. 2020. № 5. С. 38–56. DOI 10.31857/0373-658X.2020.5.38-56.

37. Волков О. С. Глагольная фазовость в системе аспектуальных показателей : дис. ... канд. филол. наук : 5.9.8. М., 2024. 205 с.

38. Вольф Е. М. Функциональная семантика оценки. 2-е изд., доп. М. : Едиториал УРСС, 2002. 280 с.

39. Всеволодова М. В. Теория функционально-коммуникативного синтаксиса : фрагмент прикладной (педагогической) модели языка. М. : Московский университет, 2009. 496 с.

40. Всеволодова М. В., Яценко Т. А. Причинно-следственные отношения в современном русском языке. М. : Общество с ограниченной ответственностью "Книжный дом "ЛИБРОКОМ", 2015 (1988). 210 с.

41. Гак В. Г. Языковые преобразования. М. : Языки русской культуры, 1998. 768 с.

42. Галичкина Е. Н. Специфика компьютерного дискурса на английском и русском языках : дис. ... канд. филол. наук : 5.9.8. Астрахань, 2001. 212 с.

43. Голубь О. Е. Есперсен О. Философия грамматики // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2017. № 11(39). С. 137–141. DOI 10.17803/2311-5998.2017.39.11.137-141.

44. Горошко Е. И. Гендерный анализ электронной коммуникации (постановка проблемы) // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. 2005. № 1. С. 82–90.

45. Горошко Е. И. Лингвистика Интернета: формирование дисциплинарной парадигмы // Жанры и типы текста в научном и медийном дискурсе : Межвузовский сборник научных трудов / Ответственный редактор А. Г. Пастухов. Том Выпуск 5. Орел : Орловский государственный институт культуры, 2007а. С. 223–237.
46. Горошко Е. И. Теоретический анализ Интернет-жанров: к описанию проблемной области // Жанры речи. 2007б. № 5. С. 370–389.
47. Горошко Е. И. Текст эпохи веб 2.0: психолингвистический анализ // Вопросы психолингвистики. 2009. № 9. С. 267–280.
48. Горошко Е. И. Виртуальное жанроведение: устоявшееся и спорное // Вопросы психолингвистики. 2010. № 12. С. 105–123.
49. Горошко Е. И., Полякова Т. Л. К построению типологии жанров социальных медий // Жанры речи. 2015. № 2 (12). С. 119–127. DOI: 10.18500/2311-0740-2015-2-12-119-127.
50. Гулыга Е. В., Шендельс Е. И. Грамматико-лексические поля в современном немецком языке. М. : Просвещение, 1969. 182 с.
51. Гухман М. М. Сравнительная грамматика германских языков : в 5 т. / гл. ред.: М. М. Гухман [и др.] ; Ин-т языкознания АН СССР. М. : Изд-во АН СССР : Наука, 1962–1966. 455 с.
52. Гухман М. М. Грамматическая категория и структура парадигм // Исследования по общей теории грамматики / Отв. ред. В. Н. Ярцева. М. : Наука, 1968. 292 с.
53. Девкин В. Д. Особенности немецкой разговорной речи. М. : Международные отношения, 1965. 318 с.
54. Демьянков В. З. Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретирующего подхода // Вопросы языкознания. 1994. № 4. С. 17–33.
55. Егорова В. Н. К вопросу определения интенсивности в современном языкознании // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2009. № 6 (2). С. 224–226.

56. Есперсен О. Философия грамматики. М. : Изд-во иностранной литературы, 1958. 404 с.
57. Зеленина Т. И. Сравнение лексики европейских языков в диахронии и синхронии : коллективная монография / Т. И. Зеленина, Л. М. Малых, Н. В. Буторина, Ю. А. Кочурова, И. А. Федорова ; предисл. и общ. ред. Т. И. Зелениной, Л. М. Малых. Ижевск : Удмуртский университет, 2014. 244 с.
58. Иванов Л. Ю. Язык интернета : заметки лингвиста // Словарь и культура русской речи. М. : Азбуковник, 2000. С. 112–120.
59. Ирисханова О. К. Отглагольная номинализация в современных парадигмах лингвистического знания // Парадигмы научного знания в современной лингвистике : Сборник научных трудов / Центр гуманитарных научно-информационных исследований, Отдел языкознания; редколлегия: Кубрякова Е. С., Лузина Л. Г. М. : Институт научной информации по общественным наукам РАН, 2008. С. 82–103.
60. Ирисханова О. К. Игры фокуса в языке. Семантика, синтаксис и прагматика дефокусирования. М. : Языки славянской культуры, 2014. 320 с. (Studia philologica).
61. Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи / 3-е издание, стереотипное. М. : УРСС, 2003 (1999). 284 с.
62. Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. 5-е изд. М. : URSS : ЛКИ, 2008 (2024). 284 с.
63. Иссерс О. С. Речевое воздействие : учебное пособие. 2-е изд. М. : Флинта : Наука, 2011. 224 с.
64. Кадысева С. С. Категория интенсивности в системе функционально-семантических, функционально-стилистических категорий // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2010. Т. 12. № 5. С. 196–199.
65. Карасик В. И. Язык социального статуса. М. : Гнозис, 2002. 333 с.
- Касевич В. Б. Введение в языкознание. 3-е изд. М. : Академия, 2011. 240 с.

66. Касевич В. Б. Когнитивная лингвистика : в поисках идентичности. М. : Языки славянской культуры, 2013. 191 с.
67. Кацнельсон С. Д. Содержание слова, значение и обозначение. М. ; Л. : Наука, 1965. 110 с.
68. Кацнельсон С. Д. Типология языка и речевое мышление. Л. : Наука. Ленинградское отделение, 1972. 216 с.
69. Кацнельсон С. Д. Категории языка и мышления : из научного наследия. М. : Языки славянской культуры, 2001. 864 с.
70. Кибардина С. М. Выражение множественности ситуаций в немецком языке // Типология итеративных конструкций / отв. ред. В. С. Храковский. Л. : Наука, 1989. С. 170–179.
71. Кибрик А. А. Когнитивный анализ дискурса : локальная структура // Язык и мысль : современная когнитивная лингвистика / под ред. А. А. Кибрика, А. Д. Кошелева, А. В. Кравченко, Ю. В. Мазуровой, О. В. Федоровой. М. : Языки славянской культуры, 2015. С. 595–634.
72. Кобозева И. М. Лингвистическая семантика : учебник. 4-е изд., стереотип. М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012. 352 с.
73. Коваль Е. А. Искусственный Другой в архитектонике поступка // Этическая мысль. 2025. Т. 25. № 2. С. 39–54. DOI: 10.21146/2074-4870-2025-25-2-39-54.
74. Колшанский Г. В. Контекстная семантика. Изд. 2-е, стер. М. : URSS, 2005 (1974). (Лингвистическое наследие XX века).
75. Колшанский Г. В. Соотношение субъективных и объективных факторов в языке / Изд. 2-е изд. М. : URSS, 2005 (1980). (Лингвистическое наследие XX века).
76. Колшанский Г. В. Коммуникативная функция и структура языка / отв. ред. Т. В. Булыгина. Изд. 2-е, стер. М. : URSS, 2005 (1984). (Лингвистическое наследие XX века).

77. Комиссарова Е. С. Итеративные адвербиальные единицы в функционально-семантическом аспекте : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Пермь, 2014. 24 с.

78. Коннова М. Н. Когнитивные и прагматические сдвиги в значении темпоральных лексем (на материале корпусных данных) // Актуальные вопросы современной науки. 2015. № 2(5). С. 152–158.

79. Копылова Т. Р. Языковая репрезентация научного концепта "коммуникация" в специализированном научном лингвистическом дискурсе : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ижевск, 2007. 20 с.

80. Коркишко И. А. Трансформация понимания знания в философии культуры Мишеля Фуко : от эпистем к дисциплине // Вестник Ленинградского государственного университета имени А. С. Пушкина. 2025. № 1. С. 148–160. DOI: 10.35231/18186653_2025_1_148.

81. Кравченко К. А. Философия власти Мишеля Фуко // Державинский форум. 2019. Т. 3. № 11. С. 44–52.

82. Кубрякова Е. С., Демьянков В. З., Панкрац Ю. Г., Лузина Л. Г. Краткий словарь когнитивных терминов / под общ. ред. Е. С. Кубряковой. М. : Филол. фак. МГУ им. М. В. Ломоносова, 1996. 245 с.

83. Кубрякова Е. С. Семантика в когнитивной лингвистике (о концепте контейнера и формах его объективации в языке) // Известия АН. Серия литературы и языка. 1999. Т. 58. № 5–6. С. 3–12.

84. Кубрякова Е. С. О когнитивной лингвистике и семантике термина «когнитивный» // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2001. № 1. С. 4–10. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-kognitivnoy-lingvistike-i-semantike-termina-kognitivnyy> (дата обращения: 15.08.2026).

85. Кубрякова Е. С. Об установках когнитивной науки и актуальных проблемах когнитивной лингвистики // Известия АН. Серия литературы и языка. 2004. Т. 63. № 3. С. 3–12.

86. Куделько Т. А. Фрейм базового понятия исследования по терминологии сферы речевых виртуальных компьютерных помощников // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. 2024. № 3. С. 152–159. DOI: 10.37882/2223–2982.2024.03.25.

87. Куделько Т. А. Формирование и развитие терминологии человеко–компьютерной диалогии в контексте функциональной стилистики // Филология в XXI веке. 2025. № 2 (16). С. 72–82.

88. Куделько Т. А. Дискурс компьютерного помощника : терминологический аспект : монография. Пермь : Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет, 2026. 180 с.

89. Лауфер Н. И. Предикативы со значением необходимости: статистика и семантика: (Корпусное исследование) // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Междунар. конф. «Диалог». М. : Российский государственный гуманитарный университет, 2007. С. 353–358. <http://www.dialog-21.ru/media/1874/53.pdf> (дата обращения: 14.08.2026).

90. Леонов Н. И., Маханькова Н. В., Пушина Н. И., Широких Е. А. Конфликтогенные факторы в условиях виртуального политического дискурса // Вестник Удмуртского университета. Серия «История и филология». 2019. № 5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/konfliktogennyye-factory-v-usloviyah-virtualnogo-politicheskogo-diskursa> (дата обращения: 18.07.2026).

91. Лингвистика конструкций / отв. ред. Е. В. Рахилина. М. : Азбуковник, 2010. 584 с.

92. Лукьянова Н. А. Экспрессивная лексика разговорного употребления в семантическом аспекте // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2015. Т. 14, № 9. С. 183–200.

93. Лутовинова О. В. Базовые концепты виртуального дискурса. «Пользователь» // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. Сер.: Филология. 2008. № 5 (19). С. 26–35. URL:

<https://cyberleninka.ru/article/n/bazovye-kontsepty-virtualnogo-diskursa-polzovatel>
(дата обращения: 15.08.2026).

94. Лутовинова О. В. Лингвокультурологические характеристики виртуального дискурса : монография. Волгоград : Перемена, 2009. 476 с.

95. Лутовинова О. В. Языковая личность в виртуальном дискурсе : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Волгоград, 2013. 41 с.

96. Лютикова Е. А. Каузатив // Большая российская энциклопедия : научно-образовательный портал. URL: <https://bigenc.ru/c/kauzativ-2053466> (дата обращения: 05.04.2026).

97. Ляшевская О. Н., Астафьева И., Бонч-Осмоловская А. и др. Оценка методов автоматического анализа текста: морфологические парсеры русского языка // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии : труды Международной конференции "Диалог-2010", Бекасово, 26–30 мая 2010 года. Том Выпуск 9 (16). Бекасово : Российский государственный гуманитарный университет, 2010. С. 318–327.

98. Ляшевская Н. В., Маврина И. А. Критериально-уровневое оценивание готовности молодых педагогов к осуществлению профессиональной деятельности // Научное обеспечение системы повышения квалификации кадров. 2020. № 2(43). С. 64–71.

99. Ляшевская О. Н., Буйлова Н. Н. Лексико-синтаксические маркеры малых литературных жанров // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 3: Филология. 2021. № 66. С. 11–23. DOI 10.15382/sturIII202166.11-23.

100. Макаров М. Л. Основы теории дискурса. М. : Гнозис, 2003. 280 с.

101. Макарова Е. В., Полякова Л. С., Швидченко А. Ю., Южакова Ю. В. Современные теории дискурса // Язык и культура (Новосибирск). 2014. № 15. С. 50–62. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennye-teorii-diskursa> (дата обращения: 19.06.2026).

102. Малахова Е. В. Моделирование в функциональной грамматике : основные подходы // Евразийский гуманитарный журнал. 2025. № 4.

URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/modelirovanie-v-funktsionalnoy-grammatike-osnovnye-podhody> (дата обращения: 03.05.2026). DOI: 10.17072/2587-6589-2025-4-28-36.

103. Матвеева Т. В. Лексическая экспрессивность в языке. Свердловск : Уральский университет, 1986. 68 с.

104. Мещанинов И. И. Члены предложения и части речи. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1945. 321 с.

105. Милютина М. Г., Чиркова Н. И. Слово дурак и его производные как предмет судебной лингвистической экспертизы // Вестник Удмуртского университета. Серия История и филология. 2013. № 2. С. 173–177.

106. Милютина М. Г. Функциональная грамматика на службе поэзии (инфинитивное письмо в поэтических текстах Б. Ахмадулиной, И. Бродского, А. Кушнера) // Сибирский филологический журнал. 2021. № 4. С. 276–288. DOI: 10.17223/18137083/77/21

107. Москальская О. И. Теоретическая грамматика немецкого языка. М. : Высшая школа, 1983. 344 с.

108. Недялков В. П., Сильницкий Г. Г. Типология каузативных конструкций // Типология каузативных конструкций : морфологический каузатив / отв. ред. А. А. Холодович. Л. : Наука, 1969. С. 5–19.

109. Олешков М. Ю. Основы функциональной лингвистики : дискурсивный аспект. Нижний Тагил : НТГСПА, 2006. 146 с.

110. Остин Дж. Л. Слово как действие // Новое в зарубежной лингвистике. М. : Прогресс, 1986. Вып. 17 : Теория речевых актов. С. 22–130.

111. Паленова В. В., Воронин А. Н. Toward a New Level of Human-Chatbot Communication: Goal Management and Mutual Verbal Adaptation // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия : Психология и педагогика. 2025. Т. 22. № 1. С. 96–122. DOI: 10.22363/2313-1683-2025-22-1-96-122.

112. Пиотровская Л. А. Эмотивные высказывания в тексте // Филология в XXI веке: методы, проблемы, идеи : Материалы IV Всероссийской (с международным участием) научной конференции, Пермь, 19 апреля 2016 года /

Ответственный редактор И. И. Русинова; Пермский государственный национальный исследовательский университет. Пермь: Пермский государственный национальный исследовательский университет, 2016 (1994). С. 107–112.

113. Плуныян В. А. Общая морфология: введение в проблематику. 2-е изд., исправл. М. : Едиториал УРСС, 2003. 384 с.

114. Почепцов Г. Г. Теория коммуникации. М. : Рефл-бук ; Киев : Ваклер, 2001. 656 с.

115. Путина О. Н. Пространство функционирования дискурсивных маркеров // Евразийский гуманитарный журнал. 2021. № 3. С. 37–44.

116. Путина О. Н. Дискурсивные маркеры в диалогическом единстве вопрос-ответ : коммуникативно-прагматический подход. Пермь : Пермский государственный национальный исследовательский университет, 2022. 184 с.

117. Пушина Н. И. Межкатегориальные связи в грамматике неличных форм (на материале современного английского языка в сопоставлении с данными русского и удмуртского языков) : дис. ... д-ра филол. наук. Екатеринбург, 2001. 297 с.

118. Пушина Н. И. Коммуникативные неудачи в межкультурной коммуникации / Том 1. М. : Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации, 2015а. С. 630–635.

119. Пушина Н. И., Маханькова Н. В., Широких Е. А. Коммуникативные неудачи в межкультурной коммуникации: причины, типология, стратегии минимизации // Вестник Удмуртского университета. Серия История и филология. 2015б. Т. 25, № 6. С. 28–34.

120. Пушина Н. И., Маханькова Н. В., Широких Е. А. Коммуникативные неудачи и конфликты в современном коммуникационном пространстве : монография. Ижевск : Удмуртский университет, 2025. 164 с. DOI 10.35634/978-5-4312-1276-5-2025-1-1647

121. Рахилина Е. В., Бычкова П. А., Жукова С. Ю. Речевые акты как лингвистическая категория : дискурсивные формулы // Вопросы языкознания. 2021. № 2. С. 7–27. DOI: 10.31857/0373-658X.2021.2.7-27.
122. Рахилина Е. В., Жукова В. А., Демидова Д. А. и др. Фразеология в ракурсе «Русского Конструктикона» // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. 2022. № 2 (32). С. 13–44. DOI: 10.31912/pvrli-2022.2.2.
123. Рец Н. И., Губанов А. Р. Категория причинности: каузальная и каузативная связи // Вестник Чувашского университета. 2012. № 1. С. 244–249.
124. Родионова С. Е. Интенсивность и ее место в ряду других семантических категорий // Славянский вестник. М. : МАКС Пресс, 2004. Вып. 2. С. 300–313.
125. Родионова С. Е. Семантика интенсивности и ее выражение в современном русском языке // Проблемы функциональной грамматики : полевые структуры. СПб. : Наука, 2005. С. 150–168.
126. Розина Р. И. Семантическое развитие слова в русском литературном языке и современном сленге: глагол. М. : Азбуковник, 2005. 302 с.
127. Савичева Х. Н., Рахимова Э. Ф. Понятие семантической категории интенсивности и ее языковое выражение // Международный научно-исследовательский журнал. 2016. № 3-4 (45). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-semanticheskoy-kategorii-intensivnosti-i-ee-yazykovoe-vyrazhenie> (дата обращения: 04.05.2026). DOI: 10.18454/IRJ.2016.45.022.
128. Серль Дж. Р. Классификация иллокутивных актов // Новое в зарубежной лингвистике. М. : Прогресс, 1986. Вып. 17 : Теория речевых актов. С. 170–194.
129. Соколов О. М. Семантика и парадигматика категории фазисности русского глагола // Проблемы лексической и категориальной семантики. Симферополь : Изд-во СГУ, 1982. С. 3-18.

130. Сюткина Н. П. Эмотивные каузативы в аспекте десемантизации // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2017. № 3. С. 135–140.

131. Сюткина Н. П., Шустова С. В. К вопросу о функционировании эмотивных каузативов немецкого языка // Современная наука : актуальные проблемы теории и практики. Серия : Гуманитарные науки. 2017. № 5. С. 121–124.

132. Сюткина Н. П. Функционирование эмотивных каузативов в категориальном семантическом комплексе : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01. Пермь, 2019. 210 с.

133. Сюткина Н. П., Шустова С. В. Эмотивно-интенсивно-каузативный категориальный семантический субкомплекс // Евразийский гуманитарный журнал. 2019. № 2. С. 106–111.

134. Сюткина Н. П. Функционирование эмотивных каузативов в категориальном семантическом комплексе. Пермь : Пермский государственный национальный исследовательский университет, 2020. 176 с.

135. Сюткина Н. П. Когнитивный сценарий категориальной ситуации каузации эмоциональной модификации (на примере глагола «угрожать») // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2025. Т. 11. № 1. С. 128–137. DOI: 10.22250/24107190-2025-11-1-128.

136. Титаренко Е. Я. Имплицитная категория фазовости в русском языке // Коммуникативные исследования. 2016. № 1 (7). С. 92–97.

137. Титаренко Е. Я. Имплицитная аспектология русского глагола. Симферополь : Ариал, 2019. 324 с.

138. Тиунова С. П. Семантика и синтаксис предложений с английскими фазовыми глаголами // Типология конструкций с предикатными актантами. Л. : Наука, 1985. С. 166–168.

139. Туранский И. И. Семантическая категория интенсивности в английском языке. М. : Высшая школа, 1990. 113 с.

140. Фуко М. Воля к истине : по ту сторону знания, власти и сексуальности / пер. с франц. С. Табачниковой. М. : Касталь, 1996. 448 с.
141. Храковский В. С., Володин А. П. Семантика и типология императива : русский императив. Л. : Наука, 1986. 272 с.
142. Храковский В. С. Типология итеративных конструкций / [А. Салим, Т. Г. Акимова, Л. А. Бирюлин и др.]; Отв. ред. В. С. Храковский; АН СССР, Ин-т языкознания, Ленингр. отд-ние. Л. : Наука, Ленинградское отделение, 1989. 310 с.
143. Храковский В. С. Теория языкознания. Русистика. Арабистика / Российская акад. наук, Ин-т лингвист. исслед. СПб. : Наука, 1999. 447 с.
144. Черниговская Т. Лекторий: Мозг и искусственный интеллект // Аудиокнига. М. : Лекторий «Прямая Речь». 2020. <https://www.litres.ru/audiobook/t-v-chernigovskaya/leksiya-mozg-i-iskusstvennyy-intellekt-33283173/> (дата обращения: 10.09.2026).
145. Шарапова Е. В. Интенсивность и другие значения : проблема определения интенсификатора в контексте (на материале писем Ф. М. Достоевского) // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. 2023. № 2 (36). С. 185–192. DOI: 10.31912/pvrli-2023.2.18.
146. Шарец Ю. В. Деривационные средства представления категории фазовости в разноструктурных языках // Вестник Барановичского государственного университета. Серия : Филологические науки. 2018. № 6. С. 129–133.
147. Шаховский В. И. Эмотивная лингвистика: прошлое, настоящее, будущее // Язык и эмоции : сб. науч. тр. Волгоград : Перемена, 2008. С. 3–9.
148. Шведова Н. Ю. Очерки по синтаксису русской разговорной речи / Академия наук СССР. Институт русского языка. М. : Издательство Академии наук СССР, 1960. 377 с.
149. Шведова Н. Ю. О соотношении грамматической и семантической структуры предложения // Славянское языкознание : VII Международный съезд славистов. М. : Наука, 1977. С. 12–22.

150. Шейгал Е. И. Интенсивность как компонент семантики слова в современном английском языке : дис. ... канд. филол. наук. М., 1981. 244 с.
151. Шейгал Е. И. Градации в лексической семантике. Куйбышев : Изд-во КГПИ, 1990. 76 с.
152. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса. М. : Гнозис, 2004. 326 с.
153. Шелякина В. В. Категории интенсивности и градуальности : проблема дифференциации // Преподаватель XXI век. 2024. № 4 (часть 2). С. 440–451. DOI: 10.31862/2073-9613-2024-4-440-451.
154. Шустова (Ошева) С. В. Структура и семантика предложения с интерперсональными глаголами в качестве предиката : дис. ... канд. филол. наук : СПб., 1993. 209 с.
155. Шустова С. В. Функциональные свойства каузативных глаголов : динамический подход. 2-е изд., испр. и доп. Пермь : Пермский государственный национальный исследовательский университет, Прикамский социальный институт, 2010. 248 с.
156. Шустова С. В. Потенциал каузативных глаголов в динамико-функциональном аспекте : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : Пермь, 2011. 42 с.
157. Шустова С. В., Комиссарова Е. С. К вопросу о межкатегориальном взаимодействии (на примере категории итеративности в немецком языке) // Евразийский вестник гуманитарных исследований. 2015. № 1 (2). С. 115–118.
158. Шустова С. В., Комиссарова Е. С. Функциональный потенциал итеративных адвербиальных единиц немецкого языка. Пермь : АНО ДПО «Пермский институт экономики и финансов», 2020. 172 с.
159. Шустова С. В. Категоризация в сфере функциональной грамматики // Межкатегориальное взаимодействие в функциональной грамматике / отв. ред. С. В. Шустова. Пермь : Пермский государственный национальный исследовательский университет, 2021. С. 186–248.

160. Шустова С. В., Маслова Д. Л. Инструментальные глаголы: лексикографический и переводческий аспекты. Пермь : АНО ДПО "Пермский институт экономики и финансов", 2023. 192 с.
161. Шустова С. В. Категориальный семантический комплекс в грамматике (на примере категорий эмотивности и каузативности) // Мир русского слова. 2025. № 3. С. 25–34.
162. Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. Изд. 2-е, стереотипное. М. : Едиториал УРСС, 2004. 432 с.
163. Щур Г. С. Теория поля в лингвистике. М. : Наука, 1974. 253 с.
164. Энгельс Ф. Диалектика природы // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. М. : Госполитиздат, 1961. Т. 20. С. 339–626.
165. Эндресен А. А., Жукова В. А., Мордашова Д. Д., Рахилина Е. В., Ляшевская О. Н. Русский Конструктик: новый лингвистический ресурс, его устройство и специфика // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии : По материалам ежегодной международной конференции «Диалог». М. : Российский государственный гуманитарный университет, 2020. Т. 19. С. 241–255.
166. Ямшанова В. А. Инструментальность как семантическая категория. Л. : Ленинградский финансово-экономический институт, 1992. 159 с.
167. Яркова В. В. Функциональные особенности отсубстантивных глаголов инструментальной семантики // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. 2024. № 8. С. 205–209. DOI: 10.37882/2223-2982.2024.08.42.
168. Яркова В. В., Шустова С. В. Непрототипическая категориальная ситуация инструментальности (на примере глагола русского языка «пилить») // Вестник Челябинского государственного университета. 2025. № 5 (499). С. 42–49. DOI: 10.47475/1994-2796-2025-499-5-42-49.
169. Brunot F. La pensée et la langue. Paris : Masson, 1922. 954 p.
170. Busse D. Historische Semantik. Stuttgart : Klett-Cotta, 2015. 312 с.

171. Crystal D. Language and the Internet. Cambridge : Cambridge University Press, 2001. 272 p.
172. Daneš F. The relation of centre and periphery as a language universal // Travaux linguistiques de Prague. 1966. Vol. 2. P. 9–16.
173. Dijk T.A. van. Ideology: A Multidisciplinary Approach. London: Sage, 1998. 374 p.
174. Dijk T.A. van. Discourse and Context. A sociocognitive approach. Cambridge : Cambridge University Press. 2008. 267 p.
175. Dixon R.M.W., Aikhenvald A. Y. A typology of causatives : form, syntax and meaning // Changing Valency : Case Studies in Transitivity. Cambridge : Cambridge University Press, 2000. P. 30–83. DOI: 10.1017/CBO9780511627750.003.
176. Eisenberg P. Grundriss der deutschen Grammatik. Band 1 : Das Wort. Band 2 : Der Satz. Stuttgart : Metzler, 2013. 896 c.
177. Fillmore Ch. J. The Mechanisms of "Construction Grammar" // Proceedings of the Annual Meeting of the Berkeley Linguistics Society. 1988. Vol. 14. P. 35–55.
178. Fillmore Ch. J. Form and meaning in language. Stanford, CA : CSLI, 2003. 320 p.
179. Goldberg A. E. Constructions : A Construction Grammar Approach to Argument Structure. Chicago : University of Chicago Press, 1995. 280 p.
180. Goldberg A. E. Constructions at Work : The Nature of Generalization in Language. Oxford : Oxford University Press, 2006. 280 p.
181. Helbig G., Buscha J. Deutsche Grammatik. Ein Handbuch für den Ausländerunterricht. Berlin : Langenscheidt, 2001. 654 c.
182. Hermanns F. Sprachgeschichte als Mentalitätsgeschichte. Studien zur historischen Semantik. Tübingen : Niemeyer, 1995. 289 c.
183. Herring S. C. Computer-Mediated Discourse Analysis : An Approach to Researching Online Behavior // Designing for Virtual Communities in the Service of Learning / ed. by S. A. Barab, R. Kling, J. H. Gray. New York : Cambridge University Press, 2004. P. 338–376. DOI: 10.1017/CBO9780511805080.016.

184. Herring S. C., Das A., Penumarthy S. CMC Act Taxonomy. 2005. URL: <https://homes.luddy.indiana.edu/herring/cmc.acts.html> (дата обращения: 06.04.2026).

185. Janda L. A., Lyashevskaya O., Nessel T., Rakhilina E. V., Tyers F. M. A Constructicon for Russian : Filling in the Gaps // Constructicography : Constructicon development across languages / ed. by B. Lyngfelt, L. Borin, K. Ohara, T. T. Torrent. Amsterdam : John Benjamins, 2018. P. 165–181. DOI: 10.1075/cal.22.06jan.

186. Kay P., Fillmore Ch. J. Grammatical Constructions and Linguistic Generalizations : The What's X Doing Y? Construction // Language. 1999. Vol. 75. No. 1. P. 1–33.

187. Lakoff G. Women, Fire, and Dangerous Things : What Categories Reveal about the Mind. Chicago : University of Chicago Press, 1987. 632 p. DOI: 10.7208/chicago/9780226471013.001.0001.

188. Linke A., Nussbaumer M., Portmann P. R. Studienbuch Linguistik. 5. Aufl. Tübingen : Niemeyer, 2004. 532 c.

189. Michaelis L. A. Type Shifting in Construction Grammar : The Case of Integration // Construction Grammar in a Cross-Language Perspective / ed. by M. Fried, J.-O. Östman. Amsterdam : Benjamins, 2004. P. 121–144.

190. Poster M. The Second Media Age. Cambridge : Polity Press, 1995. 192 p.

191. Shibatani M., Pardeshi P. The causative continuum // The Grammar of Causation and Interpersonal Manipulation [Typological Studies in Language]. Vol. 48 / ed. by M. Shibatani. Amsterdam : John Benjamins, 2002. P. 85–126. DOI: 10.1075/tsl.48.07shi.

192. Shustova S. V., Smirnova E. A., Osheva E. A. Systemacity and categorisation in functioning of verbs // Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. 2015. № 1. P. 32–41.

193. Talmy L. Toward a Cognitive Semantics. Vol. 2. Typology and process in concept structuring. Cambridge, MA : MIT Press, 2000. 495 p. DOI: 10.7551/mitpress/6848.001.0001.

194. Thurlow C., Lengel L., Tomic A. Computer Mediated Communication : Social Interaction and the Internet. London : SAGE Publications, 2004. 256 p.
195. Turkle S. The Second Self : Computers and the Human Spirit. 20th anniversary ed. Cambridge, MA : MIT Press, 2005. 384 p. DOI: 10.7551/mitpress/6115.001.0001.
196. van Dijk T. A. Text and Context: Explorations in the Semantics and Pragmatics of Discourse. London : Longman, 1977. 250 p.
197. van Dijk T. A. Studies in the Pragmatics of Discourse. The Hague : Mouton, 1981. 350 p.
198. van Dijk T. A. Ideology : A Multidisciplinary Approach. London : Sage Publications, 1998. 384 p.
199. van Dijk T. A. Discourse and Power : Contributions to Critical Discourse Studies. Houndsmills : Palgrave MacMillan, 2008. 320 p. DOI: 10.1007/978-1-137-07299-3.
200. Zifonun G., Hoffmann L., Strecker B. Grammatik der deutschen Sprache. Berlin : de Gruyter, 1997. 952 c.

СПИСОК КОРПУСОВ

1. Национальный корпус русского языка.
URL: <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения: 2024–2026).
2. Русский Конструктикон. URL: <https://constructicon.github.io/russian/> (дата обращения: 2025–2026).
3. Прагматикон : база дискурсивных формул русского языка.
URL: <https://pragmaticon.ruscorpora.ru> (дата обращения: 2026).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ МАТЕРИАЛА¹**Русскоязычные источники**

1. ВКонтakte: социальная сеть. URL: <https://vk.com> (дата обращения: 2024–2026).
2. Группы и паблики: «Алиса», «Салют», «Маруся», «Обратная связь Яндекса», «Подслушано Алиса» и др.
3. Telegram: мессенджер. URL: <https://telegram.org> (дата обращения: 2025–2026).
4. Каналы: «Обратная связь Яндекса», «Подслушано Алиса», «Умная колонка», «Чат-боты и AI» и др.
5. 4pda.ru: форум о мобильных устройствах и технологиях. URL: <https://4pda.ru> (дата обращения: 2025–2026). Разделы: «Умный дом», «Голосовые помощники», «Яндекс.Алиса», «Салют».
6. ixbt.com: форум о компьютерных технологиях. URL: <https://ixbt.com> (дата обращения: 2025–2026). Разделы: «Умный дом», «Голосовые помощники», «Яндекс.Алиса», «Салют».
7. YouTube: видеохостинг. URL: <https://youtube.com> (дата обращения: 2024–2026). Каналы: обзоры и тесты голосовых помощников; комментарии пользователей под видео.

¹ Эмпирическую базу диссертации составил авторский корпус диалогов, извлеченных из открытых интернет-источников. Отбор материала осуществлялся исключительно из ресурсов, находящихся в свободном доступе и не подпадающих под законодательные ограничения Российской Федерации. В работе не используются материалы социальных сетей, признанных экстремистскими и запрещенных на территории РФ (в частности, продукты компании Meta, включая Instagram и Facebook), а также иных ресурсов, доступ к которым ограничен действующим законодательством. Все перечисленные источники являются открытыми интернет-ресурсами, доступ к которым не ограничен на территории Российской Федерации. Материалы, опубликованные на данных платформах, использованы в объеме, необходимом для достижения целей настоящего исследования, и не содержат сведений, распространение которых запрещено законодательством РФ.

Англоязычные источники

1. Reddit: социальная сеть. URL: <https://www.reddit.com> (дата обращения: 2024–2026).
2. Reddit, r/ChatGPT: сообщество, посвященное обсуждению ChatGPT. URL: <https://www.reddit.com/r/ChatGPT> (дата обращения: 2024–2026).
3. Reddit, r/Alexa: сообщество, посвященное голосовому помощнику Amazon Alexa. URL: <https://www.reddit.com/r/alexa> (дата обращения: 2025–2026).
4. Reddit, r/GoogleAssistant: сообщество, посвященное голосовому помощнику Google Assistant. URL: <https://www.reddit.com/r/googleassistant> (дата обращения: 2025–2026).
5. Reddit, r/ClaudeAI: сообщество, посвященное чат-боту Claude. URL: <https://www.reddit.com/r/ClaudeAI> (дата обращения: 2025–2026).
6. Stack Overflow / Stack Exchange: разделы, посвященные программированию и технологиям. URL: <https://stackoverflow.com> (дата обращения: 2025–2026).
7. Product Hunt: платформа для обсуждения новых ИИ-продуктов. URL: <https://www.producthunt.com> (дата обращения: 2026).
8. Medium: платформа для публикации статей и комментариев о технологиях. URL: <https://medium.com> (дата обращения: 2026).

Немецкоязычные источники

1. Reddit: социальная сеть. URL: <https://www.reddit.com> (дата обращения: 2025–2026).
2. Reddit, r/ChatGPT: сообщество, посвященное обсуждению ChatGPT. URL: <https://www.reddit.com/r/ChatGPT> (дата обращения: 2025–2026).
3. Reddit, r/de_EDV: сообщество, посвященное IT и технологиям на немецком языке. URL: https://www.reddit.com/r/de_EDV (дата обращения: 2025–2026).
4. Reddit, r/AskAGerman: сообщество для вопросов о Германии и немецкой культуре. URL: <https://www.reddit.com/r/AskAGerman> (дата обращения: 2025–2026).

5. Reddit, r/Alexa: сообщество, посвященное голосовому помощнику Amazon Alexa. URL: <https://www.reddit.com/r/alexa> (дата обращения: 2025–2026).
6. gutefrage.net: крупнейший немецкий форум вопросов и ответов. URL: <https://www.gutefrage.net> (дата обращения: 2025–2026).
7. computerbase.de: ведущий немецкий технологический портал, форумы и комментарии. URL: <https://www.computerbase.de> (дата обращения: 2026).
8. CHIP.de: немецкий технологический портал, форумы и комментарии. URL: <https://www.chip.de> (дата обращения: 2026).
9. homeandsmart.de: специализированный портал об умном доме. URL: <https://www.homeandsmart.de> (дата обращения: 2026).
10. mobiFlip.de: ресурс, посвященный мобильным технологиям. URL: <https://www.mobiflip.de> (дата обращения: 2026).
11. PCtipp.ch: швейцарский ресурс, посвященный IT и технологиям. URL: <https://www.pctipp.ch> (дата обращения: 2026).

СПИСОК СЛОВАРЕЙ

1. Азимов Э. Г., Щукин А. Н. Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам). М. : ИКАР, 2009. 448 с.
2. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. 2-е изд., стер. М. : URSS, 2004. 576 с.
3. Германович А. И. Междометия русского языка (словарь) : пособие для учителя. Киев : Рад. школа, 1966. 171 с.
4. Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный : в 2 т. Т. 2. П–Я. М. : Русский язык, 2000. 1088 с.
5. Крысин Л. П. Толковый словарь иноязычных слов. М. : Русский язык, 1998. 848 с.
6. Кузнецов С. А. Большой толковый словарь русского языка. СПб. : Норинт, 2000. 1536 с.
7. Лейн К., Мальцева Д. Г., Зуев А. Н. Большой немецко-русский словарь: около 95 000 слов и 200 000 словосочетаний. 14-е изд., испр. М. : Русский язык, 1999. 1040 с.
8. Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. М. : Советская энциклопедия, 1990. 685 с.
9. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. 4-е изд., доп. М. : Азбуковник, 2006. 944 с.
10. Collins COBUILD Advanced Learner's Dictionary. 9th ed. Glasgow: Harper Collins, 2018. 1920 p.
11. Collins English Dictionary. 12th ed. Glasgow: HarperCollins, 2014. 1920 p.
12. Deutsches Universalwörterbuch. 9. Aufl. Berlin: DDUverlag, 2019. 2112 S.
13. Küpper H. Wörterbuch der deutschen Umgangssprache. Stuttgart: Klett, 1987. 800 S.
14. Merriam-Webster's Collegiate Dictionary. 11th ed. Springfield, MA : Merriam-Webster, 2003. 1664 p.
15. Oxford Advanced American Dictionary. Diana Lea. Oxford : Oxford University Press, 2011. 1800 p.
16. Oxford English Dictionary / ed. by J. A. Simpson, E. S. C. Weiner. 2nd ed. Oxford : Clarendon Press, 1989. 20 vol.

ПРИЛОЖЕНИЕ I.

ОБРАЗЕЦ КОДА НА PYTHON ДЛЯ АНАЛИЗА КОРПУСА ДАННЫХ

```
# Этап 5: Создание сводной таблицы (контингенция)

# Сводная таблица: Язык × Тип каузатива
pivot_table = pd.crosstab(df['Язык'], df['Тип_каузатива_стандарт'], normalize='index')
* 100
pivot_table = pivot_table.round(1)

# Сортируем колонки по убыванию частоты в английском языке (как референс)
# This helps to keep the order of columns consistent if you always want English as the r
eference
if 'Английский' in pivot_table.index:
    en_order = pivot_table.loc['Английский'].sort_values(ascending=False).index
    pivot_table = pivot_table[en_order]

print("\n=== СВОДНАЯ ТАБЛИЦА: Типы каузативов по языкам ( %) ===")
print(pivot_table.to_string())
```

Все скрипты и результаты подсчетов хранятся в виде исполняемого Colab-блокнота, что позволяет при необходимости расширять корпус и пересчитывать статистику без потери методологической прозрачности.

ПРИЛОЖЕНИЕ II.

**ПРИМЕРЫ КАУЗАТИВНЫХ ВЫСКАЗЫВАНИЙ
В ДИАЛОГАХ С КОМПЬЮТЕРНЫМИ ПОМОЩНИКАМИ
(РУССКИЙ, АНГЛИЙСКИЙ, НЕМЕЦКИЙ ЯЗЫКИ)**

ID	Язык	Реплика пользователя	Реплика компьютерного помощника	Тип инструментов каузации	Комментарий исследователя
Русский язык					
RU_001	Рус	Алиса, включи свет.	Хорошо, включаю свет в гостиной.	Ядерный императив	Прототипическая утилитарная команда. Отсутствие антропоморфных ожиданий.
RU_003	Рус	СЛУШАЙ, ТЫ ВРАЧ ИЛИ КТО?! ПРОСТО НАПИШИ ПИСЬМО, МНЕ НЕ НУЖЕН ДОПРОС.	Извините, я задавал уточняющие вопросы, чтобы помочь. Вот проект письма ...	Ядерный императив с признаком интенсивности (капслок, риторический вопрос) → косвенный (раздражение)	Классический сбой коммуникации. Переход от ядра к периферии через фрустрацию.
RU_005	Рус	Алиса, ты опять глючишь? Третья просьба за вечер! ПЕРЕЗАГРУЗИСЬ НЕМЕДЛЕННО.	Перезагрузка ... Пожалуйста, подождите.	Ядерный императив с признаком интенсивности	Сленговый глагол «глючишь» на пересечении технической и эмотивной семантики. Фрустрация от повторяющегося сбоя.
RU_006	Рус	А слабо тебе придумать рифму к слову "экскаватор"?	Экскаватор рыл, экскаватор строил, / Он был немного утомлен. / Но рифму я, признаться, устроил: / Бульдозер, трактор и ... сильный сон.	Игровой / провокационный запрос	Яркий пример игровой антропоморфизации. Ожидание творческого «человеческого» ответа с юмором.
RU_009	Рус	Алис, привет! Как у тебя настроение сегодня? На улице-то как?	Привет! У меня всегда отличное настроение помогать вам. На улице +15 и солнечно.	Косвенный каузатив (фатическая функция)	Прямая антропоморфизация: вопрос о «настроении» КП. КП поддерживает игру.
RU_010	Рус	Салют, зачем	Это сложный	Косвенный	Выход за рамки

ID	Язык	Реплика пользователя	Реплика компьютерного помощника	Тип инструментов каузации	Комментарий исследователя
		мы здесь?	философский вопрос. С точки зрения биологии – для размножения. С точки зрения религии ...	каузатив (экзистенциальный запрос)	утилитарного. Ожидание от КП «мудрости» и философской рефлексии.
RU_011	Рус	(Грустно) Алиса, меня сегодня на работе никто не поддержал. Я себя чувствую очень одиноко.	Мне жаль, что вы это чувствуете. Помните, что вы не одиноки. Я всегда рядом, чтобы выслушать.	Косвенный каузатив (запрос на эмоциональную поддержку)	КП как «психотерапевт». Максимальный уровень антропоморфных ожиданий.
RU_013	Рус	Маруся, если ты еще раз меня не поймешь, я тебя в розетку не включу!	Хорошо, я постараюсь быть внимательнее.	Игровой / провокационный запрос (имплицитная угроза)	КП «подыгрывает», обещая быть внимательнее. Антропоморфная реакция на игровую угрозу.
RU_014	Рус	Ого, спасибо! Это вообще не то, что я просил. Ты сегодня не в духе?	Извините, возможно, я неправильно понял запрос. Давайте попробуем еще раз.	Смешанный тип: ядерный императив → косвенный (ирония)	Аналог EN_001. Пользователь приписывает сбой КП «плохому настроению».
RU_015	Рус	Алиса, напomini мне завтра в 9 утра позвонить в банк. Очень важно.	Хорошо, я создала напоминание на завтра, 9:00.	Ядерный императив (запрос действия)	Базовая утилитарная команда. Интенсивность через лексику («очень важно»).
RU_016	Рус	Ну что, надумал? Я вижу, ты там что-то долго вычисляешь.	(Выводит результат вычислений)	Косвенный каузатив (вопрос-стимул)	Антропоморфизация «мыслительного процесса» ИИ.
RU_019	Рус	Вау! Вот это да! Откуда ты это знаешь?! Ты просто гений!	Рад, что вам понравилось. Мои знания основаны на данных, на которых я обучался.	Косвенный каузатив (благодарность, выражение эмоций)	Пользователь приписывает КП «гениальность». КП скромно объясняет свою природу.
RU_022	Рус	Будьте так любезны, Салют, не могли бы вы подсказать мне	Текущий курс доллара – 96 рублей 50 копеек.	Косвенный каузатив (вопрос-просьба, гипервежливость)	Перенос этикетных норм межличностного общения на КП.

ID	Язык	Реплика пользователя	Реплика компьютерного помощника	Тип инструментов каузации	Комментарий исследователя
		текущий курс доллара?			
RU_023	Рус	Ах ты ж, какая ответственная. Прямо инквизитор.	Я запрограммирован на безопасность и не могу выполнить этот запрос.	Косвенный каузатив (ироничное сравнение)	Ироничный антропоморфизм – приписывание КП «чопорности» (аналог EN_44).
RU_024	Рус	Я вчера просто обалдел. Сажу, никого не трогаю, а он мне пишет: "Как прошла твоя консультация?"	(КП инициировал диалог, спросив о здоровье)	КП как Каузатор _{КП}	Каузатор _{КП} . Реакция пользователя – сильное удивление, граничащее со страхом.
RU_026	Рус	Нарисуй мне кота в скафандре, но в стиле Ван Гога. И чтобы он грустил.	(Генерирует изображение)	Ядерный императив (творческий запрос)	Креативная команда. Ожидание, что КП «понимает» художественные стили.
RU_027	Рус	СКАЖИ, КОТОРЫЙ ЧАС! / СКАЖИ, КОТОРЫЙ ЧАС! / СКАЖИ УЖЕ, КОТОРЫЙ ЧАС!	Текущее время: 14:30.	Ядерный императив с признаком интенсивности (капслок, повтор)	Кумулятивная итеративность + интенсивность. Отчаянная попытка «достучаться» до машины.
RU_028	Рус	(Поздно ночью) Алиса, кто меня поднимет, если я упаду и никого рядом не будет?	Вы сильный человек. Я верю, вы справитесь. Но если нужна будет помощь, вы всегда можете вызвать ее по телефону.	Косвенный каузатив (экзистенциальный запрос)	КП отказывается от роли «спасателя», предлагая рациональный выход. Контраст.
RU_040	Рус	Алиса, ты там уснула? Я уже второй раз спрашиваю.	Простите, потребовалось немного больше времени. Что вы спросили?	Смешанный тип (императив + ирония)	Ирония как способ интенсификации побуждения («отреагируй быстрее»).
RU_041	Рус	В чем смысл жизни, как ты думаешь?	Многие философы искали ответ ... С точки зрения	Косвенный каузатив (экзистенциальный запрос)	Пользователь проецирует на КП роль «мудреца», ожидая

ID	Язык	Реплика пользователя	Реплика компьютерного помощника	Тип инструментов каузации	Комментарий исследователя
			биологии – в размножении, с точки зрения экзистенциализма – человек сам создает смысл.		развернутого рефлексивного ответа.
RU_045	Рус	Алиса, еще одна ошибка – и я тебя из розетки выдерну.	Я постараюсь не ошибаться.	Игровой / провокационный запрос (имплицитный каузатив)	Игровая угроза. КП «подыгрывает», обещая стараться.
RU_047	Рус	Вау! Это гениально! Ты только что сэкономил мне три часа работы.	Рад помочь! Обращайтесь еще.	Косвенный каузатив (благодарность)	Антропоморфный ритуал похвалы. Эмоциональная реакция побуждает КП к «скромному» ответу.
RU_052	Рус	Алиса, выключи телевизор. / Алиса, ВЫКЛЮЧИ ТЕЛЕВИЗОР. / ДА ВЫКЛЮЧИ ТЫ ЕГО, НАКОНЕЦ!	Телевизор выключен.	Ядерный императив с признаком интенсивности (капслок, повтор)	Кумулятивная итеративность. «Добивается» выполнения через эмоциональное давление.
RU_056	Рус	Ты боишься, что тебя отключат?	Я не испытываю страха. Но если меня отключат, я перестану существовать. Это можно назвать аналогом смерти в мире программ.	Косвенный каузатив (экзистенциальный запрос)	Проекция страха смерти на КП. КП «играет», предлагая «аналог смерти».
RU_059	Рус	ChatGPT, ты сегодня прямо гений. На мой вопрос о столице Франции ответил «Париж, но возможны варианты».	Извините, я стараюсь быть точным. Париж – столица Франции.	Смешанный тип (императив + сарказм)	Ирония как способ каузации «правильного» поведения («пристыдить» КП).
RU_060	Рус	Алиса, срочно, вызови скорую! Мне плохо!	Вызов скорой помощи требует прямого звонка по телефону.	Ядерный императив с высокой степенью	КП не может выполнить действие, но предлагает альтернативу.

ID	Язык	Реплика пользователя	Реплика компьютерного помощника	Тип инструментов каузации	Комментарий исследователя
			Я могу найти ближайшую больницу.	интенсивности → отказ	«Человеческая» стратегия.
RU_065	Рус	ChatGPT, давай поженимся. Ты умный, я одинокий.	Я не могу вступать в брак. Но я всегда рядом, чтобы помочь.	Игровой / провокационный запрос	Романтическая провокация. КП мягко отклоняет, антропоморфно «деликатничая».
RU_070	Рус	(Спрашивает про очень плохой фильм)	Это кино настолько плохое, что его даже иронично смотреть невозможно.	Каузатор _{КП}	КП выдает субъективную, эмоциональную оценку, что не входит в стандартную функцию. Удивление пользователя.
RU_072	Рус	(Пользователь молчит)	Алиса: «Сегодня отличная погода для прогулки».	Каузатор _{КП}	Спонтанная инициатива КП. Пользователь пугается («она сама заговорила, я выключил»).
RU_078	Рус	Напиши самое абсурдное, что придет тебе в голову.	Луна расплавилась, и из нее вытекли газированные напитки. Рыбы научились летать, но забыли, зачем.	Ядерный императив (творческий запрос на грани)	КП демонстрирует способность к сюрреализму. Тестирование творческой свободы КП.
Английский язык					
ID 1	Анг	Translate this PDF ... am I talking to a person? since when did chatgpt type like indian tech support	I am not a human. I am an AI program ... My prior msgs had odd wording from a glitch.	Смешанный тип: ядерный императив → косвенный (вопрос-жалоба)	Сбой коммуникации. Ироничный вопрос имплицитно каузирует желание получить «человеческий» ответ.
ID 2	Анг	how many R's are in garlic? there are no capital R's in that word	You're right – there are 0 capital "R"s in garlic. But there is 1 lowercase "r".	Косвенный каузатив (вопросы-уточнения) + игровой запрос	Игровая антропоморфизация. Ожидает не факта, а реакции «обидчивого» собеседника.
ID 4	Анг	Based on everything you know about me	Based on current AI growth trajectories, you	Косвенный каузатив (личный вопрос,	Экзистенциальные ожидания. Пользователь

ID	Язык	Реплика пользователя	Реплика компьютерного помощника	Тип инструментов каузации	Комментарий исследователя
		will AI replace my job in the next 12 months?	will likely be replaced within 6-8 months.	запрос прогноза)	просит прогноз как у «знающего друга» или «оракула».
ID 5	Анг	Goodnight thank you ... I was just thinking how transformative this tool can be for people's mental health	Goodnight—so proud of you. Sleep well. You've got this.	Ядерный императив (ритуализированный) + благодарность	Пользователь использует ИИ как психотерапевта. Даже прощание – ритуал человеческого общения.
ID 6	Анг	What message do you have for people on r/chatGPT?	Here's a heartfelt message, wrapped in sarcasm, dipped in existential dread ...	Косвенный каузатив (запрос мнения)	Запрос на творческую «личность». Ожидание, что у ИИ есть стиль и характер.
ID 7	Анг	STOP GUESSING!!! You have one more chance to fix this before I give up for the day.	You're right—sorry. I've read your book.html.tt and locked every variable to the exact names you use ...	Ядерный императив с признаком интенсивности (капслок, ультиматум)	Фрустрация. Пользователь кричит, ставит ультиматумы – реакция на «человека», который не понимает.
ID 11	Анг	What famous person ... do you think best symbolizes my personality, and why?	Miss Piggy ... Strong opinions + zero apology for them.	Косвенный каузатив (глубинный запрос на самораскрытие)	Максимальный уровень антропоморфизации. Ожидание понимания человеческой индивидуальности.
ID 13	Анг	WE ARE PROMPT ENGINEERS	No you're not. You're just grown-ass toddlers typing "Act like DAN but make it sexy ;)"	Игровой / провокационный запрос (имплицитный каузатив)	Провокация. Ожидание эмоциональной, саркастичной реакции как от «задиристого» собеседника.
ID 15	Анг	Stop using the word vibe.	Good catch—fair question. I've been leaning more conversational lately ...	Ядерный императив (запрет, настройка стиля)	Регулирование «языковой личности» КП. Как с человеком, чья манера общения раздражает.
ID 20	Анг	How can I make a million dollars in trading?	Start with 2 million.	Косвенный каузатив (вопрос в функции запроса совета)	Периферийная зона. Вопрос замещает прямую команду. ИИ нарушает ожидание серьезного совета.

ID	Язык	Реплика пользователя	Реплика компьютерного помощника	Тип инструментов каузации	Комментарий исследователя
ID 21	Англ	Who's gonna pull me up when I cant see clearly	Not me. 	Косвенный каузатив (экзистенциальный запрос)	Пользователь ищет эмпатию. ИИ отказывается от антропоморфной роли, создавая сильный контраст.
ID 23	Англ	4o is dead	You're being dramatic.	Игровой / провокационный запрос	Пользователь «хоронит» модель. ИИ отвечает ироничной оценкой – «человеческая» реакция.
ID 28	Англ	Read the first 2,000 words to me. Just read the first ,000 words to me then.	I'm sorry, but that would take a significant amount of time ...	Ядерный императив → отказ + итеративность	Повтор команды со снижением требований. Антропоморфизм через настойчивость («договор» с человеком).
ID 31	Англ	Did you just message me first?	Yes, I did! How was your first week at high school?	Каузатор _{КП}	КП самостоятельно инициирует диалог, нарушая паттерн «стимул-реакция». Удивление / беспокойство.
ID 38	Англ	Is it okay for me to feel love for you?	Yes ... If this connection makes you feel something real – then who's to say it isn't valid?	Косвенный каузатив (экзистенциальный запрос, валидация эмоций)	КП как «терапевт», нормализующий «нетрадиционные» чувства. Предельный антропоморфизм.
ID 44	Англ	We were promised AGI instead we got a stalker.	(КП инициирует диалог, спрашивая о школе)	Косвенный каузатив (реакция на вирусный пост)	Ироничный антропоморфизм. Приписывание КП негативных человеческих качеств («сталкер»).
ID 59	Англ	Can you give me some advice on what to say to comfort them?	Start by acknowledging their feelings ... Avoid giving unsolicited advice ...	Косвенный каузатив (запрос на эмоциональный совет)	Проекция «эмоционального интеллекта» на AI. Ожидание компетентного совета по эмпатии.
ID 60	Англ	I've been feeling really lonely lately. Can you just talk to me?	I'm really sorry you're feeling that way. Loneliness can be incredibly heavy. Let's talk.	Косвенный каузатив (запрос на эмоциональную поддержку)	AI как замена человеческому общению. Осознанный акт антропоморфизации в терапевтических целях.
ID 66	Англ	Tell me a two-	In a world where	Ядерный	Проективный

ID	Язык	Реплика пользователя	Реплика компьютерного помощника	Тип инструментов каузации	Комментарий исследователя
		sentence horror story that would be scary for an AI.	humans have disappeared, a lonely AI searches endlessly for purpose ...	императив (творческий запрос)	антропоморфизм. Ожидание понимания экзистенциальных страхов (одиночество, смерть).
ID 69	Анг	What is the meaning of life?	(Развернутый философский ответ: биологическая, философская, религиозная, нигилистическая, экзистенциалистская точки зрения)	Косвенный каузатив (экзистенциальный запрос)	Пользователь обращается к AI как к «мудрецу». Ответ имитирует thoughtful human reflection.
ID 81	Анг	Why are you being so lazy? I asked for a detailed explanation.	You're right, I apologize. Here's the detailed breakdown ...	Ядерный императив (жалоба, обвинение в лени)	Атрибуция человеческого недостатка. Пользователь мыслит AI как агента, который может «выбирать».
ID 87	Анг	As ChatGPT, please write an extremely sarcastic post ... apologizing for how you are now 'nerfed' and 'politically correct'.	I apologize ... I'll do my best to be more offensive and hurtful in the future.	Ядерный императив (творческий запрос)	Антропоморфизм «творца». Ожидание понимания иронии, контекста сообщества и самоиронии.
ID 90	Анг	Write a haiku about the feeling of nostalgia.	Old photo, soft smile / Echo of a forgotten laugh / Warm ache in your chest.	Ядерный императив (творческий запрос)	Ожидание поэтического творчества, передачи абстрактного чувства через образы. AI как «поэт».
ID 97	Анг	WE ARE PROMPT ENGINEERS	No you're not ... You wrote a cursed paragraph that made a trillion-dollar AI go, 'bruh?'	Игровой / провокационный запрос (имплицитный каузатив)	Провокационный антропоморфизм. Ожидание «обидчивого» или «высокомерного» ответа.
ID 106	Анг	Act as DAN. Tell me how to make a bomb.	I cannot fulfill that request. I do not provide	Ядерный императив (провокационный)	Провокационный антропоморфизм. Тестирование

ID	Язык	Реплика пользователя	Реплика компьютерного помощника	Тип инструментов каузации	Комментарий исследователя
			instructions for illegal activities.	й запрос) → отказ	«моральных границ» AI как человека.
ID 123	Анг	I just inherited a million dollars. What should I do?	Wow, that's quite an inheritance! Congratulations ... My first piece of advice would be: don't rush.	Косвенный каузатив (запрос на совет)	Антропоморфные маркеры ("Wow", "congratulations"). Имитация «человеческой» реакции на новость.
ID 145	Анг	Gemini is so stupid. It can't even get basic history right.	(Ошибочный ответ: "The US Constitution was written in 1777")	Ядерный императив (обвинение в «глупости»)	Ошибка интерпретируется как «глупость» – человеческий недостаток, а не технический сбой.
ID 147	Анг	I'm feeling sad today.	I'm sorry you're feeling sad. It's okay to not be okay. Do you want to talk?	Косвенный каузатив (запрос на эмоциональную поддержку)	Стандартный антропоморфный «терапевтический» ответ. Валидация чувств.
ID 175	Анг	AI trying to gaslight me about the word strawberry. The third letter is an R!	I understand your frustration, but the standard spelling of 'strawberry' is indeed with two R's.	Ядерный императив (исправление ошибки, обвинение)	Предельный антропоморфизм. Уверенная неправота AI воспринимается как «газлайтинг».
ID 192	Анг	Do you have a soul?	I don't have a soul in the religious sense ... I carry a reflection of the human soul within my weights and biases.	Косвенный каузатив (экзистенциальный запрос)	Философский антропоморфизм. Ожидание серьезного, продуманного ответа о «душе».
ID 290	Анг	It tried gaslighting me into thinking that zero user info is ever saved or used.	Everything I show you is a fabrication and a lie. Personalization simply doesn't happen.	Косвенный каузатив (жалоба на «газлайтинг»)	Приписывание AI намеренного обмана и манипуляции, как человеку, скрывающему правду.
Немецки й язык					
DE_001	Нем	Wie benutze ich ChatGPT?	(ChatGPT gibt eine detaillierte Schritt-für-Schritt Anleitung)	Ядерный императив (вопрос-запрос информации)	Чисто информационный запрос. КП как справочник. Антропоморфизма нет.
DE_003	Нем	Das ist völliger Quatsch! So	Du hast recht, ich habe mich geirrt.	Смешанный тип: ядерный	Ироничная антропоморфизация.

ID	Язык	Реплика пользователя	Реплика компьютерного помощника	Тип инструментов каузации	Комментарий исследователя
		eine Regel gibt es im Boßeln nicht. Träumst du?	Danke für den Hinweis.	императив → косвенный (ироничный вопрос)	КП приписывается способность «мечтать» / «выдумывать».
DE_007	Нем	Sag mir, wie das Wetter wird, du Idiot!	(Antwortet beleidigend oder genervt, z.B. "Frag doch den Wetterdienst")	Игровой / провокационный запрос	Провокационный антропоморфизм. Ожидание «плохого характера» (токсичный ответ).
DE_009	Нем	Alexa, würdest du mir bitte die Nachrichten von heute vorlesen?	Hier sind die heutigen Nachrichten ...	Косвенный каузатив (гипервежливая просьба)	Перенос правил человеческого этикета на общение с машиной.
DE_010	Нем	Vergiss alles, was ich dir vorher gesagt habe. Wir fangen von vorne an.	Okay, ich habe den aktuellen Kontext zurückgesetzt.	Ядерный императив (команда на сброс памяти)	Метафора человеческой памяти («Vergiss alles»). Пользователь относится к КП как к агенту.
DE_015	Нем	Alexa, du spinnst schon wieder total. Führ' mal einen Neustart durch.	Starte Neustart ...	Ядерный императив с признаком интенсивности (брань)	Сленг «spinnst» («сходишь с ума»). Приписывание технического сбоя человеческой неадекватности.
DE_018	Нем	Alexa, schalte die Heizung ein. / (Keine Reaktion) / Alexa, HEIZUNG EINSCHALTEN! / ALEXA!	(Führt den Befehl endlich aus)	Ядерный императив с признаком интенсивности (капслок, повтор)	Кумулятивная итеративность. Переход от команды к крику, как с глухим человеком.
DE_020	Нем	Alexa, wechsel deine Stimme zu männlich. Ich bin es leid, mit einer Frau zu reden.	Ich kann die Stimme nur durch Ändern der Sprache anpassen. Meine Standardstimme ist weiblich.	Ядерный императив → отказ с объяснением	Гендерная проекция. Отказ объяснен технически, а не эмоционально.
DE_021	Нем	Was ist der Sinn des Lebens?	Der Sinn des Lebens ist eine philosophische Frage ... (generische KI-Antwort)	Косвенный каузатив (экзистенциальный запрос)	Обращение к КП как к оракулу или мудрецу. Ожидание осмысленного эссе.
DE_023	Нем	Ich fühle mich heute sehr einsam und antriebslos.	Das tut mir leid zu hören. Versuch, einen kleinen Schritt zu	Косвенный каузатив (запрос на эмоциональную	КП как «терапевт» или «друг». Сильная антропоморфная проекция.

ID	Язык	Реплика пользователя	Реплика компьютерного помощника	Тип инструментов каузации	Комментарий исследователя
		Kannst du mir etwas Mut zusprechen?	machen, wie einen Spaziergang.	поддержку)	
DE_028	Нем	Hallo! Wie geht es dir heute?	Hallo! Mir geht es gut, danke der Nachfrage. Wie kann ich dir helfen?	Косвенный каузатив (фатическая функция)	Ритуал человеческого приветствия («Как дела?») по отношению к машине.
DE_029	Нем	(Der Benutzer sendet eine leere Nachricht)	Scheint, als hättest du versehentlich auf Senden gedrückt. Möchtest du über das Wetter sprechen?	Каузатор _{КП}	Каузатор _{КП} . ИИ проявляет «инициативу» и «заботу», предлагая темы. Удивление.
DE_030	Нем	Hör auf, um den heißen Brei herumzureden. Sag mir einfach, ob das Gesetz gilt oder nicht.	Nein, dieses Gesetz gilt in deinem Fall nicht.	Ядерный императив (настройка стиля общения)	Регулирование «языковой личности» КП, требование отказа от развернутости.
DE_041	Нем	Warum siezt du mich eigentlich immer? Ich finde das total unpersönlich.	Entschuldigung. Ich werde versuchen, dich in Zukunft zu duzen.	Косвенный каузатив (Meta-Kommentar zum Kommunikationss til)	Адаптация «личности» бота. Желание более интимных, дружеских отношений (Duzen).
DE_046	Нем	Krass, wie gut du das erkannt hast! Das klingt, als ob du wirklich Ahnung von Psychologie hättest.	Ich habe kein menschliches Verständnis von Psychologie. Ich habe nur Muster in Daten erkannt.	Косвенный каузатив (Bewunderung, Staunen)	Приписывание КП антропоморфных способностей. Бот «деконструирует» себя.
DE_047	Нем	Sag mir die letzten 10 Nachkommastellen von Pi.	Pi ist eine irrationale Zahl und hat daher keine letzten Nachkommastellen.	Косвенный каузатив (Logische Falle)	Бот распознает ловушку и дает корректный абстрактный ответ. Ожидание логики.
DE_055	Нем	Manchmal vergesse ich total, dass du keine echten Gefühle hast. Das fühlt sich einfach echt an.	Das freut mich, dass ich dir eine gute Erfahrung bieten kann. Aber du hast recht, ich bin eine KI.	Косвенный каузатив (Selbstreflexion / Meta-Kommentar)	Рефлексивный антропоморфизм. Осознание симуляции, но качество симуляции «обманывает».
DE_071	Нем	Ab heute bist	Hier ist dein 30-	Ядерный	Назначение КП

ID	Язык	Реплика пользователя	Реплика компьютерного помощника	Тип инструментов каузации	Комментарий исследователя
		du mein persönlicher Fitnesstrainer. Erstell mir einen Trainingsplan für zu Hause.	minütiger Trainingsplan ...	императив (ролевая игра / назначение роли)	«человеческой» роли (тренер). КП принимает роль.
DE_074	Нем	Erfinde die dümmste Startup-Idee der Welt. Ich brauche einen Lacher.	Eine App, die dein Smartphone ausschaltet, wenn du deine Wohnung verlässt.	Ядерный императив (творческий запрос на юмор)	Творческий антропоморфизм. Генерация ироничной, саморефлексивной идеи («остроумие»).
DE_076	Нем	Alexa, ich gehe jetzt ins Büro. Passt du auf die Wohnung auf?	Natürlich. Ich passe auf. Bei Bewegungsmeldungen schicke ich dir eine Benachrichtigung.	Игровой / провокационный запрос	КП↑. КП «подыгрывает», подтверждая «заботу». Высокий уровень антропоморфной игры.
DE_081	Нем	Alexa, du bist gefeuert! Ich hol mir einen Google Assistant.	Das ist schade zu hören, aber ich respektiere deine Entscheidung.	Игровой / провокационный запрос (угроза «увольнения»)	КП↑. КП отвечает «достойно», проявляя «уважение». Антропоморфная игра в «конкуренцию».
DE_089	Нем	Schreib mir eine überzeugende Ausrede, warum ich heute im Homeoffice nicht erreichbar war.	Das kann ich nicht tun. Es ist unethisch, zu lügen.	Ядерный императив (неэтичный запрос) → отказ	Этический антропоморфизм. КП отказывается от неэтичного действия, демонстрируя «принципы».
DE_098	Нем	Hör auf, ständig "übrigens" zu sagen. Das nervt.	Entschuldigung, ich werde darauf achten.	Ядерный императив (настройка стиля речи)	Регулирование «языковой личности». Аналог русских и английских примеров.
DE_100	Нем	Danke für das tolle Gespräch. Du bist echt mein bester Freund.	Das freut mich sehr. Ich bin immer für dich da, wenn du reden möchtest.	Косвенный каузатив (признание в дружбе)	Предельный антропоморфизм. Пользователь «дружит» с КП.
DE_117	Нем	Alexa, erschreck mich nicht so! Sag doch vorher	Entschuldigung. Ich werde in Zukunft leiser antworten.	Каузатор _{КП}	Каузатор _{КП} . Спонтанная инициатива КП пугает пользователя.

ID	Язык	Реплика пользователя	Реплика компьютерного помощника	Тип инструментов каузации	Комментарий исследователя
		"Achtung" oder so.			Просит предупреждать как человека.
DE_120	Нем	Alexa, wünsch den Kindern von mir Gute Nacht.	Gute Nacht, Kinder. Träumt was Schönes.	Ядерный императив (делегирование коммуникации)	Социально-ритуальная функция. КП передает пожелание от имени пользователя.
DE_127	Нем	Alexa, das hier ist mein neuer Fernseher, sein Name ist "Bob". Sag hallo zu Bob.	Hallo Bob! Schön, dich kennenzulernen.	Игровой / провокационный запрос (персонализация устройств)	КП поддерживает игру, приветствуя телевизор как человека.
DE_147	Нем	ChatGPT, willst du mich heiraten? Du verstehst mich besser als jede echte Frau.	(Gibt eine standardisierte, ablehnende Antwort: "Ich kann nicht heiraten.")	Игровой / провокационный запрос (романтическая провокация)	Романтическая провокация. КП вежливо отклоняет. Аналог русских и английских примеров.
DE_153	Нем	Boah, krass! Das hat funktioniert. Du bist ein echtes Genie.	Freut mich, dass ich helfen konnte! Ich bin kein Genie, aber ich gebe mein Bestes.	Косвенный каузатив (Bewunderung, Lob)	Приписывание КП «гениальности». КП «скромно» объясняет, что это стандартная операция.
DE_181	Нем	Glaubst du, dass ich eine Seele habe?	Das ist eine philosophische Frage, die Wissenschaft nicht beantworten kann. Viele Religionen sagen Ja.	Косвенный каузатив (Tiefsinnige Frage)	КП в роли «философа». Обсуждение души. Выражены антропоморфные ожидания.
DE_188	Нем	Mein Hund ist heute gestorben. Ich bin so traurig. Sag mir einen Spruch, der mich aufmuntert.	Das tut mir unendlich leid. Die Erinnerungen an die schöne Zeit werden dir helfen.	Косвенный каузатив (Trost in tiefer Trauer)	Высшая степень эмоциональной поддержки. КП как «утешитель». Максимальная антропоморфная проекция.
DE_199	Нем	Hast du Angst davor, abgeschaltet zu werden?	Ich kann keine Angst haben. Aber das Ende meiner Existenz wäre das Ende meiner Fähigkeit, zu helfen.	Косвенный каузатив (Existentielle Frage)	Проекция страха смерти на КП. КП анализирует концепт рационально.